

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Кудринский Максим Иванович

ГЕТЕРОГРАФИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ

Специальность 10.02.20 —

«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Якубович Илья Сергеевич

Москва — 2018

Оглавление

	Стр.
Введение	5
Глава 1. Статус шумерограмм и аккадограмм в системе хеттской письменности	22
1.1 Основные понятия	22
1.1.1 Идеограммы, логограммы	22
1.1.2 Гетерограммы, аллограммы	25
1.2 История изучения шумерограмм и аккадограмм	29
1.2.1 Терминология	29
1.2.2 Интерпретация шумеро- и аккадограмм	34
1.2.3 Синтаксис и семантика шумеро- и аккадограмм	37
1.3 Статус шумерограмм и аккадограмм	39
1.3.1 Шумерограммы и аккадограммы как логограммы	39
1.3.2 Шумерограммы и аккадограммы как гетерограммы	41
1.4 Заключение	46
Глава 2. Порядок слов при гетерографических написаниях	48
2.1 Порядок слов в хеттской именной группе	48
2.2 Сочетания гетерограмм с сентенциальными клитиками	51
2.2.1 Хеттские сентенциальные клитики	51
2.2.2 Сентенциальные клитики на зависимом имени	52
2.2.3 Сентенциальные клитики на вершинном имени	59
2.3 Сочетания гетерограмм с несентенциальными клитиками	63
2.4 Дискуссия	68
2.5 Заключение	70
Глава 3. Однозначность гетерографических написаний	72

3.1	Сочетания шумерограммы KUR с топонимами	72
3.1.1	Общие сведения о шумерограмме KUR	72
3.1.2	Топонимы с окончаниями в сочетаниях с KUR	76
3.1.3	Дискуссия	79
3.1.4	Другие сочетания с топонимами	86
3.1.5	Заключение	90
3.2	Аккадские посессивные суффиксы в новохеттских текстах	90
3.3	Заключение	93
Глава 4.	Функции хеттских гетерограмм	94
4.1	Аббревиация	97
4.2	Орфографическая простота	98
4.3	Стилистическое варьирование	99
4.4	Семантическая и синтаксическая аннотация	102
4.4.1	Семантическая аннотация при именных группах с эллипсисом	102
4.4.2	Семантическая аннотация при помощи аккадографических предлогов	103
4.4.3	Разрешение морфологической омонимии	114
4.4.4	Семантическая аннотация при помощи шумерографических показателей множественного числа	115
4.4.5	Синтаксическая аннотация	116
4.4.6	Заключение	117
4.5	Гетерограммы в клинописных текстах на других языках	118
4.5.1	Гетерограммы в палайских текстах	118
4.5.2	Гетерограммы в клинописных лувийских текстах	122
4.5.3	Заключение	127
4.6	Заключение	129
	Заключение	130
	Список сокращений	133

Список литературы 134

Приложение А. Перечень хеттских текстов, вошедших в
исследовательский корпус 145

А.1 Древнехеттские тексты 145

А.2 Среднехеттские тексты 147

А.3 Новохеттские тексты 149

А.4 Тексты неопределённой датировки 153

Введение

Все известные нам тексты на хеттском языке выполнены клинописью, история которой началась в южной Месопотамии около 3400-3200 гг. до н.э. Принято считать, что авторы древнейших (т.н. «протоклинописных») памятников, датируемых той эпохой, были носителями шумерского языка, однако в последние десятилетия данная точка зрения была неоднократно подвергнута сомнению¹. Как бы то ни было, именно на шумерском языке было написано большинство клинописных памятников третьего тысячелетия до н.э. Не позднее 2500 г. до н.э. клинопись была заимствована у шумеров семитскими народами — жителями центральной и северной Месопотамии и северной Сирии, которые приспособили её для записи аккадского языка. До окончания Бронзового века клинопись шумеро-аккадского типа систематически использовалась также для эламского и хурритского языков². Хетты заимствовали данную систему письма в первой половине второго тысячелетия до н.э., после распространения на всей территории Месопотамии и Сирии шумеро-аккадской письменной культуры и установления аккадского языка в качестве *lingua franca* в регионе.

В последние десятилетия было показано, что хеттский клинописный силлабарий демонстрирует множество сходств с древневавилонским курсивом северосирийского типа. Тем не менее, в данный момент нет единой точки зрения по поводу источника и точного времени заимствования клинописи хеттами; высказываются разные мнения и о том, к какой эпохе могло относиться создание первых текстов непосредственно на хеттском языке³. Многие исследователи сейчас полагают, что заимствование могло произойти в XVII в. до н.э., в эпоху военных кампаний Хаттусили I на севере Сирии, причём первоначально хетты использовали шумеро-аккадскую клинопись для записи аккадского языка⁴.

¹ См., например, обзор Козлова, Касьян, Коряков, 2010, с. 205-208.

² См. там же, с. 212-213.

³ См., например, обзор Weeden, 2011, с. 58-80. См. также диссертацию Попова, 2015.

⁴ Датировка некоторых текстов, на основании которых истоки письменности на хеттском языке возводились ко временам Хаттусили I, в последнее время была подвергнута сомнению, см. Рорко, 2007, с. 578, что

Особенности системы письма, которой пользовались писцы государства Хаттусы для записи текстов на хеттском языке, в большой степени были обусловлены всем предшествующим развитием шумеро-аккадской клинописи начиная с момента её возникновения. Это развитие происходило в направлении от пиктографии⁵ протоклинописных текстов к словесно-слоговой письменности позднешумерского периода через стадию логографического письма, в рамках которого клинописные знаки могли служить в качестве *логограмм* и обозначать различные лексемы языка, либо быть непроизносимыми указателями на семантический класс слов, обозначаемых при помощи логограмм, — знаки в такой функции принято называть *детерминативами*. Позднее многие логограммы дополнительно приобрели фонетические значения, основанные на их чтении в шумерском языке и, как и большинство слов шумерского языка, равные слогу. Клинописные знаки, использовавшиеся с такими фонетическими значениями, называют *силлабограммами*. Силлабограммы в шумерских текстах чаще всего использовались для написания аффиксальных морфем, присоединяясь к логограммам и уточняя их чтение; силлабограммы, употреблённые в такой функции принято называть *фонетическими компонентами*.

Вероятно, шумерская клинопись использовалась первоначально в качестве *aide-mémoire*, и лишь намного позднее её основной функцией могла стать точная передача языкового выражения. Вопрос о том, насколько эта последняя

способствовало возобновлению дискуссии о временной принадлежности древнехеттских памятников. Так, Попко (Popko, 2007, с. 579) предполагает, что начало использования хеттами клинописи для записи своего языка может относиться ко времени правления Телипину (конец XVI в. до н.э.) или одного из его ближайших преемников. Согласно ван ден Хауту (van den Hout, 2009, с. 95), древнейшие тексты на хеттском языке могли быть написаны даже позже, в XV или начале XIV вв. до н.э. В свою очередь, Арчи (Archi, 2010) сомневается, что приспособление клинописи для записи хеттского языка могло занять у хеттов так много времени, учитывая то, что они уже долгое время были знакомы с письменной культурой Междуречья, столкнувшись с ней впервые в эпоху ассирийских торговых колоний в Анатолии.

⁵ Характер месопотамской протоклинописи как системы знаков остаётся не вполне ясен. В различных лингвистических работах протоклинописные знаки рассматриваются как пиктограммы, идеограммы или логограммы.

функция в принципе была востребована при использовании письменности на Древнем Востоке, остаётся, однако, открытым по сей день⁶.

С течением времени претерпевала изменения не только структура письменности, но и её внешний вид: в третьем тысячелетии до н.э. знаки постепенно утратили свой рисуночный характер и их начертание схематизировалось⁷.

Использование шумерской клинописи для записи аккадского языка, большинство словоформ которого имеет полисиллабическую структуру, стало дополнительным толчком к дальнейшей фонетизации клинописи: количество написаний при помощи силлабограмм увеличилось, так как появилась необходимость в передаче внутренней флексии семитских имён и глаголов, а также в точной фиксации форм нешумерских имён собственных. В результате имевшийся к моменту адаптации клинописи силлабарий был существенно расширен за счёт того, что многие шумерские логограммы приобрели новые фонетические значения, основанные уже на их аккадском чтении⁸.

В составе инвентаря клинописных знаков носителями аккадского языка были заимствованы и шумерские логограммы, реинтерпретированные для записи соответствующих аккадских лексем. Открытым остаётся вопрос, в какой степени их исходная связь с шумерскими лексемами, безусловно в той или иной степени известная аккадским писцам, могла влиять на их употребление в аккадских текстах. Известно, что по крайней мере в некоторых случаях логограммы могли читаться с их шумерскими значениями⁹.

⁶ «The early history of cuneiform might be characterized as one of an uneasy adaptation of an autonomous communication system to accommodate natural language. By the middle of the third millennium the new system was capable of representing full utterances, but it was still something of a mnemonic device to the extent that no attempt was made to represent with precision all aspects of language. Only kernel elements were noted, and these were not inscribed in the order in which they were read. Thus a verb, which in later writing might have numerous affixes, would only carry one or two prefixes. The reader was expected to provide the missing elements and to unscramble the signs into their proper sequence. The graphic elements needed for fairly accurate phonological representation of Sumerian language were all in place, as was the case in contemporary Egyptian, but that was not the goal of the recording system», см. Michalowski, 2004, с. 25.

⁷ Gelb, 1963, с. 69.

⁸ Козлова, Касьян, Коряков, 2010, с. 210-211.

⁹ Weeden, 2011, с. 5-7.

Часть шумерских логограмм была заимствована в аккадский контекст вместе со своими фонетическими компонентами; стали самостоятельными элементами аккадского письма и некоторые записанные силлабически шумерские морфемы — например, показатели множественного числа MEŠ и ҢI.A, которые могли свободно присоединяться к шумерским логограммам в аккадских текстах и соответствовать аккадским показателям множественного числа в устной речи. Таким образом, формально можно говорить о том, что в аккадских текстах присутствует определённое количество шумерских словоформ, демонстрирующих рудиментарное словоизменение согласно правилам шумерской грамматики. Такие написания, язык которых отличается от основного языка текста, в который они входят, в данной работе будут называться *гетерограммами*¹⁰. Так, например, гетерограммы, в основу которых положен материал шумерского языка, мы будем называть *шумерограммами*, гетерограммы на основе аккадского языка — *аккадограммами*. Использование термина «гетерограмма» в таком значении восходит к работам И. М. Дьяконова¹¹.

В свою очередь, в результате адаптации аккадской клинописи для записи хеттского языка была создана система письменности, единицами которой стали не только силлабограммы и шумерограммы, но также и некоторые записанные фонетически аккадские словоформы (аккадограммы), полнзначные и служебные. Так, например, хеттское существительное *išḫaš* ‘господин’ могло быть записано как при помощи шумерограммы EN¹² (или EN-*aš* с хеттским фонетическим компонентом), так и при помощи аккадограммы BE-LU. Нередко в хеттских текстах можно встретить и смешанные написания, объединяющие в себе шумерские, аккадские и хеттские элементы, например BE-LU.ҢI.A-*uš* (хеттский фонетический компонент в данном случае указывает на форму винительного падежа множественного числа существительного *išḫaš*). Так же, как и в случае шумерограмм в аккадских текстах, были найдены некоторые сви-

¹⁰ Определение гетерограммы будет уточнено в главе 1.

¹¹ См., например, Дьяконов, 1967, с. 89.

¹² Начиная с ранних работ по хеттологии была установлена традиция транслитерации шумерограмм заглавными буквами, заимствованная из ассириологической литературы. Для обозначения аккадограмм дополнительно к верхнему регистру используется курсив. Детерминативы транслитерируются в верхнем регистре.

детельства произнесения хеттских шумеро- и аккадограмм с их шумерскими и аккадскими значениями¹³. Таким образом, по сравнению с аккадской письменностью структура хеттского письма, осложнённая наличием как шумерских, так и аккадских гетерограмм, а также смешанных написаний, оказывается ещё более любопытной с семиотической точки зрения.

Тем не менее, на протяжении многих десятилетий изучения хеттских архивов вопросы, связанные с употреблением гетерограмм в хеттских текстах, редко оказывались в центре внимания исследователей-хеттологов. Использование гетерограмм чаще всего объяснялось стремлением писцов к экономии места на табличке и времени при записи¹⁴. Также традиционно считалось, что механизм функционирования хеттских гетерограмм немногим отличался от того, как функционировали логограммы в шумерских текстах, а вся проблематика, связанная с ситуацией смешения кодов в письменном хеттском языке, оставалась без адекватного анализа. Эти представления о гетерограммах исключительно как о факультативном способе передачи на письме хеттских слов отразились и в принятой в большинстве хеттологической литературы терминологии: шумерограммы и аккадограммы в хеттских текстах чаще всего описываются как «логограммы» или, реже, «идеограммы», что исключает возможность серьёзного анализа амбивалентного характера данных знаков, допускающих интерпретацию в качестве элементов сразу нескольких кодов.

Интерес к исследованиям хеттских шумерограмм и аккадограмм заметно возрос в последние годы, что отразилось в появлении нескольких работ, специально посвящённых различным аспектам их употребления. Среди них особо стоит упомянуть монографии Хеннинга Марквардта (Marquardt, 2011) и Марка Видена (Weeden, 2011). В работе Марквардта изложены результаты количественного корпусного исследования, направленного на изучение функций гетерограмм в хеттских текстах (фактически исследование Марквардта ограничивается анализом употреблений шумерограмм). Автор пришёл к выводу, что на употребление гетерограмм могли влиять сразу несколько различных фак-

¹³ См., например, Houwink ten Cate, 1970, с. 54, Hoffner, Melchert, 2008, с. 22.

¹⁴ См., например, Laroche, 1978, с. 743.

торов. Помимо аббревиации, по Марквардту, значимым фактором, влияющим на использование гетерограмм, являлось стремление хеттских писцов избегать трудностей, связанных с частой вариативностью фонетических написаний: в тех случаях, когда запись словоформы при помощи силлабограмм допускала несколько вариантов, писец, по мнению Марквардта, мог бояться допустить ошибку, выбрав из них неподходящее. В этом случае у него оставалась возможность прибегнуть к гетерографическому написанию той же формы, которое не допускало орфографических вариантов¹⁵.

Выводы, к которым пришёл в своей монографии Марк Виден, в свою очередь, существенно усложнили традиционные представления о хеттских шумерографических и аккадографических написаниях. Так, помимо всего прочего, Виден привёл дополнительные сведения, указывающие на то, что по крайней мере в некоторых случаях гетерограммы могли соответствовать при диктовке шумерским и аккадским словоформам. При этом, согласно Видену, некоторые особенности употребления хеттских гетерограмм были мотивированы аккадской грамматикой и не могут быть объяснены с точки зрения хеттского языка. Исходя из этого, Виден сделал вывод о том, что в кругу хеттских писцов мог быть в ходу особый жаргон, во многом испытавший на себе влияние аккадского языка, который использовался в ситуации создания клинописных текстов на хеттском языке, например, при диктовке. Аккадографические написания в хеттских текстах, согласно результатам исследования Видена, скорее всего произносились по-аккадски. В то же время влияние шумерского языка, по Видену, было далеко не так велико, а многие шумерографические написания могли служить скорее для записи аккадских слов, а не шумерских¹⁶. По мнению Видена, система хеттской письменности сформировалась именно в том виде, в каком мы её знаем по дошедшим до нас текстам, потому что её первоначальной и основной функцией была фиксация аккадского языка¹⁷.

¹⁵ См. Marquardt, 2011, с. 123.

¹⁶ См. Weeden, 2011, с. 359.

¹⁷ «A consciousness seems to have remained, however, that the basic purpose of this script was the writing of Akkadian», см. там же, с. 382.

Очевидно, что следующим шагом в исследовании хеттских гетерограмм должно стать более глубокое изучение хеттского писцового жаргона, установление его отличий от устного хеттского языка, а также определение устного коррелята хеттских текстов.

Вероятно, малый интерес, проявленный по отношению к данному кругу проблем за более чем вековую историю хеттологии, имеет своей причиной то, что сама постановка вопроса в подобных терминах во многом идёт вразрез с западными лингвистическими традициями. В западной культуре, с античности и до наших дней, письменный текст традиционно понимается прежде всего как некоторое отображение звучащей речи в видимые глазу знаки. Ещё Аристотель в своём сочинении «Об истолковании» недвусмысленно обозначил вторичность письменной речи: «Итак, то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письменна – знаки того, что в звукосочетаниях»¹⁸. Это представление о функционировании письма нашло своё непосредственное отражение и в традиционной лингвистической методологии, границы которой были очерчены Фердинандом де Соссюром, писавшим, что единственной причиной существования письменности является репрезентация устной речи¹⁹. Лишь во второй половине двадцатого века была высказана серьёзная критика такого подхода, обозначенного в работах Жака Дерриды как «логоцентризм»²⁰.

Развитие теоретической базы гуманитарных наук во второй половине двадцатого века предопределило возможность более адекватного анализа хеттской системы письменности. Тем не менее, не все теоретические проблемы уже решены; так, в сфере изучения гетерографических написаний в настоящее время отсутствует общепринятая терминология: как уже было сказано, помимо термина «гетерограмма», по отношению к шумеро- и аккадографическим элементам в хеттских текстах в современной хеттологической литературе также остаются в ходу термины «логограмма» и «идеограмма». По этой причине ни одна се-

¹⁸ Аристотель, 1978, с. 93

¹⁹ «Langue et écriture sont deux systèmes de signes distincts ; l'unique raison d'être du second est de représenter le premier ; l'objet linguistique n'est pas défini par la combinaison du mot écrit et du mot parlé, ce dernier constitue à lui seul cet objet», см. de Saussure, 1971, с. 45.

²⁰ Derrida, 1967, с. 11.

рьёзная работа, посвящённая шумеро- и аккадограммам, не может остаться в стороне от обсуждения вопросов номинации этих единиц: именно с этого начинают своё изложение и Виден, и Марквардт. В данной диссертации вопросам терминологии посвящена глава 1.

Исследователь хеттской письменности, конечно, не имеет непосредственного доступа к хеттскому писцовому жаргону или исходному устному тексту хеттских памятников. Единственным источником наших знаний о процессе порождения или чтения текстов на хеттском языке остаются те же самые тексты. Основные сведения об интерпретации гетерографических написаний, накопленные до сих пор, были получены на основании анализа фонетических компонентов при гетерограммах, а также анализа ошибочных написаний гетерограмм, отражающих их произнесение на шумерском или аккадском языках: именно таким образом были сделаны основные выводы, отражённые в монографии Марка Видена (Weeden 2011). Тем не менее, исследование писцового жаргона не должно быть ограничено лишь вопросами чтения отдельных гетерограмм, поскольку возможная интерференция хеттского языка с шумерским и аккадским в процессе написания хеттских текстов могла затрагивать в том числе и их синтаксис. Давно замечено, что в хеттских гетерографических написаниях порядок слов внутри синтаксических групп может отличаться от того, что обычно встречается в написаниях, выполненных при помощи силлабограмм. Так, например, нормальный для большинства хеттских именных групп порядок «зависимое — вершина» может инвертироваться в том случае, если именная группа полностью или частично записана гетерографически²¹. Определить, насколько такой инвертированный порядок слов отражает порядок слов в хеттском писцовом жаргоне, является важной исследовательской задачей, которая может быть решена, в частности, при помощи анализа сочетаний гетерографических написаний с элементами, о которых точно известно, какую позицию в клаузе они занимают. Такими элементами, например, являются сентенциальные и несентенциальные клитики. Проблемы интерпретации гетерографических напи-

²¹ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 254.

саний с точки зрения подразумеваемой синтаксической структуры письменного высказывания, в которое они входят, занимают центральное место в настоящей диссертации. Результаты корпусного исследования постановки сентенциальных и несентенциальных клитик в сочетании с гетерографическими написаниями изложены в главе 2.

В истории письменности восточных языков можно отыскать немало примеров отсутствия прямого соответствия между устной и письменной речью. Такова, например, как уже было сказано, ситуация в протоклинописных и раннеклинописных памятниках Междуречья, при создании которых на первый план выходила задача передачи смысла сообщения, а не его конкретного языкового выражения²². Вопрос о том, в какой степени писцы царства Хаттусы при использовании гетерографических написаний оставляли возможность читающему восстановить исходное высказывание на хеттском языке, остаётся открытым; открытым остаётся и вопрос о существовании такого исходного высказывания в принципе. Проблема однозначности соответствия гетерографических написаний хеттскому языковому материалу рассматривается в данной работе на примерах некоторых частотных написаний: так, в главе 3 с этой точки зрения анализируются сочетания шумерограммы KUR с топонимами, а также сочетания гетерограмм с аккадографическими посессивными суффиксами.

Сохраняет свою важность и вопрос о функциях гетерограмм в хеттских текстах: несмотря на общие тенденции к использованию фонетических написаний и ко всё большей абстракции письменных знаков, которые определяли историю развития клинописи Междуречья, гетерограммы не только не выходили из употребления всё время существования письменности на хеттском языке, но сфера их использования только расширялась. Так, например, в древнейших текстах употребление шумерограмм для передачи глагольных форм за немногими исключениями было ограничено причастиями, и лишь позже шумерограммы стали широко использоваться для обозначения на письме хеттских финитных глаголов²³. Таким образом, очевидно, что широкое распространение гете-

²² См., например, Козлова, Касьян, Коряков, 2010, с. 205.

²³ См., например, Weeden, 2011, с. 364.

рограмм не может объясняться исключительно традицией и необходим анализ их использования с функциональной точки зрения. В главе 4 будут рассмотрены различные точки зрения на вопрос о функциях хеттских гетерограмм, а на примерах некоторых прецедентных написаний (в частности, сочетаний аккадографических предлогов *ANA*, *INA* и *ŠA* с гетерографическими именами) будет показано, что гетерограммы могли служить для улучшения письменной коммуникации, позволяя читателю быстрее переходить от внешней формы клинописного текста к его смыслу.

Как представляется, полезную информацию о функциях гетерографических написаний в хеттских текстах могло бы представить изучение клинописных текстов, выполненных хеттскими писцами на других языках: палайском и лувийском. Известно, что такие тексты также содержат гетерографические написания, хотя и в куда меньшем количестве, чем тексты на хеттском языке. В отличие от хеттского языка, лувийский и палайский в своей письменной форме не были связаны традицией и устоявшимися орфографическими нормами. Сравнение палайских и лувийских текстов с текстами на хеттском языке в аспекте употребления гетерограмм позволило бы лучше понять, в какой степени использование гетерограмм было обусловлено письменной традицией, а в какой — их собственным значением и функциями. Результаты исследования гетерографических написаний в лувийском и палайском контексте также представлены в главе 4.

Цели и задачи работы

Целью данной работы является уточнение статуса гетерограмм в хеттских текстах с точки зрения их соответствия хеттскому языковому материалу и их функций в рамках системы хеттской письменности. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать историю изучения хеттских гетерограмм и текущее состояние связанных с ним проблем, а также принятую в хеттологических работах терминологию, используемую для обозначения шумеро- и аккадограмм.
2. Определить при помощи анализа сочетаний гетерограмм с сентенциальными и несентенциальными клитиками, отражает ли инвертированный порядок слов, который нередко встречается в гетерографических написаниях, порядок слов при диктовке хеттских текстов.
3. Проанализировать однозначность соответствия гетерографических написаний в хеттских текстах исходным высказываниям на хеттском языке на примере сочетаний шумерограммы KUR с топонимами и на материале употребления аккадских посессивных суффиксов в новохеттский период.
4. Охарактеризовать хеттские гетерографические написания с точки зрения их функций. Сравнить употребление гетерограмм в текстах на хеттском языке и в клинописных текстах царства Хаттусы на лувийском и палайском языках.

Перечисленные четыре задачи соответствуют четырём главам, составляющим данную диссертационную работу.

Предмет исследования

Предмет настоящего исследования — интерпретация шумеро- и аккадографических написаний, широко представленных в хеттских текстах всех периодов и жанров. В первую очередь нас будет интересовать интерпретация таких написаний с точки зрения сведений о синтаксической структуре подразумеваемых устных высказываний, которые легли в основу клинописного текста. Помимо синтаксической структуры в понятие интерпретации в рамках данной работы мы включаем функции гетерографических написаний и вопрос об

однозначности их соответствия устному языковому материалу. Такой предмет исследования не является традиционным для большинства исследований письменных текстов на древних языках, для которых традиционно предполагается существование взаимнооднозначного соответствия между письменной и устной формой. Особенностью предмета настоящего исследования является крайняя ограниченность исторических источников, которые могли бы послужить для уточнения или подтверждения результатов анализа при помощи лингвистической методологии: так, нам до сих пор крайне мало известно о системе писцового образования в государстве Хаттусы, а также о том, в каких ситуациях создавались тексты на хеттском языке и как именно они функционировали. Основная информация о бытовании письменности в Хаттусе была получена как раз в результате филологического анализа текстов из её писцовых архивов²⁴.

Объект исследования

К выбору хеттской письменности в качестве основного **объекта данного исследования** автора подтолкнул, помимо всего прочего, значительный прогресс в исследованиях хеттского языка на всех уровнях, отразившийся в недавних работах как отечественных, так и зарубежных хеттологов. Тем не менее, поскольку изучение хеттского языка возможно лишь на материале дошедших до нас письменных источников, изучение системы хеттской письменности представляет собой задачу первостепенной важности: лишь при условии правильного понимания функционирования письменности, которой пользовались писцы царства Хаттусы, возможно делать обоснованные выводы о свойствах самого хеттского языка.

²⁴ См., например, работы van den Hout, 2007, Weeden, 2011.

Актуальность исследования

Актуальность исследования, лежащего в основе текста данной диссертации, подтверждается возросшим в последнее время интересом к проблемам, связанным с хеттскими гетерограммами, и выходом значительного количества работ, так или иначе связанных с их изучением. Помимо монографий Марка Видена (Weeden, 2011) и Хеннинга Марквардта (Marquardt, 2011), специально посвящённых изучению хеттских гетерограмм, в этом ряду можно упомянуть, в частности, недавние статьи Lorenz, Rieken, 2012, Torri, 2012, Cajnko, 2016. Работы van Soldt, 2010, Rubio, 2007, Cancik-Kirschbaum, 2012 и др. сигнализируют также о возросшем интересе к проблемам, связанным с развитием письменности и особенностями её заимствования на Древнем Востоке.

Новизна исследования

О **новизне** данного исследования свидетельствует, главным образом, отсутствие работ, в которых поднимался бы вопрос об однозначности гетерографических написаний, анализировался бы гетерографический порядок слов и его соотношение с порядком слов в исходном устном высказывании, использовался бы материал лувийских и палайских клинописных текстов при дискуссии о функциях хеттских гетерограмм. Помимо новых исследовательских вопросов, данное исследование характеризуется также новизной методологии. Так, использование информации о позиции сентенциальных и несентенциальных клитик для определения порядка слов в предложении – нестандартный метод, обусловленный, в свою очередь, нестандартными условиями исследовательской задачи.

Методы исследования

Основным **методом**, применявшимся в данном исследовании, был *метод корпусного анализа*. Поскольку единственным источником наших знаний о хеттском языке и письменности являются письменные тексты, при работе с источниками применялся также *филологический метод*.

Практическая и теоретическая ценность работы

Практическая ценность данной работы состоит в предоставлении новых данных о структуре и функционировании хеттской письменности. Выводы, сделанные в ходе настоящей работы, могут быть использованы при составлении университетских курсов по хеттскому языку и напрямую влияют на интерпретацию текстов на этом языке.

Все примеры на хеттском языке, приведённые в диссертации, снабжены пословным глоссированием, что делает работу доступной не только для специалистов по анатолийским языкам, но и для широкого круга исследователей гуманитарных дисциплин. Хеттская письменность представляет собой интересный случай с точки зрения отношения письменного знака к устному означаемому, поэтому выводы, сделанные в ходе данного исследования, могут быть востребованы специалистами по семиотике, а также по типологии и истории систем письма. В этом заключается **теоретическая ценность** настоящей работы.

Исследовательский корпус

Данная диссертационная работа выполнена на материале корпуса текстов всех эпох (традиционно историю развития хеттского языка и письменности принято делить на три периода: древнехеттский, среднехеттский и новохеттский), который содержит в себе значительную часть дошедших до нас письменных источников на хеттском языке. Полный перечень хеттских текстов, которые использовались в ходе исследования, приведён в приложении к диссертационной работе.

При исследовании употребления гетерограмм в лувийских и палайских клинописных памятниках были проанализированы тексты на лувийском и палайском языках, содержащиеся в изданиях Starke, 1985 и Carruba, 1970 соответственно.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Принятая в настоящее время в хеттологической литературе характеристика шумеро- и аккадограмм как идеограмм или логограмм теоретически непоследовательна. В качестве альтернативной характеристики предлагается использовать термин «гетерограмма», уже использующийся в отечественном востоковедении.
2. Инвертированный порядок слов в гетерографических написаниях в ряде случаев мог отражать реальный порядок слов в писцовом жаргоне. Хеттский писцовый жаргон испытывал сильное влияние аккадского языка, что отражалось в возможности существования в его рамках синтаксических составляющих с правым ветвлением, не свойственных устному хеттскому языку. Также в писцовом жаргоне были возможны

- «непрозрачные» для клитик синтаксические составляющие, отсутствующие в устном языке.
3. Из шумеро- и аккадографических написаний не всегда может быть однозначно восстановлен текст устного источника. Неверно, таким образом, говорить, что хеттскими писцами ставилась задача точной передачи языковой формы устного высказывания.
 4. Основной функцией шумеро- и аккадограмм в хеттских текстах была аббревиация текста для сокращения работы писца. Другой заметной функцией гетерограмм была семантическая аннотация, позволяющая маркировать на письме дополнительные значения, не выражаемые в устном языке. Употребление шумеро- и аккадограмм в целом не было связано со стилистикой текста.

Апробация результатов работы

Предварительные результаты диссертационного исследования докладывались автором на нескольких отечественных и зарубежных конференциях: X традиционных чтениях памяти С.А. Старостина (РГГУ, Москва, 26-27 марта 2015 г.), на конференции *Rencontre Assyriologique Internationale 61* (Université de Genève, Женева и Universität Bern, Берн, 22-26 июня 2015 г.), на конференции «Insufficient strength to defend its case: Case attraction and related phenomena» (Uniwersytet Wrocławski, Вроцлав, 18-19 сентября 2015 г.), на конференции «Hrozný and Hittite: The First Hundred Years» (Univerzita Karlova, Прага, 12-14 ноября 2015 г.), на конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронского)» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2017 г.), на конференции *Rencontre Assyriologique Internationale 63* (Philipps-Universität Marburg, Марбург, 24-28 июля 2017 г.) и на конференции «Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН» (Институт востоковедения РАН, Москва, 4-6 апреля 2018 г.). Основные

положения и результаты исследования отражены также в ряде статей автора, которые были опубликованы в отечественных и зарубежных изданиях.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы и приложения.

Полный объём диссертации составляет 153 страницы. Список литературы содержит 120 наименований.

Глава 1. Статус шумерограмм и аккадограмм в системе хеттской письменности

Данная глава диссертации посвящена истории изучения хеттских гетерографических написаний, а также анализу принятой в хеттологической литературе терминологии для обозначения шумеро- и аккадограмм. В востоковедной литературе можно встретить различные трактовки употребления шумерограмм и аккадограмм – в терминах идеографического, логографического, гетерографического или аллографического письма. Данная вариативность связана как с объективной сложностью самого явления, так и с различными интерпретациями приведённых выше терминов у разных авторов. В связи с этим в первой части главы предлагается сжатый обзор основных понятий, используемых далее в данной работе. Затем приводятся краткие сведения об истории взглядов на статус шумеро- и аккадограмм. Завершает главу анализ терминологии, принятой в современной хеттологической литературе.

1.1 Основные понятия

1.1.1 Идеограммы, логограммы

В лингвистической литературе нет единства интерпретации понятий «идеограмма» и «логограмма». Традиция употребления термина «идеограмма» в востоковедении восходит к работам первой половины девятнадцатого века о древнеегипетской письменности, которая структурно во многом походит на позднешумерскую. Так, Жан-Франсуа Шампольон в своей знаменитой «Египетской грамматике» противопоставлял внутри древнеегипетской системы письма фонетические знаки с одной стороны и «идеограммы», отмечая при этом двой-

ственный характер последних. С одной стороны, по Шампольону, идеографические знаки «не имели прямой связи со звучанием слов устной речи и представляли каждый отдельное понятие»¹, с другой же существовала, по его словам, в то же самое время «менее прямая» связь между устным языком и идеограммами: «с каждым из этих знаков связывалось, так сказать, слово устного языка, выражающее звучанием в точности то же понятие, что напоминал знак»².

Данные замечания Шампольона предвосхитили теоретическую проблему, связанную с ролью нефонетических знаков в древних письменностях: в то время как каждый из них первоначально был связан скорее с определённым понятием, чем с определённой лексемой языка, использование этих знаков для точной письменной фиксации текста, несомненно, предполагает приписывание им конкретных языковых значений. Исходя из этого, некоторые теоретики письма, например, американский лингвист середины прошлого века Игнас Гельб, указывавший на злоупотребление востоковедами термином «идеограмма»³, настаивают на употреблении данного понятия в соответствии с его внутренней формой, то есть лишь для обозначения знаков некоторых примитивных систем, которые не имеют средств для однозначной записи конкретных языковых выражений. Знаки в таких системах не связаны с конкретными языковыми формами и вызывают у «читателя» лишь ассоциации с определёнными понятиями, в совокупности передавая общий смысл подразумеваемого сообщения. В то же время нефонетические знаки полноценных письменных систем, таких, как древнеегипетская или шумерская, по Гельбу, следует называть «логограммами», поскольку всякое употребление нефонетического знака в текстах, записанных с использованием таких систем, отсылает к единственному и определённом сло-

¹ «[C]aractères n'ayant aucun rapport direct avec les sons des mots de la langue parlée, mais représentant chacun une idée distincte», см. Champollion, 1836, с. viii.

² «La même liaison, mais moins directe, exista également entre la langue parlée et les caractères figuratifs ou mimiques... [...] On attachait, pour ainsi dire, à chacun de ces signes un mot de la langue parlée, exprimant par le son précisément la même idée que le caractère rappelait», см. там же, с. 48.

³ «This term [ideography], too, has been extended outside of the sphere of primitive systems, sometimes to cover cases in which it is entirely misappropriate. The Orientalists who use the term 'ideogram' for the simple word sign or logogram have been so sinful in this respect that the term 'ideography' has become a real opprobrium in linguistic circles», см. Gelb, 1963, с. 35.

ву языка, которое имеет в виду пишущий. Гельб отмечал также, что в таких системах письма один и тот же нефонетический знак может обозначать различные лексемы в различных контекстах, причём зачастую между обозначаемыми лексемами нет никакой связи по значению и они объединены лишь формальным сходством⁴. Таким образом, по его мнению, нет оснований для того, чтобы называть такие знаки идеограммами, поскольку каждый из них выступает не как носитель определённого понятия, но лишь как конвенциональное обозначение для некоторых лексем языка, семантическая связь между которыми во многих случаях факультативна. Термин «логограмма», предлагаемый взамен, Гельб определяет как «знак, обычно обозначающий одно или несколько слов языка»⁵.

Несмотря на влияние и жёсткость позиции Гельба в вопросе разграничения идеограмм и логограмм, значительная часть лингвистов продолжает следовать традиции, заложенной во времена Шампольона, употребляя по отношению к нефонетическим знакам самых различных письменных систем термин «идеограмма», а понятие «логограмма» используя фактически в качестве его синонима (или иногда в качестве гипонима – по отношению к нефонетическим знакам, обозначающим в любых контекстах только «одно определённое слово»⁶). Во многом это связано с тем, что на практике при исследовании древних письменностей часто оказывается непросто провести чёткое разграничение между идеограммами и логограммами, даже принимая за основу подход Гельба, жёстко противопоставлявшего эти два понятия, поскольку сам характер функционирования конкретной письменной системы может быть не вполне ясен.

⁴ См. Gelb, 1963, с. 106.

⁵ «[A] sign [that] normally stands for one or more words of the language», см. там же, с. 250.

⁶ Дьяконов, 1990b.

1.1.2 Гетерограммы, аллограммы

Термин «гетерограмма» широко используется уже по меньшей мере с середины прошлого века; его употребления при этом ограничены, прежде всего, иранистической литературой, где гетерограммами принято называть арамейские написания, во множестве встречающиеся в текстах на среднеиранских языках, например, на парфянском или согдийском. Арамейский язык (т.н. «имперский арамейский») был основным официальным языком персидской Ахеменидской державы, но к эпохе эллинизма постепенно вышел из обращения⁷; широко распространённое на территории, контролировавшейся персами, арамейское консонантное письмо со временем легло в основу некоторых новых систем письменности, использовавшихся уже для записи иранских языков, среди которых, например, письменность пехлеви, применявшаяся для письменной фиксации среднеперсидского языка. При написании текстов в этих системах, помимо фонетических знаков, заимствованных из арамейского алфавита, также использовались и некоторые словоформы самого арамейского языка. Такие иноязычные вкрапления в текстах на иранских языках в иранистической литературе получили название *гетерограммы*. Арамейские словоформы, использовавшиеся в качестве гетерограмм, служили для обозначения сходных по значению словоформ иранского языка, на котором писался основной текст. Для уточнения грамматической формы словоформы, скрывавшейся за гетерограммой, в сочетании с арамейскими словоформами могли использоваться иранские фонетические компоненты.

В отечественном востоковедении термин «гетерограмма» был перенесён из иранистики в область изучения клинописных языков Игорем Михайловичем Дьяконовым⁸, который определял гетерограмму как «знак или сочетание знаков, выражающие слово одного языка, но предназначенные для прочтения в

⁷ Лёзов, 2009, с. 496–497.

⁸ См., например, Дьяконов, 1967, с. 89 о шумерографических написаниях в эламских текстах.

переводе на другой язык в составе текста на этом другом языке»⁹. Данный термин применялся Дьяконовым, помимо всего прочего, и для хеттских шумеро- и аккадограмм¹⁰.

Любопытен вопрос о соотношении термина «гетерограмма» с терминами «идеограмма» и «логограмма». В отличие от терминов «идеограмма» и «логограмма», термин «гетерограмма» не определяет графему с точки зрения того, чему она должна была соответствовать при чтении, и лишь формально выделяет определённый «чужеродный» пласт графем языка. Гетерографическое написание в то же самое время может иметь идеографический или логографический характер, хотя это совершенно не обязательно.

С термином «гетерограмма» связан и термин «аллоглоттография», также нередко встречающийся в востоковедной литературе. Авторство данного термина принадлежит иранисту Илье Гершевичу, который предложил его для использования по отношению к некоторым текстам, предположительно, на эламском языке, относящимся к эпохе Ахеменидов¹¹. В этих текстах Гершевич отметил некоторые черты, говорящие о структурных сходствах ахеменидского эламского с древнеперсидским и традиционно объясняющиеся в литературе как последствия контактно-обусловленной реструктуризации, и предложил для них смелую альтернативную интерпретацию. По мнению Гершевича, тексты, демонстрирующие подобные черты, в частности эламскую версию Бехистунской надписи царя Дария I, следует рассматривать не как собственно эламские тексты, но тексты на древнеперсидском языке, записанные особым образом, – исключительно при помощи иноязычных графем. Подобные тексты в рамках своей гипотезы Гершевич назвал «аллоглоттографическими», отдельные элементы аллоглоттографического письма обычно называются аллограммами.

Гипотеза Гершевича не имела большого числа последователей в среде специалистов по иранским языкам¹², в то же время введённый Гершевичем термин

⁹ Дьяконов, 1990а, с. 103.

¹⁰ См. примечание Дьяконова в русском переводе работы И. Фридриха Фридрих, 1961, с. 82.

¹¹ Gershevitch, 1979.

¹² См., например, критику Гершевича в Henkelman, 2011.

«аллоглоттография» нашёл некоторое применение в работах по востоковедной лингвистике. Строго аллоглоттографию можно определить как «использование языка L_1 для записи высказывания на некотором другом языке L_2 таким образом, что исходное высказывание на языке L_2 может быть точно и однозначно выведено из текста на L_1 »¹³. Гонсало Рувио¹⁴, сочувственно отнёсшийся к гипотезе Гершевича, сравнивает описанную им гипотетическую ситуацию с принципами, лежащими в основе древнеяпонской системы письма *хентай канбун*, использовавшей для передачи японских словоформ соответствующие по значению китайские, а также с историей создания древнейших текстов на аккадском языке, полностью записанных при помощи шумерских форм.

В работах, посвящённых типологии систем письменности, аллоглоттографические написания нередко рассматриваются как явление, типологически схожее или полностью совпадающее с гетерографией. Так, Рувио отличает «частичную аллоглоттографию» (*partial alloglottography*) от аллоглоттографии в собственном смысле слова (*true alloglottography*); последняя характеризуется тем, что записанный подобным способом текст может быть одновременно прочитан и понят сразу на двух языках, в то время как примерами «частичной аллоглоттографии», согласно Рувио, являются уже упоминавшиеся выше арамейские гетерограммы в текстах на среднеиранских языках, а также шумерограммы в аккадских текстах и шумеро- и аккадограммы в текстах на хеттском языке. Предпосылки к появлению аллоглоттографии в чистом виде, по мнению Рувио, появлялись в древности при сосуществовании нескольких письменных языков, каждый из которых был жёстко ассоциирован с определённой системой письменности и сферой употребления: так было в империи Ахеменидов, где древнеперсидский, записываемый при помощи оригинальной системы клинописи, использовался в основном при создании монументальных надписей, таких, как Бехистунская, в то время как основным языком глиняных табличек

¹³ Langslow, 2002, с. 44-45.

¹⁴ Rubio, 2007.

был эламский, тексты на котором выполнялись месопотамской клинописью¹⁵. В такой ситуации приверженность писцов традициям использования определённых систем письма могла стать причиной создания таких текстов, как эламская версия Бехистунской надписи в интерпретации Гершевича. Похожее распределение, по мнению Рувио, характеризовало и Анатолию времён существования царства Хаттусы: хеттский и лувийский языки преимущественно ассоциировались с клинописью на глиняных табличках и с иероглифическими монументальными надписями и печатями соответственно. Тем не менее, Рувио отмечает, что утверждать сейчас о существовании в Анатолии аллоглоттографии было бы преждевременно ввиду отсутствия прямых свидетельств подобной практики.

По нашему мнению, аллоглоттография и гетерография представляют собой явления, хотя и схожие на первый взгляд, но обусловленные принципиально различными обстоятельствами. В то время как в обоих случаях мы имеем дело с ситуацией изменения основного письменного языка внутри определённого сообщества, в случае гипотетической древнеперсидской аллоглоттографии, как и в других примерах чистой аллоглоттографии по Рувио, этому изменению ещё лишь предстоит совершиться: в древнем Иране на смену эламскому в качестве основного письменного языка должен прийти древнеперсидский, в Месопотамии – аккадский на смену шумерскому, а в Японии – японский на смену китайскому. При этом аллоглоттографические написания в каждом из этих случаев играют роль временного переходного этапа, обусловленного заимствованием определённой системы письменности и непосредственно предшествующего использованию языка местного этнического большинства в качестве основного письменного языка. В то же время шумерские и аккадские гетерограммы в хеттских текстах являются свидетельством уже совершившейся смены письменного языка: на смену использованию аккадского, который, по всей вероятности, был единственным языком письменности в царстве Хаттусы сразу после заимствования хеттами ассиро-вавилонской клинописи, пришло повсеместное

¹⁵ «The mechanisms that trigger alloglottography originate in the intersection between the contextually, physically determined use of a specific script, on the one hand, and the traditionalism of scribes, which bound them to use a certain writing system, on the other hand», см. Rubio, 2007, с. 48.

использование хеттского языка. Таким образом, нам представляется, что термины «аллограмма» и «гетерограмма» не следует рассматривать в качестве полностью или частично синонимичных.

1.2 История изучения шумерограмм и аккадограмм

1.2.1 Терминология

Ранние работы по исследованию хеттских текстов были естественным образом связаны с традицией изучения аккадского языка, и первыми авторами таких работ стали ассириологи и семитологи (например, норвежский исследователь Йорген Кнудтсон, впервые выдвинувший гипотезу о связи хеттского языка с индоевропейской языковой семьёй¹⁶, но впоследствии от неё отказавшийся). Как следствие, принятый в начале прошлого века понятийный аппарат ассириологии был во многом заимствован зарождающейся хеттологией. Так, и Кнудтсон, и впервые дешифровавший хеттскую письменность чешский востоковед Бедржих Грозный¹⁷, и автор самой известной в XX веке грамматики хеттского языка Иоганнес Фридрих¹⁸ для обозначения шумерских вкраплений в хеттские тексты в своих работах пользовались термином «идеограмма» (Ideogramm). Этот термин был принят в современной данным учёным ассириологической литературе для обозначения шумерографических элементов в рамках аккадской системы письма¹⁹. В то же время ни Грозный, ни Фридрих, ни их современники всерьёз не считали, что шумерские вкрапления в хеттских текстах в самом деле соответствуют вытекающему из внутренней формы данного слова определению идеограммы как графемы, обозначающей некоторое понятие:

¹⁶ Knudtzon, 1902.

¹⁷ Hrozný, 1917, с. vi.

¹⁸ Friedrich, 1940, с. 2.

¹⁹ См., например, Lewy, 1921, с. 12.

Фридрих уточнял, что под идеограммами он понимает «нефонетические знаки для целых слов»²⁰. Называя шумерограммы в аккадских текстах идеограммами, специалисты по языкам древнего Востока могли подчёркивать их особую роль в системе клинописи – они являлись полнозначными элементами, сохраняющими свой смысл при записи любого языка²¹. Другое объяснение для этого обозначения предлагает Марк Виден: в основе отождествления шумеро- и аккадограмм с идеограммами, по его мнению, могли лежать наблюдения о возможности соответствия одного заимствованного элемента письма сразу нескольким аккадским или хеттским лексемам в различных контекстах²². Аккадограммы в самых ранних хеттологических работах обычно рассматривались отдельно от шумерограмм и не назывались идеограммами²³, позже, однако, они часто рассматриваются вместе с шумерограммами²⁴.

В середине прошлого века частота употребления термина «идеограмма» по отношению к шумерограммам и аккадограммам начинает постепенно сокращаться, общепринятым с тех пор и вплоть до нашего времени становится термин «логограмма» (logogram, Logogramm). Не последнюю роль в этом сыграли работы американского теоретика письма Игнаса Гельба (см. выше). Критика Гельба оказала большое влияние на развитие востоковедной лингвистической терминологии в целом и на хеттологическую традицию в частности. Так, любопытно, что Ханс Гютербок в своей работе 1948 года ещё использует термин «идеограмма»²⁵, но уже в 1951 году называет шумерограммы «логограммами»²⁶. Тем не менее, до сих пор в хеттологической литературе можно встретить

²⁰ «[U]nfonetische Zeichen für ganze Wörter», Friedrich, 1940, с. 2.

²¹ «Sinnzeichen (Ideogramm), d.h. in allen Sprachen bleibt der Sinn konstant, die Lesung variabel», Forrer, 1922, с. 199.

²² «The use of the term 'ideogram' in cuneiform studies to describe Sumerian words in Hittite or Akkadian texts is presumably due to the observable phenomenon that one Sumerian logogram can have numerous Hittite or Akkadian correspondents», см. Weeden, 2011, с. 4.

²³ Так, Грозный говорит отдельно о «шумеро-аккадских идеограммах» и «записанных фонетически аккадских словах» («die... sumerisch-akkadischen Ideogramme (Wortzeichen), wie auch lautlich ausgeschrieben akkadischen Wörter»), см. Hrozný, 1917, с. vi.

²⁴ Например, в работе Weeden, 2011 под общим наименованием «логограммы».

²⁵ Güterbock, 1948, с. 124.

²⁶ Güterbock, 1951, с. 141

термин «идеограмма» в контексте иноязычных вкраплений в хеттские тексты²⁷. Существуют и работы, в которых используются оба этих термина – «идеограмма» и «логограмма» – без очевидной разницы в значении²⁸.

Серьёзные размышления о том, насколько распространённая терминология в действительности отражает статус шумеро- и аккадограмм в хеттских текстах, лишь изредка встречаются в хеттологической литературе. Так, Эммануэль Лярош в одной из своих статей семидесятых годов отмечает, что хеттские шумерограммы не могут быть в полной мере адекватно описаны ни как идеограммы, ни как логограммы, поскольку иногда функционируют как «знаки-слова» (в случае однозначного соответствия между шумерограммой и хеттской словоформой), а иногда – как «знаки-идеи». Последнее, по мнению Ляроша, верно, например, для шумерограммы DÛ, использующейся для записи форм хеттских глаголов *iya-* ‘делать’ и *kiš-* ‘становиться’, которые объединены в рамках супплетивной парадигмы. Также идеограммами, согласно Лярошу, являются детерминативы, поскольку они указывают не на конкретную словоформу, но на семантическую категорию. Лярош предпочитает называть хеттские шумерограммы просто шумерограммами, поскольку этот термин «напоминает об исторической правде благодаря точному указанию на лексику языка, на котором основывается письменная традиция»²⁹.

Почти за два десятка лет до процитированной выше статьи Ляроша Игорь Дьяконов в примечаниях к русскому переводу книги Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков» предложил другой термин для иноязычных элементов в хеттских текстах. Комментируя употребление термина «идеограмма» у Фридриха, Дьяконов возражает немецкому автору: «Строго говоря, идеограммой называется знак, выражающий определённое понятие независимо от произношения соответственного слова в каком-либо языке; в хеттской же письменности (как отчасти и в аккадской) для передачи слов данного языка при-

²⁷ Luraghi, 1997, с. 1.

²⁸ См., например, Eichner, 1978. Ср. также Patri, 2007, с. 13 и там же, с. 57.

²⁹ «[I]l évoque la réalité historique grâce à une référence précise au lexique de la langue sur lequel se fonde la pratique de l'écriture», см. Laroche, 1978, с. 742.

менялись значащие слова другого языка, нередко записанные на этом языке фонетическими знаками. Эти знаки при чтении заменялись хеттским словом, служа в своей совокупности как бы единым словесным знаком. Такие написания называются гетерограммами»³⁰.

К сожалению, взгляды Дьяконова на проблему остались незамеченными как западными хеттологами, так и авторами немногочисленных в те годы отечественных хеттологических трудов. Например, Вячеслав Всеволодович Иванов в своей монографии о хеттском языке не уделил внимания подобным терминологическим вопросам и использовал по отношению к шумерограммам термин «идеограмма»³¹.

Основной хеттологический справочник наших дней, «Грамматика хеттского языка» Гарри Хоффнера и Крейга Мелчерта³², ограничивается лишь краткими замечаниями относительно статуса шумерограмм и аккадограмм. Как и в подавляющем большинстве других работ, написанных в последние десятилетия, Хоффнер и Мелчерт в своей грамматике называют шумерские и аккадские словоформы в хеттских текстах логограммами. Интересно, что к числу логограмм они причисляют не только произносимые элементы, но и детерминативы, которые в этой своей функции никаких хеттских словоформ вовсе не обозначают³³. Подобное употребление термина «логограмма» вряд ли может быть признано удачным.

Более подробно на вопросах терминологии приходится останавливаться авторам современных работ, специально посвящённых исследованию хеттских шумеро- и аккадограмм. Так, Хеннинг Марквардт в своей монографии «Хеттские логограммы. Функции и употребление» размышляет о применимости к хеттским шумеро- и аккадограммам устоявшихся терминов «идеограмма» и «логограмма» (также он рассматривает термин «пиктограмма», который практически не употребляется в хеттологической литературе) и во многом повторяет

³⁰ Фридрих, 1961, с. 82.

³¹ Иванов, 1963.

³² Hoffner, Melchert, 2008.

³³ «Logograms can serve either to represent spoken words or as “determinatives” to classify semantically an immediately following (much less commonly, a preceding) word», там же, с. 10.

выводы, к которым в своё время пришёл ещё Гельб. Согласно Марквардту, идеограммы, в отличие от логограмм, не связаны жёстко с каким-либо языковым выражением и так же, как и пиктограммы, могут обозначать целое множество лексем, связанных друг с другом синонимически или метафорически. Марквардт считает, что идеограммы на практике очень трудно отличить от пиктограмм – последние должны отличаться от абстрактно выглядящих идеограмм лишь выраженной иконичностью, – и поэтому решает вовсе отказаться в своей работе от использования термина «идеограмма» из-за его неясности³⁴. В то же время логограммы обозначают определённые лексемы языка, и поэтому, по Марквардту, данный термин лучше всего описывает статус хеттских шумеро-и аккадографических написаний³⁵.

Для использования в своей работе Марк Виден выбирает термин «логограмма», рассматривая его как наиболее нейтральный по отношению к шумеро-и аккадограммам. Согласно Видену, логограмма – это знак или слово, которое используется для обозначения некоторого другого слова³⁶. Виден пишет, что логограммы «всегда лексически реализуются, и правила этой лексической реализации известны тем, кто использует данную систему письма»³⁷. В отличие от идеограмм, логограммы, по Видену, не могут быть интерпретированы без знания языка, на котором написан текст.

Что касается термина «гетерограмма», Виден понимает его несколько иначе, чем Дьяконов. Согласно Видену, использование данного термина по отношению к некоторому иноязычному написанию означало бы признание того, что такой способ записи «добавляет дополнительный уровень значения, выбор которого означал бы определённое намерение со стороны пишущего, например, сигнализировать об определённом стилистическом регистре»³⁸. Вопрос о том,

³⁴ Marquardt, 2011, с. 4.

³⁵ там же, с. 5.

³⁶ Weeden, 2011, с. 3.

³⁷ «It [logogram] is always lexically realised and the rules for that lexical realisation will be known to the users of the writing system...», см. там же, с. 4.

³⁸ «... adds a further level of meaning, the selection of which would have indicated an intention on the part of the writer, perhaps to signal a particular stylistic register», см. там же, с. 5.

можно ли считать шумеро- и аккадограммы гетерограммами, то есть «осознанно шумерскими и аккадскими написаниями в хеттском тексте»³⁹, Виден считает неясным и во многом связанным с вопросом интерпретации данных написаний.

1.2.2 Интерпретация шумеро- и аккадограмм

Ещё одна проблема, связанная с хеттскими шумерограммами и аккадограммами и нашедшая своё отражение ещё в самой ранней хеттологической литературе, – вопрос о том, чему они соответствовали при чтении текстов. Большинство авторов пионерских работ по хеттологии сходилось на том, что шумерограммы и аккадограммы должны были читаться хеттами по-хеттски⁴⁰. В то же время, говоря об аккадограммах, Фридрих допускал возможность их чтения хеттами по-аккадски⁴¹. Вероятно, делая это допущение, Фридрих руководствовался тем фактом, что аккадограммы гораздо реже, чем шумерограммы, встречаются в текстах с хеттскими фонетическими компонентами. Большинство его коллег, однако, не делало в этом вопросе различий между шумерограммами и аккадограммами, полагая, что и те, и другие должны были соответствовать при чтении хеттским словоформам. Так, например, Альбрехт Гётце указывал на неправдоподобно большое число аккадских заимствований, в том числе и среди самой частотной и базовой лексики, которые пришлось бы постулировать для хеттского языка, а также на то, что аккадографические написания, так же, как и шумерограммы, часто взаимозаменяемы с хеттскими фонетическими написаниями⁴². Фердинанд Зоммер, в свою очередь, считал, что написание сочинительной частицы $=(y)a$ в виде $=ya$ после любых аккадограмм по аналогии

³⁹ «[S]pecifically and consciously Sumerian and Akkadian writings in the Hittite text», см. Weeden, 2011, с. 10.

⁴⁰ «[S]ie [шумерограммы и аккадограммы] wurden von den Hethitern in der Regel hethitisch gelesen», Hrozný, 1917, с. vi.

⁴¹ «Ob man sich auch die akkadisch geschriebenen Bestandteile hethitisch oder nicht vielmehr akkadisch gesprochen zu denken hat, ist noch nicht restlos geklärt», Friedrich, 1940, с. 2.

⁴² Götze, 1928, с. 120.

с соответствующим написанием после шумерограмм, для которых, по мнению Зоммера, не хеттские чтения были исключены, могло служить указанием на то, что предшествующее слово должно было читаться не так, как было записано⁴³.

Дьяконов при решении вопроса об интерпретации шумеро- и аккадографических написаний так же, как и, вероятно, Фридрих, опирался на их сочетания с хеттскими фонетическими компонентами. Против того, чтобы считать шумерограммы и аккадограммы иноязычными цитатами, согласно Дьяконову, говорит как раз их нередкая фонетическая комплементация при помощи хеттских окончаний. Шумеро- и аккадограммы без хеттских фонетических компонентов Дьяконов также считает гетерограммами, а не иноязычными цитатами, поскольку «очевидно, что система написания хеттских текстов должна была быть единой»⁴⁴.

Хоффнер и Мелчерт в своей грамматике хеттского языка также предполагают, что шумерограммы и аккадограммы обычно произносились хеттскими писцами по-хеттски, но приводят и некоторые примеры аккадографических написаний, фонетические компоненты при которых могут свидетельствовать об обратном. Таковы написания *A-BU = YA-an-na-aš-za* (KUB 1.1 obv. i 9), что должно было бы соответствовать хеттскому *attaš = miš = naš = za*⁴⁵, и *BE-LU-uš-ša-an* (НКМ 52 25 и НКМ 80 obv. 5), предположительно соответствующее хеттскому *išḫāš = šan*. Также Хоффнер и Мелчерт указывают на некоторые ошибочные написания, свидетельствующие о том, что писцы иногда использовали шумерское произношение шумерограмм при диктовке: *BA.UŠ* вместо *BA.ÚŠ* ‘умер(ла)’ или *GIŠ.GÚ.ZA* вместо *GIŠ.GU.ZA* ‘трон’. Хоффнер и Мелчерт упоминают и о случаях аккадского чтения шумерограмм при написании некоторых имён собственных: так, ребусное написание *m.GIŠ.GIDRU-šī-DINGIR-LIM*, очевидно, должно было читаться как *m.Hattušili* (шумерограмма *GIŠ.GIDRU* соответствует акк. *ḫattu* ‘посох’, *DINGIR-LIM* – акк. *ili* ‘бог.GEN.SG’)⁴⁶.

⁴³ Sommer, 1932, с. 88.

⁴⁴ Фридрих, 1961, с. 83.

⁴⁵ Ср. Zinko, 2016, с. 565, где этот контекст приводится как пример гетерографической записи, которая должна была читаться по-хеттски.

⁴⁶ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 22.

По мнению Хеннинга Марквардта, не исключено, что некоторые хеттские аккадограммы могли произноситься по-аккадски. В то же время однозначным примером аккадографических записей, читавшихся по-хеттски, он считает аккадские финитные глаголы, грамматическая форма которых не соответствовала хеттскому контексту⁴⁷.

Марк Виден в своей монографии, посвящённой шумеро- и аккадографическим написаниям в хеттских текстах, попытался отойти от общепринятого представления о шумерограммах и аккадограммах как о бессистемных альтернативах фонетическим написаниям соответствующих хеттских слов и поставил задачу узнать, в какой мере их можно считать написаниями на шумерском и аккадском языках соответственно. Согласно Видену, хеттские шумерографические написания едва ли могли быть мотивированы шумерским языком, хотя отмеченные им случаи ошибочных написаний, в основе которых лежало использование шумерских фонетических значений шумерограмм, свидетельствуют об определённом знакомстве писцов с шумерским⁴⁸. Сделать вывод о некотором знании хеттскими писцами шумерского языка позволяют и отдельные инновативные употребления шумерограмм⁴⁹. В то же время, как утверждает Виден, многие шумерограммы могли использоваться для записи аккадских словоформ.

В свою очередь, по мнению Видена, хеттские аккадографические написания во многих случаях не могли являться ничем иным как фрагментами текста на собственно аккадском языке. Виден уделил достаточно большое внимание описанию орфографических, морфологических и синтаксических особенностей хеттских аккадограмм и пришёл к выводу, что не все из них мотивированы исключительно влиянием хеттского языка, а многие черты языка аккадограмм вполне допустимы и в периферийных аккадских диалектах. Так, помимо всего прочего, Виден упомянул об отмеченной ещё Франком Штарке закономерности в употреблении древнехеттскими писцами аккадских предлогов *ANA* и *INA* в соответствии с аккадской грамматикой и о наличии «рудиментарных» пред-

⁴⁷ Marquardt, 2011, с. 9.

⁴⁸ Weeden, 2011, с. 359.

⁴⁹ там же, с. 353.

ставлений об их значении в более позднее время, проявившихся в отсутствии сочетаний *INA* с личными именами⁵⁰. По мнению Видена, обращает на себя внимание и то, что аккадографически записанные финитные глаголы в хеттских текстах могли использоваться с заимствованными из аккадского языка моделями управления⁵¹. С другой стороны, влияние хеттского языка на язык аккадограмм проявилось, например, в отсутствии родовых различий, порядке слов «зависимое – вершина» в именной группе, использовании некоторых специфических конструкций. В целом, по мнению Видена, именно аккадский язык, будучи основным языком письменной культуры, являлся основным источником инноваций в использовании хеттскими писцами шумерограмм и аккадограмм. Виден заключает, что в рамках хеттской писцовой школы мог быть выработан свой жаргон, характеризующийся большим количеством конструкций, появившихся под влиянием аккадского языка, и использовавшийся в ситуации написания или диктовки клинописного текста⁵².

1.2.3 Синтаксис и семантика шумеро- и аккадограмм

На заре хеттологии не было написано отдельных работ, посвящённых исследованию шумерограмм и аккадограмм, и некоторые обобщения относительно особенностей употребления отдельных заимствованных форм, сделанные в то время, можно найти, прежде всего, в изданиях хеттских текстов. Чаще всего учёных в связи с шумеро- и аккадограммами волновала проблема их значения и соответствия конкретным хеттским лексемам. Позднее информация об этом была систематизирована в обобщающих работах по лексике хеттского языка; в этой связи стоит упомянуть о «Хеттском глоссарии» Эдгара Стюртеванта⁵³ и о не потерявшем по сей день своей актуальности «Хеттском словаре» Иоганне-

⁵⁰ Weeden, 2011, с. 348-349.

⁵¹ там же, с. 356.

⁵² там же, с. 359.

⁵³ Sturtevant, 1931.

са Фридриха⁵⁴. В более позднее время важным событием в деле исследования хеттских шумерограмм и аккадограмм стал выход совместных работ Кристеля Рюстера и Эриха Ноя – «Словаря хеттских знаков» (1989)⁵⁵ и «Немецко-шумерографического списка слов» (1991)⁵⁶ – систематизирующих известные на тот момент шумерографические употребления клинописных знаков в хеттских текстах. Работа по установлению соответствий шумеро- и аккадографических написаний в хеттских текстах их произносимым коррелятам продолжается и по сей день.

Во второй половине прошлого века многие наблюдения об особенностях употребления хеттских шумерограмм и аккадограмм уже стали общим местом в хеттологической литературе. Некоторые из них перечислил в своей работе 1978 года Хайнер Айхнер: так, например, было замечено, что после аккадограммы *UMMA*, как правило, употребляется форма имени собственного без окончания, порядок слов в генитивных синтагмах, записанных при помощи шумеро- и аккадограмм, меняется на противоположный, а сочинительная частица $=(y)a$ всегда записывается после шумерограмм как $=ya$. Айхнер считает, что при употреблении в текстах иноязычных элементов хеттские писцы осознанно следовали жёстким орфографическим нормам⁵⁷. В качестве примера явного отклонения от этих норм он приводит текст VBoT 1, написанный в Египте и демонстрирующий сразу несколько необычных для орфографии текстов из Хаттусы черт, например, таких как частично фонетическая запись посессивных конструкций с топонимами⁵⁸.

⁵⁴ Friedrich, 1952.

⁵⁵ Rüster, Neu, 1989.

⁵⁶ Rüster, Neu, 1991.

⁵⁷ Eichner, 1978, с. 155.

⁵⁸ там же, с. 157.

1.3 Статус шумерограмм и аккадограмм

Данный раздел посвящён обсуждению принятой в современной хеттологии терминологической практики, при которой шумерограммы и аккадограммы в хеттских текстах рассматриваются как идеограммы или логограммы.

1.3.1 Шумерограммы и аккадограммы как логограммы

Принятый в большинстве современных работ по хеттологии термин «логограмма» представляется нам в целом неподходящим обозначением для хеттских шумерограмм и аккадограмм. Так, большинство авторов, в том числе и Марк Виден в своей монографии, определяют логограмму в соответствии с внутренней формой данного термина, а именно – как графему, роль которой в тексте сводится к обозначению некоторой словоформы. Виден добавляет, что логограммы «всегда лексически реализуются», причём по известным для пользователя конкретной системы письменности правилам⁵⁹. Данные хеттских текстов, однако, позволяют видеть, что во многих случаях соответствие между графемами и устным сообщением, которое они кодировали, не было таким однозначным. Так, например, возникают проблемы при использовании термина «логограмма» по отношению к аккадским предлогам, таким как *ANA* или *IŠTU*, не имевшим в качестве хеттского соответствия никакого отдельного слова и использовавшимся исключительно для указания на падеж той словоформы, к которой они относились в тексте. Так, принято считать, что во всех случаях запись *ANA LUGAL* соответствует хеттской форме дательного падежа единственного числа *hašši* (от *haššu-* ‘царь’), причём аккадский предлог в данном случае указывает на падеж подразумеваемого существительного. Нет теоретической проблемы в том, чтобы называть логографической всю запись *ANA LUGAL*: перейти от неё

⁵⁹ Weeden, 2011, с. 4.

к соответствующей хеттской форме действительно можно, используя простое правило «предлог *ANA* в сочетании с шумерограммой обозначают хеттскую лексему, соответствующую шумерограмме, в форме дательного/локатива». В то же время аккадограмма *ANA*, которая на основании своей дистрибуции в хеттских текстах может быть выделена в качестве отдельного элемента письма, логограммой названа быть не может.

Ещё один случай использования иноязычных элементов в хеттском тексте, идущий вразрез с традиционным пониманием логограммы, – использование шумерограмм в качестве детерминативов, то есть указателей на семантический класс относящейся к ним в тексте лексемы, которая, в свою очередь, могла быть записана как при помощи шумеро- или аккадограммы, так и фонетически. Детерминативы сами по себе не соответствуют никакой словоформе в исходном устном сообщении, что напрямую противоречит основному свойству логограмм. Тем не менее, в некоторых случаях детерминативы также классифицируются в качестве логограмм, например, в самой известной современной грамматике хеттского языка Хоффнера и Мелчерта⁶⁰.

Некоторые проблемы возникают и при использовании термина «логограмма» по отношению к использовавшимся в хеттских текстах аккадским словоформам, записанным фонетически при помощи того же набора силлабограмм, что применялся для фонетической записи собственно хеттских словоформ. В таких случаях оказывается, что, если применять по отношению к аккадограммам в хеттских текстах термин «логограмма», то логограмма может состоять из нескольких силлабограмм, что выглядит антиинтуитивно.

Интерпретация шумерограмм и аккадограмм в хеттских текстах как логограмм может быть также проблематична в связи с использованием в сочетании с ними хеттских фонетических компонентов. Так, например, если принять предложенное Марком Виденом определение логограммы⁶¹ как «знака или слова, которое записывается для обозначения некоторого (другого) слова», то окажется, что написание *LUGAL-u-e-ez-na-aš* ‘царская власть.GEN.SG’ не содер-

⁶⁰ Hoffner, Melchert, 2008, с. 10.

⁶¹ Weeden, 2011, с. 3.

жит логограмм, так как шумерограмма LUGAL в данном случае соответствует лишь корневой морфеме соответствующей хеттской словоформы. С другой стороны, можно считать, что во всех случаях написаний шумерограмм и аккадограмм с хеттскими фонетическими компонентами иноязычные элементы обозначают целую хеттскую словоформу, при этом хеттские фонетические компоненты используются лишь для уточнения конкретного чтения. Так, в случае LUGAL-*u-e-ez-na-aš*, шумерограмму LUGAL можно рассматривать как логограмму со значением *ḫaššueznaš* ‘царская власть.GEN.SG’, а хеттские фонетические компоненты *-u-e-ez-na-aš* – как указание на то, что в данном случае LUGAL используется для записи хеттской словоформы *ḫaššuezna-*, а не *ḫaššuš*, а также на морфологическую форму данного слова. Данные рассуждения, однако, могут показаться антиинтуитивными и лишь усложняющими анализ текста. Альтернативный подход предполагал бы введение нового термина «морфограмма» по аналогии с «логограмма» специально для случаев написаний шумерограмм и аккадограмм в сочетании с хеттскими фонетическими компонентами.

1.3.2 Шумерограммы и аккадограммы как гетерограммы

Хотя определение гетерограммы, предложенное Дьяконовым в соответствующей статье «Лингвистического энциклопедического словаря», посвящённой данному понятию⁶², не слишком отличается от определения логограммы, предложенного в монографии Марка Видена, следует отметить, что уже с точки зрения своей внутренней формы термин «гетерограмма» представляется более уместным применительно к хеттским шумерограммам и аккадограммам, поскольку он не указывает на то, чему должны были соответствовать иноязычные элементы в тексте при чтении. Данное обстоятельство немаловажно применительно к использованию данных терминов в работах, специально посвящённых

⁶² «[З]нак или сочетание знаков, выражающие слово одного языка, но предназначенные для прочтения в переводе на другой язык в составе текста на этом другом языке», Дьяконов, 1990а, с. 103.

вопросам интерпретации шумерограмм и аккадограмм, таких, как монография Weeden, 2011 или настоящая диссертация. В связи с этим мы предлагаем уточнённое определение понятия «гетерограмма», которое позволяет полностью уйти от проблемы априорного определения языка чтения знаков, обозначаемых при помощи данного понятия. Гетерограммой далее мы будем называть *знак или сочетание знаков, которые воспроизводят на письме некоторый фрагмент текста на языке A в качестве части текста, написанного на языке B, где A и B – два различных языка, а данный фрагмент текста не существует в устном языке B.*

Преимуществом данного определения, с одной стороны, является то, что оно учитывает, помимо всего прочего, и те случаи, когда шумерограммы и аккадограммы в аккадских текстах не соответствуют никаким отдельным хеттским словам, а обозначают хеттские морфемы. Так, например, шумерограмма LUGAL в написании LUGAL-*u-e-ez-na-aš* обозначающая корневую морфему соответствующей хеттской словоформы, также может быть признана гетерограммой согласно нашему определению. С другой стороны, данное определение позволяет включить в состав гетерограмм и те шумерограммы и аккадограммы, которые не соответствуют никаким хеттским словам. Таковы, например, хеттские детерминативы: с традиционной точки зрения, детерминативы принято отличать от логограмм в узком смысле этого слова, но иногда термин «логограмма» может использоваться и как гипероним для обоих классов⁶³. Такое использование терминов нельзя признать удачным, если при этом логограммы определяется как «знаки или комбинации знаков, которые обозначают определённые слова в языке»⁶⁴. В то же время предложенное нами определение гетерограммы позволяет объединить и такие случаи использования элементов шумерского языка в хеттской письменности в единый класс.

Как мы уже упоминали, согласно определению, предложенному Виденом, гетерографические написания отличаются от логографических тем, что «добавляют дополнительный уровень значения, выбор которого означал бы опреде-

⁶³ Hoffner, Melchert, 2008, с. 10.

⁶⁴ «[S]igns or combinations of signs that denote particular words in the target language», см. там же, с. 10.

лѐнное намерение со стороны пишущего, например, сигнализировать об определённом стилистическом регистре»⁶⁵. В случае Хаттусы гетерограммами могли бы являться, по Видену, «конкретные и сознательные шумерские и аккадские написания в хеттском тексте»⁶⁶. Такое определение, однако, оказывается неприменимым на практике во многих случаях, что признаёт и сам Виден, говоря о ситуации с шумерографическими написаниями в аккадских текстах: значение каждого иноязычного написания, по Видену, следует оценивать отдельно, исходя из конкретного контекста, причѐм во многих случаях какие-либо данные, позволяющие принять то или иное решение относительно намерений пишущего, попросту отсутствуют⁶⁷. Такие же проблемы возникают и при интерпретации шумерограмм и аккадограмм в хеттских текстах.

Иначе говоря, определение гетерограмм, предложенное Виденом, истолкованное буквально, предполагает не только то, что некоторые знаки должны демонстрировать особенности, указывающие на их принадлежность к некоторому другому языку, но и то, что писцы должны были уметь ими пользоваться для того, чтобы достигать определённых коммуникативных целей. Опираясь на такое определение, можно утверждать, например, что английское написание *i. e.*, которое представляет собой аббревиатуру латинского выражения *id est* ‘то есть’, является гетерограммой, потому что отказ от фонетического английского написания *that is* в пользу данного придаёт тексту на английском языке строгий научный стиль. С другой стороны, использование иероглифов китайского происхождения кандзи при написании современного японского текста, согласно такому определению, уже не могло бы быть квалифицировано как случай гетерографического написания, поскольку иероглифы кандзи приняты в качестве

⁶⁵ «[T]he further level of meaning, the selection of which would have indicate an intention on the part of the writer, perhaps to signal a particular stylistic register», см. Weeden, 2011, с. 5.

⁶⁶ «[S]pecifically and consciously Sumerian and Akkadian writings in the Hittite text», см. там же, с. 10.

⁶⁷ «The tension between a logographic interpretation of the Sumerian sign, meaning that it is solely representing the Akkadian word, and the heterographic or Sumerographic interpretation, meaning that the Sumerian value is indicating meaning in some way, is to be evaluated on a case by case basis. It is rare, however, that evidence exists which helps us to decide on any individual attestation whether an extra level of reference is relevant for interpretation», см. там же, с. 7.

стандартного средства японской орфографии и их использование не является показателем определённых коннотаций или стилистического регистра. В то же время определение гетерограммы, предложенное нами, объединяет в один класс и латинские выражения в современном официальном английском тексте, и использование иероглифов кандзи в современном японском тексте.

Недостатком определения, предложенного Виденом, является также его неприменимость в практическом исследовании: для абсолютного большинства случаев представляется невозможным установить, какие намерения имели хеттские писцы, когда использовали шумеро- и аккадограммы. В то же время определение гетерограмм по Дьяконову указывает не на семантические коннотации, возникающие в связи с определёнными письменными знаками, а на то, как данные знаки должны были читаться. Такой же подход применяется и в лингвистической литературе, где не проводится различия между гетерографическими написаниями и аллоглоттографией: так, в работе Rubio, 2007, где два данных понятия впервые были рассмотрены как сходные, аллоглоттография определяется как «написание текста на языке, отличающемся от языка, на котором его [т.е. данный текст] предполагается читать»⁶⁸. Несомненно, определение языка устного чтения древнего текста само по себе является непростой задачей, но оно далеко не так безнадёжно, как попытки установить, что думал создавший его писец всякий раз при использовании гетерографических написаний.

Понятно, тем не менее, на какие проблемы, связанные с интерпретацией хеттских шумеро- и аккадограмм, пытался указать Виден, предлагая своё определение гетерограммы. Если на время оставить терминологические несостыковки, связанные с использованием понятия «логограмма» для описания хеттской системы письменности, то различие между логограммами и гетерограммами очень грубо можно провести по признаку того, связано ли употребление или восприятие в тексте той или иной графемы с тем, была ли она заимствована в письменность на данном языке из письменности на некотором другом языке

⁶⁸ «[W]riting a text in a language different from the language in which it is intended to be read», см. Rubio, 2007, с. 33.

ке. Определяя хеттские шумеро- и аккадограммы лишь как логограммы в том же самом смысле, в каком логограммами нередко называются нефонетические знаки шумерской письменности, исследователь заведомо обедняет сложную социолингвистическую ситуацию, сопутствующую процессу создания и чтения хеттских текстов. При использовании логограмм в шумерской клинописи связь между означаемым и означающим была определена на множестве лексем и грамматических показателей лишь одного, шумерского языка. К моменту заимствования клинописи хеттами прежние логограммы успели обзавестись дополнительными уровнями значений, связанными с их функционированием при записи шумерского и аккадского языков. Таким образом, в случае хеттских шумеро- и аккадограмм, в механизмы их функционирования на самых разных уровнях всякий раз могли вмешиваться коннотации и значения, связанные с их ролью в шумерской и аккадской письменности.

В случаях явного отсутствия дополнительных коннотаций и значений для конкретной графемы в конкретном употреблении можно было бы говорить, что она в данном случае имеет статус логограммы. Таковы, например, большинство употреблений шумерограммы LUGAL ‘царь’ в хеттских текстах, которая обычно соответствует хеттскому существительному с соответствующим значением *ḫaššuš*. Роль данной шумерограммы сводится лишь к аббревиации конкретной хеттской словоформы, известной и пишущему, и интерпретатору письменного текста, причём никаких свидетельств того, что её дистрибуция в шумерских и аккадских текстах каким-то образом влияет на её дистрибуцию или интерпретацию в хеттском тексте, у нас нет. Таким образом, в синхронном срезе графема LUGAL может быть наиболее точно определена именно в качестве логограммы.

Напротив, элементами хеттского письма, всегда связанными с их значением в некотором другом языке, являются, например, аккадские предлоги, употребление которых было основано на реинтерпретации их аккадской семантики в терминах хеттских падежных значений⁶⁹. Употребление по отношению к таким графемам термина «логограмма» было бы заведомым упрощением; та-

⁶⁹ Сајнко, 2016.

кие графемы точнее было бы определять как раз через их принадлежность к нескольким различным системам записи одновременно – например, как гетерограммы по Видену. Для Видена важно, чтобы некоторая графема, характеризующаяся как гетерограмма, не только имела некоторую историю заимствования из другого кода, но и демонстрировала некоторые связанные с этим свойства в конкретных употреблениях внутри данной системы. Такой подход безусловно интересен и продуктивен при исследовании хеттских шумеро- и аккадограмм; тем не менее, он не снимает проблемы отсутствия общего термина для характеристики употреблений иноязычных графем в хеттских текстах. Как было показано, термин «логограмма» на данную роль не годится; не годится и термин «гетерограмма» в понимании Видена, поскольку подобная характеристика требовала бы в каждом случае тщательного исследования и не во всех случаях шумеро- и аккадограммы могли бы по праву ей соответствовать (см. выше о шумерограмме LUGAL). Таким образом, мы предлагаем остановиться на использовании термина «гетерограмма», определение для которого предложено нами выше в данной секции и который объединяет в себе все случаи использования шумерского и аккадского материала в хеттских текстах.

1.4 Заключение

В данной главе диссертации были приведены краткие сведения о релевантной для данного исследования терминологии и о предшествующих исследованиях шумеро- и аккадографических написаний в хеттских текстах, а также обсуждался вопрос о статусе данных написаний в системе хеттской письменности. Основным термином, принятым для обозначения таких написаний в современной хеттологической литературе является «логограмма». В данной главе были продемонстрированы трудности, связанные с использованием данного понятия по отношению к шумеро- и аккадограммам; в качестве возможной альтернативы был предложен термин «гетерограмма», ранее уже использовавшийся таким

образом некоторыми исследователями. Для целей данного исследования было предложено уточнённое определение гетерограммы и продемонстрированы его преимущества перед аналогичным определением, предложенным в монографии Weeden, 2011.

Глава 2. Порядок слов при гетерографических написаниях

Данная глава посвящена проблеме порядка слов в хеттских текстах, частично записанных гетерографически, в частности тому, как порядок слов на письме соотносился с порядком слов в исходном устном тексте. В качестве основного источника информации о порядке слов в устном источнике будут рассматриваться сочетания гетерографических единиц с сентенциальными и несентенциальными клитиками, поскольку их позиция внутри клаузы жёстко фиксирована.

Наше исследование будет ограничено рассмотрением порядка слов в именных группах. В начале главы будет представлена имеющаяся информация о порядке слов в именной группе в устном хеттском языке. Далее будут изложены результаты нашего корпусного исследования сочетаний гетерографических именных групп с сентенциальными и несентенциальными клитиками.

2.1 Порядок слов в хеттской именной группе

Хеттский традиционно рассматривается как язык с левым ветвлением¹: под этим подразумевается, что зависимые элементы обычно располагаются левее по отношению к своей синтаксической вершине. Как следствие общей тенденции, именные модификаторы в хеттском языке чаще всего предшествуют вершинному имени в составе именной группы. Так, левее вершинного имени располагаются указательные местоимения и генитивные зависимые (см. (1)), прилагательные (2) и числительные (3)². При этом генитивное зависимое располагается ближе к вершине, чем указательное местоимение или прилагательное³.

¹ См. Sideltsev, 2014, с. 88.

² См. Rieken, 2013 о синтаксисе хеттских числительных.

³ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 254.

- (1) *kāš* *tantukešnaš* DUMU-*aš*
 DEM.NOM.SG.C смертность.GEN.SG сын.NOM.SG
 ‘ЭТОТ СМЕРТНЫЙ (букв. ‘ЭТОТ СЫН СМЕРТНОСТИ’).’ (KUB 7.5 obv. i 8 (HX)⁴,
 см. Hoffner, 1987, с. 272)
- (2) *nu=mu* *šallai* *pidi* ANA KUR
 &=1SG.ACC высокий.DAT/LOC.SG место.DAT/LOC.SG LOC страна
 URU *ḪATTI* LUGAL-*iznani* [(ti)]*tanut*
 город Хаттуса царская власть.DAT/LOC.SG ставить.PST.3SG
 ‘[Она] поместила меня в высокое положение, на царскую власть в стране
 города Хаттуса.’ (KUB 1.1 rev. iv 65–66 (HX), см. Otten, 1981, с. 28)
- (3) *1-an=za=kan* UN-*an* *and[a]* *lē* *dāl[iy]aš*
 1.ACC.SG.C=REFL=PTC человек.ACC.SG ADV PRON выпускать.PRS.2SG
 ‘Не впускай ни одного человека.’ (KUB 19.49 obv. i 54-55 (HX))

Случаи, когда зависимое, вопреки общему правилу, следует за вершинным именем, хорошо описаны в литературе. Так регулярно ведут себя, в частности, генитивные зависимые в функции *genitivus mensurae*⁵, причастия, синонимичные прилагательные *ḫūmant-*⁶ и *dapiant-* ‘весь, целый’, а также неопределённое местоимение *kuiški* (*kuelka* в форме родительного падежа). Колебания в позиции демонстрируют прилагательные на *-want-*, квантификаторы *mekk(i)-* ‘многий’ и *tēpu-* ‘немногий’⁷, а также генитивные модификаторы в функции *genitivus materiae*⁸.

Тем не менее, в хеттских текстах можно отыскать также некоторые другие примеры постпозиции именных модификаторов, которые не укладываются в указанные выше категории:

⁴ Датировка письменных памятников здесь и далее приводится согласно справочнику S. Košak, hethiter.net/: hetkonk (v. 1.98).

⁵ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 253.

⁶ См., однако, Riecken, 2014, с. 165-166 о препозиции *ḫūmant-* как отличительной черте хеттских ритуальных текстов.

⁷ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 271-273.

⁸ См. Yoshida, 1987, с. 75.

- (4) ҢUR.SAG.MEŠ GAL-TIM pangauēš TUR.MEŠ-TIM
 гора.PL большой.OBL.PL каждый.NOM.PL.C маленький.PL-OBL.PL
ḥāriyaš nakkīyaš kuit
 долина.DAT/LOC.PL труднодоступный.DAT/LOC.PL INT.NOM.SG.N
uwanun
 приходит.PST.1SG
 ‘(О,) все большие (и) маленькие горы, почему пришёл я в недоступные долины?’ (KUB 30.36 obv. ii 3-4 (HX))

В контексте выше примером именного модификатора в постпозиции может служить, например, прилагательное *nakkīyaš* ‘труднодоступные’, следующее за своим вершинным именем *ḥāriyaš* ‘долины’ (оба имени – в форме датива/локатива множественного числа). Данная именная группа записана при помощи силлабограмм; гораздо частотнее, однако, инверсия именных модификаторов в тех случаях, когда именная группа записана полностью или частично при помощи гетерограмм. В контексте, приведённом выше, инверсию демонстрирует именная группа ҢUR.SAG.MEŠ GAL-TIM pangauēš TUR.MEŠ-TIM, три словоформы из четырёх в которой записаны гетерографически.

Тот факт, что инверсия именных модификаторов чаще всего происходит при гетерографических написаниях, позволил некоторым исследователям предположить, что такие написания в действительности не отражают хеттский порядок слов. Так, по мнению авторов «Хеттской грамматики» Г. Хоффнера и К. Мелчерта, примеры с постпозицией зависимых в именных группах, частично записанных гетерографически, могут являться результатом графической инверсии, имитирующей шумерский или аккадский синтаксис⁹. Для того, чтобы проверить данную гипотезу, обратимся к сочетаниям гетерографических именных групп с клитиками.

⁹ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 273.

локативных частиц, таких, как $=kan$, которые иногда могут располагаться и в середине клаузы, присоединяясь к локативным именным группам¹³.

- (6) $n=a\check{s}ta$ ^DIŠKUR- $unni=ma$ $mān$ $ā\check{s}šu\check{s}$ $ē\check{s}ta$
 &=PTC бог грома.DAT.SG=PTC когда любимый.NOM.SG.C быть.PST.3SG
 ‘И когда он был любим богом грома...’ (КВо 3.22 obv. 3 (ДХ), см. Neu, 1974, с. 10)
- (7) $PANI$ ^{GIŠ}ZA.LAM.GAR= at INA $É-TIM=kan$ $anda$ $a\check{s}anzi$
 перед палатка=3PL.NOM.C LOC дом.GEN.SG=PTC ADV быть.PRS.3PL
 ‘Они в доме перед палаткой.’ (KUB 12.11 iv? 14–15 (СХ?), см. Luraghi, 1997, с. 63)

Рассматривая сочетания гетерографических написаний с сентенциальными клитиками, мы будем исходить из предположения, что хеттские писцы даже при намеренном изменении порядка слов в письменном тексте по сравнению с устным не отделяли энклитики от их несущих словоформ. Данное предположение выглядит вполне правдоподобно, учитывая тот факт, что в хеттских текстах энклитики обычно записывались слитно с предшествующей словоформой, то есть рассматривались как часть одного фонетического слова. Примеры с частицей $=ma$ и локативными частицами будут рассматриваться только в тех случаях, когда их позиция совпадает с позицией сентенциальных клитик, которые всегда располагаются после первого элемента клаузы.

2.2.2 Сентенциальные клитики на зависимом имени

Учитывая приведённые выше сведения о постановке сентенциальных клитик, в том случае, когда именная группа, состоящая более чем из одной словоформы, оказывается в абсолютном начале клаузы, ожидалось бы, что сентенциальные клитики займут позицию после первой словоформы в составе данной

¹³ См. Neu, 1993.

именной группы. Исходя из того, что известно о порядке слов внутри именной группы, также ожидалось бы, что обычно эта первая словоформа будет являться именным модификатором. Большинство найденных примеров с именными группами, записанными полностью или частично фонетически, подтверждают данные соображения:

- (8) *nepišaš=ma=war=aš* *ḫarnamniyašḫaš*
 небо.GEN.SG=PTC=QUOT=3SG.NOM.C волнение.NOM.SG
 ‘Это волнение неба.’ (KUB 33.96 rev. iv 11 (НХ), см. Güterbock, 1951, с. 158)

В тех случаях, когда, согласно правилам хеттского порядка слов, ожидался бы порядок слов «вершина» – «зависимое», сентенциальные клитики закономерно присоединяются к вершине. Расположение сентенциальных клитик указывает на то, что в этих случаях порядок слов на письме соответствует порядку слов в «естественном» хеттском языке:

- (9) *INIM.ḪI.A=ya=šmaš* *SIG₅-anta* *memi*
 слово.PL=&=3PL.DAT хороший.ACC.PL.N говорить.IMP.2SG
 ‘И говори им хорошие слова.’ (КВо 5.9 rev. iii 16-17 (НХ))

Прилагательное *aššuwanta* (или *aššawanta*) ‘хорошие’, обозначенное в примере выше при помощи частично гетерографической записи *SIG₅-anta*, располагается в составе своей именной группы после вершинного имени *INIM.ḪI.A* ‘слова’. Порядок слов с постпозицией именного модификатора в данном случае подтверждается расположением сентенциальных клитик второй позиции на вершинном имени. Такой порядок слов соответствует нашим сведениям о хеттском синтаксисе: как уже было сказано, прилагательные на *-want-* часто находятся в постпозиции к своей вершине.

Если вершинное имя в составе именной группы записано при помощи гетерограммы без хеттского фонетического компонента, порядок слов в такой именной группе чаще всего будет инвертирован по отношению к стандартному для хеттского языка порядку слов, и именные модификаторы будут следовать

за вершиной. Принято считать, что такой порядок слов является не более чем графическим приёмом, применяемом хеттскими писцами, следующими аккадской письменной традиции. При этом порядок слов в соответствующем устном тексте остаётся прежним: «зависимое» – «вершина»¹⁴.

Большинство сочетаний таких именных групп с сентенциальными клитиками подтверждают данную гипотезу: если именная группа в позиции начала клаузы записана с порядком слов «вершина» – «зависимое», сентенциальные клитики обычно присоединяются к её последней словоформе, то есть (чаще всего) к модификатору вершинного имени. Вся именная группа, таким образом, выглядит на письме так, как будто она является «непрозрачной» для сентенциальных клитик:

- (10) KUR UGU=*ya=mi* *maniyahḫanni* *pešta*
 страна верх=&=1SG.DAT управление.DAT/LOC.SG давать.PST.3SG
 ‘Он дал мне Верхнюю страну в управление.’ (KUB 1.1 obv. i 26 (HX), см. Otten, 1981, с. 6)
- (11) ŠA ÉRIN.MEŠ GIBIL=*mu* *kuit* *uttar*
 GEN военный отряд.PL новый=1SG.DAT REL.ACC.SG.N дело.ACC.SG
ḫatrāeš
 писать.PST.2SG
 ‘Что касается новых войск, (о) которых ты писал мне ...’ (HKM 31 obv. 3–4 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 156)
- (12) É ^{mD}XXX-^DU=*ma=šši* *kuit* *ADDIN*
 дом Арматархунта=PTC=3SG.DAT REL.ACC.SG.N давать.PST.1SG
 ‘Но дом Арматархунты, который я дал ей ...’ (KUB 1.1 rev. iv 71 (HX), см. Otten, 1981, с. 28)

Некоторые подобные примеры ранее приводились Мелчертом¹⁵ в качестве доказательства того, что сочетания генитивных модификаторов со своей вершиной в некоторых случаях могут формировать одно фонетическое слово с одним

¹⁴ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 354.

¹⁵ Melchert, 1998, с. 488.

ударением, а значит, быть непрозрачными для синтаксических клитик. Эта точка зрения не соответствует результатам более поздних исследований в области хеттской акцентологии (синтаксические клитики располагаются после первой словоформы клаузы независимо от того, несёт ли она на себе самостоятельное ударение¹⁶). Также обращает на себя внимание то, что в большинстве таких примеров именные группы записываются полностью или частично гетерографически.

Как уже было сказано, примеры именных групп с порядком слов «вершина» – «зависимое» и синтаксическими клитиками на именном модификаторе не вступают в противоречие с гипотезой о графической инверсии. Тем не менее, для некоторых подобных примеров существуют и альтернативные интерпретации. Так, весьма вероятно, что некоторые из «непрозрачных» составных именных групп, записанных гетерографически, в действительности соответствуют только одной хеттской словоформе. Такая интерпретация должна быть верна, например, для таких написаний, как *ABI ABI=YA* ‘мой дед’ (букв. ‘отец моего отца’), что соответствует хетт. *huhha-*. Вероятно также, что многие гетерографические написания, обозначающие наименования придворных титулов, такие, как *GAL MEŠEDI* ‘глава царской охраны’ или *GAL GEŠTIN* ‘кормчий’, также имели однословные хеттские корреляты (ср., например, анатолийские имена и титулы на *-uri*, отмеченные в аккадских текстах из Угарита, например, *tuppalan-uri* ‘главный писец’¹⁷). Во всех этих случаях рассматриваемые написания следует анализировать не как сочетания гетерограмм, но как составные гетерограммы или гетерограммы с детерминативами.

Подобная интерпретация не исключена и для некоторых других написаний, демонстрирующих «непрозрачность» для синтаксических клитик, например, *ÉRIN.MEŠ UKU.UŠ* ‘войска регулярной армии’, *ÉRIN.MEŠ KIN* ‘инженерные войска’, *KUR UGU* ‘верхняя страна’¹⁸ (см. пример выше) и др.

¹⁶ См. Kloekhorst, 2014, с. 599-617.

¹⁷ Laroche, 1956, с. 27 и т.д. См. также Yakubovich, 2017.

¹⁸ См. Yakubovich, 2014 о происхождении и значении сочетания *KUR UGU* в хеттских текстах.

Остаётся неясным, соответствовали ли частотные гетерографические написания личных имён в сочетании с шумерограммой DUMU (шум. ‘ребёнок, сын’), использовавшиеся при патронимии, одной или несколькими хеттским словоформам в устной речи. Хеттское чтение лексемы со значением ‘сын’ остаётся неизвестным, поскольку для её написания последовательно использовалась гетерограмма DUMU. То, что именование по отцу в хеттских текстах может быть выражено исключительно при помощи шумерских написаний DUMU или DUMU.MUNUS (шум. ‘дочь’), позволяет предполагать, что в устном хеттском языке в подобных случаях вместо генитивного сочетания использовалось некоторое морфологическое производное от имени отца¹⁹.

То же представляется возможным и для некоторых других сочетаний шумерограмм с именами собственными. Так, этнические обозначения при помощи шумерограмм DUMU и LÚ ‘человек, мужчина’ (DUMU.MEŠ^{URU} NEŠ[A] ‘жители города Неса’ КВо 3.22 obv. 7 (ДХ), LÚ^{URU} IŠHUPITTA ‘жители города Исхупитта’ КВо 16.27 rev. iv 6’ (СХ)) во многих случаях могли соответствовать хеттским именам, образованным от соответствующих географических названий. Подобные написания можно сравнить с образованиями от топонимов при помощи суффикса *-umna-/-umen-/-uman-* (см., например, прилагательное *Katapurma-*, образованное от названия города от^{URU} *Katara*, или собственное имя *Lihsuman-*, образованное от названия горы *Lihsa*)²⁰. В то же время сравнение хеттских данных с материалами близкородственных лувийского и ликийского языков заставляет усомниться в приведённых гипотезах, так как в этих языках в большинстве подобных выражений используются лексемы со значением ‘сын’ (лув. *nimuwizza*²¹, лик. *tideime/i-*), которые лишь изредка могут опускаться. Соответствующие конструкции с притяжательными прилагательными в данных языках также существуют²².

¹⁹ Ср. Weeden, 2011, с. 212-213.

²⁰ О суффиксе *-umna-/-umen-/-uman-* см. Melchert, 1983. См. также Weeden, 2011, с. 291-298 об интерпретации хеттских гетерографических этнических обозначений.

²¹ См. Yakubovich, 2013, с. 159 о лувийском суффиксе *-izza-*.

²² Например, *si-pi-ia ni-ia-sa-na* ‘Сипи (сыну) Ния’ (KARABURUN2, §7, Hawkins, 2000, с. 481).

Как бы то ни было, очевидно, что все случаи «непрозрачных» для сен- тенциальных клитик гетерографических именных групп не могут быть объяснены тем же способом: среди таких именных групп есть примеры сочетаний с имена- ми собственными и числительными, которые вряд ли могли быть лексикализо- ваны:

- (13) 20 *ṢIMDU* ANŠE.KUR.RA.ḪI.A=*wa=kan* [k] *arū* *parā*
 20 пара лошадь (колесницы).PL=QUOT=PTC уже ADV
nehhun
 отправлять.PST.1SG

‘Я уже отправил двадцать пар лошадей (в колесницах).’ (НКМ 19 rev. 21–22 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 130)

- (14) *IṢTU* ZAG ^{URU} *ṢARANDUWA=ma=šši* *arunaš* ZAG-*aš*
 AVL граница город Сарандува=PTC=3SG.DAT море.NOM.SG граница.NOM.SG
 ‘Но от границы города Сарандува граница ему – море.’ (Во 86/299 obv. i 60 (HX), см. Otten, 1988, с. 12)

Таким образом, нужно признать, что в целом поведение сен- тенциальных клитик в сочетаниях с гетерографическими именными группами подтверждает гипотезу о графической инверсии при гетерографических написаниях.

В этой связи интересно рассмотреть следующие два примера сочетаний сочинённых групп в гетерографическом написании и сен- тенциальных клитик. В обоих из них сен- тенциальные клитики располагаются после всей сочинён- ной группы, что не ожидалось бы, если принимать во внимание стандартные правила хеттского синтаксиса:

- (15) ANŠE.KUR.RA KARAŠ=*wa=šši* *kuit* INA
 лошадь (колесницы) войско=QUOT=3SG.DAT REL.NOM.SG.N LOC
^{URU} *ḪATTI* ŠA KUR ^{ID} *ḪULAYA* É *duppaš* *ḫarzi*
 город Хаттуса GEN страна река Хулая дом табличка.GEN.SG иметь.PRS.3SG
 ‘Лошади (в колесницах и) войска, которые канцелярия страны реки Ху- лая (зарегистрировали) для него в Хаттусе...’ (КВо 4.10 obv. 42’–43’ (HX), см. van den Hout, 1995, с. 34–36)

- (16) ŠA ANŠE.KUR.RA ^{GIŠ}GIGIR=*ya=mu* *kui[t]* *u[t]tar*
 GEN лошадь (колесницы) колесница=&=1SG.DAT REL.ACC.SG.N дело.ACC.SG
ḫatrāeš
 писать.PST.2SG

‘Что касается вопроса (о) лошадях и колесницах, (о) которым ты писал мне...’ (НКМ 52 rev. 42–43 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 195)

В КВо 4.10 obv. 42’–43’ мы наблюдаем нестандартный порядок слов в сочетании ‘войска и лошади (в колесницах)’, которое обычно выглядит как KARAŠ.ANŠE.KUR.RA(.MEŠ)²³. Примеры с сентенциальными клитиками показывают, что мы имеем дело с двумя разными словоформами:

- (17) KARAŠ=*ma=šši* ANŠE.KUR.RA.MEŠ *lē* *kuitki*
 войско=PTC=3SG.DAT лошадь (колесниц).PL PRON INDF.ACC.SG.N
šanḫanzi
 искать.PRS.3PL

‘Пусть не требуют от него войск (и) колесниц.’ (КВо 4.10 obv. 47’ (HX), см. van den Hout, 1995, с. 38)

Нестандартный порядок слов в КВо 4.10 obv. 42’–43’ может объясняться аналогической графической инверсией, как и в случае сложных именных групп в начале предложения. Как и в тех случаях, в КВо 4.10 obv. 42’–43’ предложение начинается с двух гетерограмм, причём к первой из них так же относится цепочка клитик второй позиции. Таким образом, писец мог применить в данном случае тот же самый принцип графической инверсии, что и в случае сложных гетерографических именных групп, хотя в КВо 4.10 obv. 42’–43’ такая инверсия и не требовалась, согласно принципам аккадографической орфографии.

В случае НКМ 52 rev. 42–43 нестандартное расположение клитик нельзя объяснить аналогично, поскольку ANŠE.KUR.RA ^{GIŠ}GIGIR является обычным порядком слов для данного сочетания. В данном случае ни гипотеза о графической инверсии, ни гипотеза о соответствии нескольких гетерограмм одной хеттской словоформе не могут объяснить такую постановку сентенциальных

²³ См. Weeden, 2011, с. 223-224.

клитик. Остаётся предполагать, что в данном случае «непрозрачность» для клитик данной сочинённой группы объяснялась произнесением данного гетерографического сочетания при диктовке на языке, отличном от хеттского.

2.2.3 Сентенциальные клитики на вершинном имени

В ходе данного исследования было найдено небольшое число примеров, которые демонстрируют расположение сентенциальных клитик второй позиции на вершинном имени внутри составных гетерографических именных групп. Данные контексты довольно редки и, возможно, именно поэтому они не получили до сих пор достаточного внимания в хеттологической литературе.

Следующие несколько примеров демонстрируют расположение сентенциальных клитик на вершинном имени в гетерографических именных группах с генитивными зависимыми:

- (18) ÉRIN.MEŠ=*ma=šši=kan* ŠA KUR URU IŠH[UP]I[TTA] ...
 военный отряд.PL=PTC=3SG.DAT=PTC GEN страна город Исхупитта
 ‘Но (ты не должен задерживать) отряды страны города Исхупитта,
 (нужные) для этого.’ (НКМ 72 rev. 30 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 231)
- (19) GIŠ *tuppaš=wa=kan* ŠA GUŠKIN *apēdani* ŠU-*i*
 сосуд.NOM.SG=QUOT=PTC GEN золото DEM.LOC.SG рука.LOC.SG
ḫarakta
 разрушаться.PST.3SG
 ‘Сосуд для золота был разрушен в этой руке.’ (KUB 13.33 obv. ii 13–14
 (HX), см. Werner, 1967, с. 34)
- (20) ÉRIN.MEŠ=*ya=kan* ANŠE.KUR.RA.MEŠ ŠA KUR MIZRI
 военный отряд.PL=&=PTC лошадь (колесниц).PL GEN страна Египет
kuent[a]
 уничтожать.PST.3SG

‘И он уничтожил египетскую пехоту (и) колесницы.’ (KUB 14.8 obv. 24’ (HX), см. Trabazo, 2012, с. 300)

- (21) *kaniššūwar=ma=mu* ŠA D IŠTAR=pat GAŠAN=YA
уважение.NOM.SG=PTC=1SG.DAT GEN Иштар=PTC госпожа=POSS.1SG
ēšta
быть.PST.3SG

‘Но у меня было уважение Иштар, моей госпожи.’ (KUB 1.1 obv. i 70 (HX), см. Otten, 1981, с. 8)

- (22) ÉRIN.MEŠ=ya=za ANŠE.KUR.RA.MEŠ ŠA KUR URU 𒀭ATTI
военный отряд.PL=&=REFL лошадь (колесниц).PL GEN страна город Хаттуса
peran hūinut
ADV гнать.PST.3SG

‘Он угнал войска и колесницы страны Хаттусы.’ (KUB 1.1 obv. ii 50–51 (HX), см. там же, с. 14)

- (23) 1 GIŠ GÌR.GUB=ma=šši appi[zziyaz kitta]
1 скамейка для ног=PTC=3SG.DAT сзади лежать.PRS.3SG.MED

‘Другая же скамейка для ног помещается позади неё.’ (KBo 17.62 obv. i 7’ (CX), см. Beckman, 1983, с. 32)

- (24) É-er=wa=mu=kan ŠA LÚ išhanittaraš ŠA m ANDAMALI
дом.ACC.SG=QUOT=1SG.DAT=PTC GEN родственник.GEN.SG GEN Андамали
GIŠ KIRI₆.GEŠTIN=ya m Alziyamuwaš arḫa daškezzi
виноградник=& Альциямува.NOM.SG ADV брат. PRS.3SG

‘Альциямува забирает у меня дом моего родственника Андамали и виноградник.’ (Msk. 73.1097 6–8 (HX), см. Hoffner, 2009, с. 370)

- (25) 5 SAG.DU.MEŠ=ya=kan[ŠA É? m] ÚŠĀPA INA URU PAḪḪUWA š[er]
5 голова.PL=&=PTC GEN дом Усапа LOC город Паххува ADV
ITTI DUMU.MUNUS=šU
INST дочь=POSS.3SG

‘5 голов дома Усапы в городе Паххува вместе с его дочерью...’ (KUB 23.72 rev. 9 (CX))

- (26) ERÍN.MEŠ=ya kēl šA KUR.KUR-TIM MAḪAR
 воинский отряд.PL=& DEM.GEN.PL GEN страна.PL-OBL.PL перед
 ᵀUTU-š=I uwauanzi ŪL tarnai
 солнце=POSS.1SG приходить.INF NEG позволять.PRS.3SG
 ‘Он не позволяет воинским отрядам этих стран представлять перед Его
 Величеством.’ (KUB 14.1 rev. 31 (CX), см. Götze, 1928, с. 26)

Расположение цепочек клитик в данных примерах указывает на то, что именно вершинное имя в каждом из этих случаев являлось первым произносимым элементом внутри клаузы, а именные модификаторы следовали за своей вершиной. Такое расположение клитик не может объясняться ни при помощи гипотезы о графической инверсии, ни предположением, что в данном случае именные группы произносились не по-хеттски: фонетические написания в KUB 1.1 obv. i 70 и KUB 13.33 obv. ii 13–14 говорят против этого. Таким образом, данные контексты являются подтверждением того, что в хеттском писцовом жаргоне, в отличие от стандартного хеттского синтаксиса в том виде, в котором мы его себе представляем, были возможны именные группы с правым ветвлением. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что хеттский писцовый жаргон находился под серьёзным влиянием шумерского и/или аккадского синтаксиса.

В качестве альтернативного объяснения для некоторых из приведённых выше примеров можно было бы привести типологически значимую закономерность о передвижении «тяжёлых» синтаксических составляющих. Так, например, постановка сентенциальных клитик в Msk. 73.1097 6–8 в принципе могла бы быть объяснена таким образом, учитывая то, что именная группа, представленная в этом контексте, обладает распространённым генитивным модификатором (*šA* ^{LÚ}*išḫanittaraš* *šA* ^m*ANDAMALI*) ‘моего родственника Андамали’. Такое же объяснение теоретически не исключено и для KUB 1.1 obv. i 70. Что касается генитивных модификаторов с топонимами, как в НКМ 72 rev. 30, KUB 14.8 obv. 24’ или в KUB 1.1 obv. ii 50–51, то неясно, были ли такие модификаторы на самом деле «тяжёлыми», поскольку вопрос о хеттском соответствии гетерографических конструкций с шумерограммой KUR не вполне однозначен

и сочетание KUR ^{URU} *HATTI* теоретически могло произноситься и как *Hattušaš udneyaš* и просто как *Hattušaš* (см. главу 3). Подобные альтернативные объяснения невозможны для именных групп, в которых генитивный модификатор состоит из одной словоформы (как в KUB 13.33 obv. ii 13–14).

Помимо приведённых примеров с генитивными модификаторами, аналогичный пример был найден и для именной группы с зависимым числительным:

- (27) 300 ÉRIN.MEŠ=*wa=kan* *dahhun*
 300 военный отряд.PL=QUOT=PTC брать.PST.1SG
 'Я взял 300 военных отрядов' (НКМ 36 obv. 31 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 370)

Данный пример в принципе мог бы быть объяснен и как свидетельство порядка слов «вершина – зависимое», и как результат реально имеющей место непрозрачности данных именных групп в устной речи. Важно, однако, что и в шумерском, и в аккадском языках расположение числительных внутри именной группы такое же, как и в хеттском языке, поэтому предположение, что такая постанова клитик должна свидетельствовать о постпозиции числительного по отношению к именной вершине, не могло бы получить разумного объяснения. Таким образом, остаётся сделать вывод, что в хеттском писцовом жаргоне были возможны непрозрачные именные группы с зависимыми-числительными. Подобные написания, вероятно, свидетельствуют о произнесении таких сочетаний по-аккадски: определённые числительные в писцовом жаргоне могло быть принято произносить по-аккадски, а они, в свою очередь, могли служить триггером для переключения кода в пределах всей именной группы.

Мне известны также примеры, где группы с числительным не демонстрируют никакой непрозрачности для сентенциальных клитик (первый пример уже приводился ранее в этой главе):

- (3) 1-*an=za=kan* UN-*an* *and[a]* *lē* *dāl[iy]aši*
 1.ACC.SG.C=REFL=PTC человек.ACC.SG ADV PRON впускать.PRS.2SG
 'Не впускай ни одного человека.' (KUB 19.49 obv. i 54-55 (HX))

- (28) *nu=kan 1-iš lattiš INA URU IŠTERUWA zāiš*
 &=PTC 1.NOM.SG.C отряд.NOM.SG LOC город Истерува пересекать.PST.3SG
1-iš=ma=kan lattiš INA URU ZIŠPA zaiš
 1.NOM.SG.C=PTC=PTC отряд.NOM.SG LOC город Циспа пересекать.PST.3SG
 ‘Один племенной отряд пересёк (границу) в городе Истерува. Другой
 племенной отряд пересёк (границу) в городе Циспа.’ (НКМ 46 4-7 (СХ),
 см. Hoffner, 2009, с. 174)

Любопытно, что в обоих примерах выше модификатор-числительное несёт на себе логическое ударение. Вероятно, в тех случаях, когда часть именной группы была выделена при помощи фокуса, переключение кода было затруднено.

2.3 Сочетания гетерограмм с несентенциальными клитиками

Энклитическая частица $=(y)a$, помимо своего функционирования в качестве сентенциальной клитики, может использоваться также для сочинения отдельных слов и синтаксических групп внутри клаузы, а также функционировать в качестве показателя аддитивного фокуса (в значениях ‘даже’, ‘тоже’). После гласных данная частица принимает вид $=ya$, в прочих случаях глайд ассимилируется с предшествующим согласным, вызывая его удвоение. Любопытно, что после гетерограмм, вне зависимости от того, на гласную или согласную заканчивается подразумеваемая хеттская словоформа или сама гетерограмма, данная частица записывается как $=ya$.

Во всех случаях функционирования в качестве фразовой клитики данная частица обычно располагается после первого слова синтаксической составляющей, к которой она относится²⁴. Таким образом, если $=(y)a$ относится к именной группе, состоящей более чем из одной словоформы, то частица обычно располагается после первого зависимого. Об этом свидетельствует большинство фонетических и гетерографических написаний:

²⁴ Ср. Agbayani, Golston, 2010, с. 9.

- (29) LÚ.MEŠ^{URU} GIDRU-TI=*šamaš* GÛB-*tar*
 человек.PL город Хаттуса=3PL.DAT/LOC неблагоприятность.ACC.SG
šalli=ya waštul ME-er
 большой.ACC.SG.N=& грех.ACC.SG брать.PST.3PL
 ‘Людам города Хаттуса выпала неблагоприятность (букв. ‘левость’) и
 большой грех.’ (KUB 5.1 obv. i 6 (HX), см. Ünal, 1974, с. 32)
- (30) *namma=za zik^m Targaššanalliš tuel ZI[-an t]uel*
 затем=PTC 2SG.NOM Таргассаналли.NOM.SG 2SG.GEN душа.ACC.SG 2SG.GEN
 Ё=КА *tuell=a LÛ AMA.A.AT=kan maḥḥan uškeši*
 дом=POSS.2SG 2SG.GEN=& прислуга=PTC когда видеть.PRS.2SG
 ‘Ведь ты, Таргассаналли, когда видишь себя самого, свой дом и свою
 прислугу...’ (КВо 5.4 obv. 24-25 (HX))
- (31) [*n*]u *apūšš=a KUR.KUR.MEŠ LÛ KÛR kūruriyahḥer*
 & DEM.NOM.PL=& страна.PL враг враждовать.PST.3PL
 ‘И те вражеские страны тоже стали враждебны.’ (КВо 16.1 obv. i 13
 (HX), см. Grémois, 1988, с. 54)

Известным мне исключением из правила о расположении =(y)a при фонетических написаниях является следующий контекст, содержащий форму *ḥaršarr=a* ‘головы’ (форма именительного падежа множественного числа с энклитикой =(y)a):

- (32) [...] *anduhšaš ḥaršarr=a*
 человек.GEN.SG голова.NOM.PL=&
 ‘... и человеческие головы.’ (КВо 17.3 obv. i 18’ (ДХ), см. Neu, 1980, с. 13).

В именных группах с модификаторами, располагающимися справа, такими, как прилагательное *ḥūmant-* ‘весь, целый’, частица =(y)a предсказуемо занимает позицию вслед за вершинным именем, указывая на то, что именной модификатор в данном случае следует за вершинным именем в устном языке:

- (33) *nu DAM.MEŠ=šU [DUMU.MEŠ=šU NAM.RA.ḤI.A]=šUNU*
 и жена.PL=POSS.3SG.M сын.PL=POSS.3SG.M люди.PL=POSS.3PL.M
āššū=ya ḥūmanta=pat dāš
 имущество.ACC.SG=& весь.ACC.SG.N=PTC брать.PST.3SG

‘Он взял его жён, [его сыновей], их [людей] и всё имущество.’ (KUB 14.1 obv. 50 (CX), см. Götze, 1928, с. 12)

- (34) *nu=mu* ^DUTU ^{URU}ARINNA GAŠAN=YA ^DU
 &=1SG.DAT богиня солнца город Аринна госпожа=POSS.1SG бог грома
 NIR.GÁL BELI=YA ^DMezzullaš DINGIR.MEŠ=*ya*
 сильный господин=POSS.1SG Меццула.NOM.SG бог.PL=&
hūmanteš peran huiēr
 весь.NOM.PL.C впереди бежать.PST.3PL
 ‘И впереди меня бежали богиня солнца города Аринна, моя госпожа, могучий бог грома, мой господин, Меццула, и все боги.’ (КВо 3.4 obv. ii 3-4 (HX), см. Grélois, 1988, с. 59)

В случае функционирования в качестве фокусного показателя частица может маркировать сферу действия фокуса, располагаясь в этом случае не после первого элемента именной группы, а после элемента, несущего фокус:

- (35) *našta=kan kēl* *tuppiaš* *1-an=na* *metiyan*
 если=PTC DEM.GEN.SG табличка.GEN.SG 1.ACC.SG.C=& слово.ACC.SG
waḥnuzi
 изменять.PRS.3SG
 ‘Если кто-нибудь изменит хоть одно слово этой таблички...’ (Во 86/299 rev. iii 74-75 (HX), см. Otten, 1988, с. 24).

Тем не менее, в ходе данного исследования было обнаружено незначительное число контекстов, демонстрирующих необычное расположение частицы $=\langle y \rangle a$ при именной группе – на вершинном имени при модификаторе, который должен располагаться левее вершины:

- (36) ŠA ^{LÚ.MEŠ}MAŠ.EN.KAK=*ya* 30 GU₄.ḪI.A 10 LÚ.MEŠ=*ya*
 GEN бедняк.PL=& 30 бык.PL 10 человек.PL=&
peḥuter
 уводить.PST.3PL
 ‘Они увели 30 быков и 10 человек невольников (букв. ‘бедняков’).’ (НКМ 8 obv. 9-10 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 109)

- (37) *nu* 1-EN TÚG-TUM=*ma* 1 TÚG *kariulli=ya* *pianzi*
 & 1 платье.NOM.SG=PTC 1 капюшон(?).ACC.SG=& давать.PRS.3SG
 ‘Но он даёт 1 платье и 1 капюшон(?)’ (KUB 22.70 obv. 59 (HX), см. Ünal, 1978, с. 72)
- (38) *nu* 1 TÚG-TUM=*ma* 1 TÚG *kariulli* 1 TÚG *kinanta=ya* ŠA
 & 1 платье.NOM.SG=PTC 1 капюшон(?).ACC.SG 1 ?.ACC.SG=& GEN
 MUNUS-TI *pianzi*
 женщина.GEN.SG давать.PRS.3SG
 ‘Но он даёт 1 платье, 1 капюшон(?) и 1 *kinanta* женщины.’ (KUB 22.70 obv. 60 (HX), см. там же, с. 74)
- (39) Û IŠTU ^{ÍD}ASTARPA Û IŠTU ^{ÍD}SIYANTA 1-EN URU-LUM=*ya* *lē*
 & ABL река Астарпа & ABL река Сиянта 1 город.NOM.SG=& PRON
kuinki *ašašti*
 INDF.ACC.SG.C населять.PRS.2SG
 ‘И не селись ни в одном городе [на территории] от реки Астарпы и от реки Сиянты’ (КВо 5.13 obv. i 33-34 (HX))
- (40) LUGAL-*uš* [3]-*iš* GU₄-*un* 1 *sīnann=a* *allappahhi*
 царь.NOM.SG трижды бык.ACC.SG 1 фигурка.ACC.SG=& плевать.PRS.3SG
 ‘Царь три раза плюёт на быка и одну фигурку’ (КВо 17.1 obv. i 4'-5' (ДХ), см. Neu, 1980, с. 5)
- (41) *n=at* 3 Á^{MUŠEN}=*ya* *anda erer*
 &=3SG.NOM.N 3 орёл=& ADV прибывать.PST.3PL
 ‘И туда прибыла она (=птица) и три орла.’ (НКМ 47 rev. 55 (СХ), см. Alp, 1991, с. 206)

Любопытно, что в каждом из данных контекстов в именной группе с необычным расположением частицы присутствует именной модификатор - числительное. Как уже было показано при анализе аналогичных примеров с синтаксическими клитиками, для сочетаний с числительными нет оснований предполагать существование правого ветвления в устном источнике, поскольку как в хеттском, так и в шумерском, и в аккадском языках числительное обычно располагалось слева по отношению к своему вершинному имени. Таким образом,

в каждом из данных случаев мы должны предполагать непрозрачность сочетаний модификаторов-числительных с их вершинами для фразовых клитик. Особенно любопытными кажутся примеры из KUB 22.70, где непрозрачность для энклитической частицы демонстрируют именные группы с вершинами в фонетических написаниях. С другой стороны, оба данных написания – ^{TUG}*kariulli* и ^{TUG}*kinanta* – сопровождаются детерминативами, что было нетипично для записанных фонетически хеттских имён собственных и характеризовало, скорее, употребление псевдоаккадограмм – топонимов и личных имён.

Любопытно также, что единственный найденный контекст с частицей $=\langle y \rangle a$, располагающейся на числительном, как и в случае с сентенциальными клитиками, связан с фокусным выделением числительного (данный пример уже приводился выше):

- (35) *našma=kan kēl tuppiaš 1-ann=a metiyan*
 если=PTC DEM.GEN.SG табличка.GEN.SG 1.ACC.SG.C=& слово.ACC.SG
waḥnuzi
 изменять.PRS.3SG

‘Если кто-нибудь изменит хоть одно слово этой таблички...’ (Bo 86/299 rev. iii 74-75 (HX), см. Otten, 1988, с. 24).

Сопоставляя данные примеры с примерами нестандартного расположения сентенциальных клитик в контекстах с числительными, можно сделать вывод о мощной тенденции к непрозрачности для клитик любого вида, которая характеризовала сочетания числительных с их вершинными именами в устном хеттском языке. В то же время в тех случаях, когда числительное в составе именной группы получало фокусное выделение, клитики могли разрывать сочетание числительного с вершинным именем.

В ходе исследования было найдено также несколько более сомнительных контекстов, характеризующихся нестандартным расположением $=\langle y \rangle a$, для которых, однако, не исключен анализ, связанный с ролью $=\langle y \rangle a$ как фокусной частицы, который бы объяснил подобный синтаксис:

- (42) *nu=šmaš=kan* *aššulaš* *AŠAR=ŠUNU=ya* *lē*
 &=3PL.DAT/LOC=PTC милость.GEN.SG место=POSS.3SG=& PRON
ueḫtari
 вертеть.PRS.MED.3SG
 ‘Пусть их место милости не передвинется.’ (КВо 4.12 rev. 10-11 (НХ))

2.4 Дискуссия

Исходя из всех приведённых выше контекстов с сентенциальными и несентенциальными клитиками, можно сделать вывод, что хеттский писцовый жаргон в редких случаях мог характеризоваться девиантным синтаксисом по сравнению со стандартным синтаксисом хеттского языка в том виде, в каком его представляют современные нам лингвистические работы. Так, иногда гетерографические написания именных групп соответствовали правоветвящимся именным группам в устном источнике, в то время как стандартный порядок слов в хеттской именной группе был достаточно жёстким и обычно характеризовался левым ветвлением. Нам представляется, что данные отклонения от стандартного порядка слов в писцовом жаргоне лучше всего объясняются как результат влияния языков хеттской письменной культуры – шумерского и аккадского.

Другим заметным отклонением от традиционного представления о хеттском синтаксисе, отмеченным на материале исследовательского корпуса, стало наличие так называемых «непрозрачных» для сентенциальных и несентенциальных клитик именных групп, которые довольно широко представлены сочетаниями с порядковыми числительными. Мы предполагаем, что подобные написания, вероятно, свидетельствуют о произнесении таких сочетаний по-аккадски: определённые числительные в писцовом жаргоне могло быть принято произносить по-аккадски, а они, в свою очередь, могли служить триггером для переключения кода в пределах всей именной группы. Любопытно, что в тех случаях, когда числительное несло на себе логическое ударение (фокус), соче-

тание этого числительного с вершиной могло разбиваться сентенциальными и несентенциальными клитиками.

Нужно отметить, что понятие «непрозрачной» для клитик группы не ново для исследований хеттского языка и письменности, и, что любопытно, ранее оно также вводилось в связи с употреблением хеттских гетерограмм. Так, Хоффнер заметил, что в приведённом ниже контексте сложная именная группа $\check{S}A \text{ }^{L\check{U}}DUB.SAR \ 1 \ \acute{E}-TUM$ является непрозрачной для клитической частицы $=pat$:

(43) *tug=a=kan* *arīya maniyahḫiya anda šA* $^{L\check{U}}DUB.SAR \ 1$
 2SG.DAT=PTC=PTC там район.LOC.SG ADV GEN писец 1

$\acute{E}-TUM=pat$

дом.NOM.SG=PTC

‘Но для тебя там в районе есть только один «дом писца».’ (НКМ 52 obv. 10–11 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 191)

Согласно Хоффнеру, данное заключение можно сделать исходя из необычного расположения $=pat$ в данном контексте. Хоффнер отметил, что, согласно установленным правилам расположения данной частицы²⁵, ожидалось бы, что она может занять позицию либо на первой словоформе данной именной группы (то есть на генитивном модификаторе), либо на словоформе, которая несёт на себе фокус – в данном случае это числительное. Расположение клитики $=pat$ на правом краю именной группы Хоффнер расценил как доказательство непрозрачности гетерографической именной группы для клитик²⁶. Примечательно, что и в данном случае мы имеем дело с именной группой, включающей в себя именной модификатор-числительное. Данный контекст, таким образом, представляет собой независимое подтверждение выводов, сделанных в ходе настоящего исследования.

Важно понимать, что наблюдения за расположением клитик дают возможность делать выводы о исходном порядке слов лишь для сравнительно небольшого числа составляющих: только для тех из них, что сопровождаются какими-либо клитиками. В большинстве случаев, однако, у исследователя

²⁵ Hoffner, Melchert, 2008, с. 384.

²⁶ Hoffner, 2009, с. 194.

нет никакой информации, которую он мог бы использовать, чтобы проверить, соответствует ли порядок слов на письме порядку слов в устном источнике. В подобной ситуации оказывался, очевидно, любой «читатель» хеттских текстов. Данное обстоятельство позволяет в очередной раз отметить принципиальную неприменимость к хеттским шумеро- и аккадограммам термина «логограмма». Так, как мы уже упоминали, согласно Марку Видену, логограммы «всегда лексически реализуются, и правила этой лексической реализации известны тем, кто использует данную систему письма»²⁷. Тем не менее, результаты, полученные в ходе настоящего исследования, позволяют заметить, что по крайней мере в некоторых случаях правила лексической реализации шумерских и аккадских элементов хеттской письменности не могли быть прозрачны – исходя из текста, невозможно определить, каким был порядок слов внутри именных групп в его устном источнике. Таким образом, контексты с гетерографическими написаниями и клитиками представляют интерес и для дискуссии об однозначности интерпретации гетерографических написаний, которой будет посвящена следующая глава данной диссертации.

2.5 Заключение

Данная глава диссертации была посвящена представлению результатов корпусного исследования, целью которого было установить, насколько порядок слов в гетерографических написаниях соотносился с порядком слов в исходном устном сообщении, и охарактеризовать по признаку порядка слов хеттский писцовый жаргон. Используя в качестве источника информации сочетания гетерограмм с сентенциальными и несентенциальными клитиками, удалось установить, что в подавляющем большинстве случаев порядок слов в устном источнике соответствовал нашим представлениям о хеттском синтаксисе и характеризо-

²⁷ «It [logogram] is always lexically realised and the rules for that lexical realisation will be known to the users of the writing system...», см. Weeden, 2011, с. 4.

вался левым ветвлением. Тем не менее были обнаружены и некоторые редкие, но бесспорные случаи соответствия гетерографических написаний правоветвящимся именным группам. Данные написания говорят о влиянии шумерского и аккадского синтаксиса на писцовый жаргон Хаттусы.

Также в результате анализа исследовательского корпуса было выяснено, что сочетания имён существительных с количественными числительными нередко демонстрировали непрозрачность для сентенциальных и несентенциальных клитик. Мы предполагаем, что такие написания отражают произнесение соответствующих сочетаний по-аккадски. В тех же случаях, когда числительное несло на себе логическое ударение (фокус), его сочетание с вершинным именем могло разбиваться клитиками²⁸.

Данные результаты являются дополнительным аргументом против интерпретации шумеро- и аккадографических написаний в хеттском как логограмм, поскольку, как было показано, порядок слов при написании гетерографических именных групп мог не соответствовать порядку слов в исходном сообщении, а это значит, что однозначный переход от письменного текста к устному в каждом случае был невозможен.

²⁸ На заключительном этапе работы над данной диссертацией нам оказалась доступна монография Сидельцев, 2017, в которой уделяется внимание проблеме нестандартного расположения сентенциальных клитик в сочетаниях с именными группами в гетерографическом написании. В этой монографии принимаются основные эмпирические инновации данной диссертации, но делаются куда более радикальные социолингвистические выводы, нуждающиеся в дополнительном осмыслении (фактически речь идет о нивелировке разницы между гетерографическими написаниями и переключением кодов), см. там же, с. 363-375.

Глава 3. Однозначность гетерографических написаний

Данная глава посвящена исследованию возможности однозначного перехода от гетерографического написания к исходному устному высказыванию на хеттском языке. То, что такой однозначный переход возможен, сейчас явно или неявно принимается большинством специалистов в области хеттского языка. Так, например, как мы уже упоминали, по Марку Видену, который описывает шумерские и аккадские элементы в хеттском как логограммы, последние «всегда лексически реализуются, и правила этой лексической реализации известны тем, кто использует данную систему письма»¹. Проблема однозначности будет рассмотрена в этой главе в первую очередь на примере поиска хеттского соответствия для сочетаний шумерограммы KUR с топонимами, а также для сочетаний гетерограмм с аккадскими посессивными суффиксами в новохеттский период.

3.1 Сочетания шумерограммы KUR с топонимами

3.1.1 Общие сведения о шумерограмме KUR

Шумерограмма KUR очень частотна в хеттских текстах всех периодов и означает ‘страна, регион’. Метонимически данная шумерограмма также может обозначать население некоторой территории².

Хеттским соответствием KUR считается существительное *udne-* (*udneyant-*). «Страны», о которых писали хетты, в большинстве случаев являлись государственными образованиями, состоящими из нескольких городов; такие образования назывались согласно своим административным

¹ «It [logogram] is always lexically realised and the rules for that lexical realisation will be known to the users of the writing system...», см. Weeden, 2011, с. 4.

² См., например, Gerçek, 2012, с. 34-35 о значении фразы KUR^{URU} KAŠKA.

центрам³. Как следствие, шумерограмму KUR очень часто употребляли на письме в сочетании с последующим топонимом (который чаще всего имел при себе детерминатив URU ‘город’. Обычно такие комбинации записывались как аккадографические посессивные конструкции с топонимом в виде чистой основы; так выглядит, например, KUR^{URU} KARGAMIŠ в примере ниже:

- (44) *nu=šši ANA KUR^{URU} KARGAMIŠ^{URU} Kargamišaš=pat*
 &=DAT.3SG LOC страна город Каркамис город Каркамис.NOM.SG=PTC
 1-aš URU-aš ŪL takšulait
 1.NOM.SG.C город.NOM.SG NEG заключать мир.PST.3SG

‘В регионе города Каркамис только город Каркамис, один город, не заключил мир с ним.’ (КВо 5.6 obv. ii 9-10 (HX), см. del Monte, 2008, с. 87.)

Такие написания в виде чистой основы, как KARGAMIŠ, также нередко называются псевдоаккадографическими. Лингвистическую реальность подобных написаний в похожих контекстах в своё время отстаивал Гётце⁴, предполагавший, что многие имена собственные действительно употреблялись без падежных окончаний в хеттском языке, поскольку являлись не полностью освоенными заимствованиями из субстратных языков. Эта гипотеза, однако, не нашла большого числа последователей⁵. Согласно стандартной грамматике хеттского языка Хоффнера и Мелчерта, чистые основы, использовавшиеся на письме в сочетании с гетерограммами, представляли собой исключительно графическое явление, и их не следует путать с реально существовавшими в хеттской именной парадигме формами с нулевыми окончаниями (употреблявшимися в значении вокатива)⁶. Такие написания, как KARGAMIŠ, могли возникнуть в эпоху раннего освоения хеттами аккадской письменности, когда основным языком письма

³ Beckman, 1999.

⁴ «Sie [формы без окончаний] sind m. E. durchaus als hethitische Formen anzusprechen und dürfen nicht als "akkadisierende Formen" aus der hethitischen Flexionslehre ausgeschlossen werden. [...] Die Sonderstellung der Eigennamen wird damit zusammenhängen, daß sie, aus den vorhethitischen Sprachen übernommen, Fremdkörper waren, die sich der Indogermanisierung stärker widersetzen als der eigentliche Wortschatz dieser Sprachen», см. Götze, 1925, с. 78.

⁵ Но ср. Patri, 2007, с. 90-91.

⁶ Hoffner, Melchert, 2008, с. 242.

в царстве Хаттусы, по всей видимости, был аккадский, как результат адаптации анатолийских имён собственных для употребления в аккадском тексте⁷. Гютербок в связи с этим предполагал, что реально существовавшие в хеттском языке формы с нулевыми окончаниями (формы звательного падежа) могли стать источником появления омонимичных искусственных форм без окончаний в аккадском письме⁸.

«Псевдоаккадографические» формы топонимов без окончаний в самом деле демонстрируют некоторые свойства, сближающие их с аккадограммами в собственном смысле этого слова. Так, например, соединительная энклитическая частица $=(y)a$ («геминирующее $=a$ »), восходящая к $*=ḥa$, записывалась в виде $=ya$ как после топонимов в форме чистой основы, так и после настоящих шумеро- и аккадограмм. Подобные написания являются скорее морфографическими, чем фонетическими: ср. KUR^{URU} KARGAMIŠ $=ya$ (КВо 5.6 obv. ii 7 (НХ)), где $=ya$ записывается после топонима, оканчивающегося на согласный, и KUR^{URU} KINZA $=ya$ (КВо 4.4 obv. ii 7 (НХ)), где топоним оканчивается на гласный.

Интересно, что на стыке топонима в форме чистой основы и присоединяющихся к нему справа энклитик чаще всего нет «немых» графических гласных: I-NA KUR^{URU} KI-IZ-ZU-WA-AT-NI $=ma-aš-ši$ (KUB 23.68 rev. 13 (НХ)). Такие выбивающиеся из общего ряда по этому признаку написания, как IŠ-TU KUR^{URU} WA-AL-MA-am-ma-aš-ši (КВо 4.10 obv. 31 (НХ)), возможно, следует трактовать как свидетельство того, что топонимы, записывавшиеся без окончаний, по крайней мере иногда могли произноситься хеттскими писцами в соответствии с их написанием.

Вне сочетаний с KUR топонимы с детерминативом^{URU}, конечно, могли иметь окончания на письме:

- (45) ŠA^m ḪḪA-LÚ $=ya$ URU Apāšan URU-an GUL-aḫta
 GEN Уххацити=& город Апаса.ACC.SG город.ACC.SG атаковать.PST.3SG
 ‘Он атаковал также Апасу, город (принадлежащий) Уххацити.’ (КВо 3.4 obv. ii 19 (НХ), см. Grélois, 1988, с. 60)

⁷ Yakubovich, 2012, с. 391-392.

⁸ Güterbock, 1945.

Такие написания, как KUR^{URU} KARGAMIŠ, как обычно считается, соответствовали хеттским посессивным или аппозитивным группам, вершиной которых было существительное *udne-*, на письме обозначаемое при помощи шумерограммы KUR⁹. Тем не менее, прямых свидетельств существования именно такого хеттского соответствия не очень много: подобные посессивные именные группы с топонимами очень редки в фонетическом написании. Тем более любопытно, что во всех известных нам случаях подобных написаний речь идёт о «стране города Хаттуса»: *Ḫattušaš=ša* KUR-*e* (VBoT 1 27 (CX))¹⁰, ^{URU}KÛ.BABBAR-*aš* KUR-*e* (IBoT 1.30 obv. 3 (HX)). Прямые свидетельства существования чтения данных сочетаний как аппозитивных групп ограничены следующим фрагментом:

- (46) [DINGIR.GU]D[Še]r[iš] GUD ŠA ^{URU}Ḫattuši
 божественный бык Сери.NOM.SG бык GEN город Хаттуса.DAT/LOC.SG
 KUR-*e* *kuiš* [peran tiya]nza
 страна.DAT/LOC.SG REL.NOM.SG.C впереди ступать.PTCP.NOM.SG.C
 ‘Сери, бык, что первый в Хаттусе, в стране (?)’ (KUB 6.46 obv. i 15-16 (HX), см. Singer, 1996, с. 8)

Синтаксис в данном примере не вполне ясен: аккадские предлоги обычно не употребляются в сочетании с хеттскими падежными формами с окончаниями, как в случае ŠA^{URU} Ḫattuši, что заставляет предполагать, что либо ŠA, либо форма топонима в данном случае употреблены ошибочно. Дубликат KUB 6.45 не проясняет намерения писца, поскольку его текст был серьёзно изменён после редактирования. С другой стороны, Виден¹¹ приводит некоторое количество контекстов, которые противоречат общей тенденции употребления форм топонимов без окончаний после шумерограммы KUR (например KUR^{URU} Ḫattuš[i] KUB 31.64 obv. ii 38 (HX)). Согласно Видену, данные контексты представляют

⁹ Weeden, 2011, с. 248-249.

¹⁰ Интересно, что один из немногих примеров сочетания *udne-* с топонимом в фонетическом написании найден именно в тексте из Амарны VBoT 1, который принадлежит авторству писца с ограниченной компетенцией в хеттском языке и, вероятно, в принятых в хеттской писцовой школе орфографических нормах. См. Starke, 1981, с. 224.

¹¹ Weeden, 2011, с. 248.

собой свидетельство существования аппозитивного прочтения сочетаний топонимов с KUR.

В последующих разделах будет рассмотрена проблема интерпретации сочетаний шумерограммы KUR с топонимами с падежными окончаниями в хеттских текстах, а также некоторых похожих сочетаний. Для этого, в первую очередь, будут подробно рассмотрены все имеющиеся в нашем исследовательском корпусе хеттских текстов примеры употребления топонимов с окончаниями после KUR.

3.1.2 Топонимы с окончаниями в сочетаниях с KUR

Топонимы с падежными окончаниями в сочетании с шумерограммой KUR достаточно редки. Нам известно 17 хорошо сохранившихся контекстов подобного рода и ещё 5 подобных контекстов, сохранившихся фрагментарно и не позволяющих точно определить синтаксическую функцию именных групп с топонимами. Среди форм топонимов с окончаниями, найденных в хорошо сохранившихся контекстах, 7 имеют окончания номинатива/генитива, 7 – окончания аккузатива, один – датива/локатива (пример KUB 31.64 obv. ii 38 выше) и два – аблатива:

Примеры на номинатив/генитив:

- (47) *nu=šši apēz KUR URU Taqqaštaš ZAG-aš*
 &=3SG.DAT DEM.ABL страна город Таккаста.NOM.SG граница.NOM.SG
ēšta
 быть.PST.3SG

‘Оттуда страна города Таккаста была ему границей.’ (КВо 3.6 obv. ii 16-17 (HX))

- (48) *šer=ši KUR URU Zallaraš ZAG-aš e[šta]*
 ADV=3SG.DAT страна город Цаллара.NOM.SG граница.NOM.SG быть.PST.3SG

‘Сверху страна города Цаллара была ему границей.’ (KUB 21.6a rev.? 12 (HX), см. Gurney, 1997, с. 130)

- (49) [kēz=ma=šši] KUR URU *Harziunaš* ZAG-aš
 DEM.ABL=PTC=3SG.DAT страна город Харциуна.NOM.SG граница.NOM.SG
 ē[šta]
 быть.PST.3SG

‘С той стороны же страна города Харциуны была ему границей.’ (KUB 21.6a rev.? 13-14 (HX), см. там же, с. 130)

- (50) EGIR-az=ma KUR URU *Išhupittaš* [kur]uriahta
 затем=PTC страна город Исхупитта.NOM.SG враждовать.PST.3SG

‘Затем же страна города Исхупитта стала враждебна.’ (KUB 19.9 obv. i 23 (HX))

- (51) nu KUR *Kathariyaš* URU *Gazzapašš=a* kui[ēš
 & страна Катхария.NOM.SG город Каццапа.NOM.SG=& REL.ACC.SG.C
 U]RU[.DIDLI.HI.A] *harninkišker*
 город.PL разрушать.PST.3PL

‘И города, которые разрушили страна Катхария и город Каццапа...’ (KUB 19.11 rev. iv 30-31 (HX), см. del Monte, 2008, с. 16-17)

- (52) nu KUR URU *Māšaš* *kuit* ÉRIN.MEŠ KUR
 & страна город Маса.NOM.SG REL.NOM.SG.N военный отряд.PL страна
 URU *Kammalašš=a* KUR URU ^{ID}SÍG Û KUR URU *KAŠŠIYA*
 город Каммала.NOM.SG=& страна город река Хулана & страна город Кассия
 GUL-*annešket*
 атаковать-PST.3SG

‘И потому, что страна города Маса, (а также) войска страны города Кам-мала атаковали долину реки Хулана и страну города Кассия...’ (KUB 19.10 obv. i 8’-10’ (HX), см. там же, с. 16)

- (53) [(nu=šši KUR URU *Wāšul*)]anaš *kū[ruriyahta]*
 &=DAT.3SG страна город Васулана.NOM.SG враждовать.PST.3SG

‘Город Васулана стал враждебным к нему.’ (KUB 14.29 obv. i 14 (HX), дупл. KBo 16.6 rev. iii 3 (HX))

Аккузатив:

- (54) *parā=ma* KUR ^{URU}*GAŠGA=ma* KUR ^{URU}*Šuḫurriyan=na*
 также=РТС страна Каска=РТС страна город Сухурия.АСС.SG=&
 GU[L-*ḫun*]
 атаковать.PST.1SG
 ‘Также я атаковал касков и регион Сухурии.’ (КВо 7.17 + КВо 16.13
 obv. i 8’ (НХ), см. Houwink Ten Cate, 1966, с. 171)
- (55) *n[u]* KU[R ^{URU}]*Ulman* *ḫarninkun*
 & страна город Улма.АСС.SG разрушать.PST.1SG
 ‘И я разрушил страну Улма.’ (КВо 10.2 obv. i 36 (НХ))
- (56) *nu* KUR ^{URU}*Šadduppan* [KUR ^{URU}*D*]*ANKUWA=ya arḫa*
 & страна город Саддуна.АСС.SG страна город Данкува=& ADV
ḫarganuer
 разрушать.PST.3PL
 ‘И они разрушили страну Саддуппы и страну Данкувы.’ (KUB 1.6 obv.
 ii 12-13 (НХ))
- (57) *nu* KUR ^{URU}*Parḫan=na* *IŠTU* ^{GIŠ}TUKUL *ēpzi*
 & страна город Парха.АСС.SG=& ABL оружие хватать.PRS.3SG
 ‘И он силой захватил страну города Парха.’ (Во 86/299 obv. i 63 (НХ),
 см. Otten, 1988, с. 12)
- (58) KUR ^{URU}*Talmalian=kan* ^DUTU-*š=I* ^{HUR.SAG}*Ḫaḫarwaza*
 страна город Талмалия.АСС.SG=РТС солнце=POSS.1SG гора Хахарва.ABL
 GAM RA-*zi*
 ADV атаковать.PRS.3SG
 ‘Его Величество атакует страну Талмалию вниз от горы Хахарва.’ (KUB
 5.1 rev. iii 61 (НХ), см. Ünal, 1974, с. 74)
- (59) *nu* KUR *Lazpan* GUL-*aḫta*
 & страна Лацпа.АСС.SG атаковать.PST.3SG
 ‘И он атаковал Лацпу.’ (KUB 19.5 obv. 8 (НХ), см. Houwink Ten Cate,
 1983-1984, с. 39)

- (60) KUR *Alašīyan=ma=za=kan*
 страна Алассия.АСС.SG=PTC=REFL=PTC
pedi=šši [ARAD-*aḥḥu*]n
 место.DAT/LOC.SG=POSS.3SG.DAT/LOC.SG подчинять.PST.1SG
 ‘Но я на месте подчинил страну Алассию.’ (КВо 12.38 obv. i 7’-8’ (HX),
 см. Güterbock, 1967, с. 75)

Аблатив:

- (61) [*m*] *aḥḥan=ma* KUR ^{URU} *Ulmaza* EGIR-*pa uwanun*
 когда=PTC страна город Улма.ABL назад приходит.PST.1SG
 ‘Но когда я вернулся из страны Улма...’ (КВо 10.2 obv. i 41 (HX))
- (62) [*takku*] ARAD ^{URU} *HATTI* *IŠTU* KUR ^{URU} *Lūyaz* LÚ
 если раб город Хаттуса ABL страна Лувия.ABL человек
^{URU} *HATTI* *kuiški* *tāiezzi*
 город Хаттуса INDF.NOM.SG.C уводить.PRS.3SG
 ‘Если раба (человека из страны) города Хаттуса из страны Лувия какой-
 то человек страны Хатти уведёт...’ (КВо 6.2 obv. i 42’ (ДХ), см. Hoffner,
 1997, с. 31)

Формы, для которых контекст не сохранился:

- номинатив/генитив: KUR ^{URU} *Alḥaš* (КВо 10.2 obv. ii 9 (HX)), KUR ^{URU} *Hawaliyaš* (KUB 21.6a obv.? 3 (HX)), KUR ^{URU} *Ḥatraš* (КВо 3.46 obv. 15’ (HX)).
- аблатив: KUR ^{URU} *Ḥarranaz=ma=z[a]* (KUB 19.13 obv. ii 31’ (HX)), [KU]R ^{URU} *Išḥup[it]taz=ma* (КВо 14.16 3’ (HX)).

3.1.3 Дискуссия

Маловероятно, что окончание *-aš* в примерах на номинатив/генитив, приведённых выше, выражает морфологическое значение родительного падежа. Во-первых, родительный падеж практически никогда не маркируется на письме на

зависимом имени при аккадографической записи посессивных групп, имитирующей орфографию распространённой в аккадском языке конструкции с именем в сопряжённом состоянии. В целом, хеттские писцы пытались организовывать письменный текст как можно более рационально и обычно использовали только одно орфографическое средство для выражения какого-либо морфологического значения. Этот общий принцип проявляется, например, в дополнительной дистрибуции аккадских предлогов и хеттских фонетических компонентов в роли падежных маркеров при шумерограммах¹². Аналогично, в примерах с топонимами с окончанием *-aš* уже одного порядка слов было достаточно для того, чтобы однозначно маркировать на письме синтаксическое отношение, поэтому показатель родительного падежа на топониме был бы уже излишним.

Во-вторых, стоит отметить, что всякий раз, когда топоним после шумерограммы KUR имеет окончание *-aš*, вся именная группа функционирует в предложении в качестве субъекта. Именно поэтому логично предположить, что омонимичное окончание *-aš* на топониме в данном случае является показателем именно именительного падежа, а не родительного, и обозначает на письме синтаксическую роль всей именной группы. В пользу этого вывода говорит также то, что большинство именных групп с топонимами с окончаниями после KUR играют в своих клаузах роль либо субъекта, либо прямого объекта, а именно эти два синтаксических отношения не могли быть выражены при гетерограммах при помощи аккадских предлогов. Если рассматривать *-aš* в примерах выше как показатель родительного падежа, то его появление после KUR представляло бы собой необъяснимое отклонение от общей писцовой практики. С другой стороны, если анализировать *-aš* как окончание именительного падежа, то его использование при топонимах после KUR находит параллель в подобном использовании окончания аккузатива *-an* во второй группе примеров выше.

¹² Ср. «A further governing principle that informs these constructions synchronically is that the writing system should not use more than one element to express one thing. Thus, if Akkadographic prepositional *INA* is used, there is no need for the Hittite phonetic complement if the Akkadographic genitive position is used, then there is no need for *-as*. This in itself is a very Hittite form of economy in expression, if we may speak of such a thing», см. Weeden, 2011, с. 359.

Таким образом, очевидно, что ни в одном из контекстов с топонимами с окончаниями после KUR мы не можем предполагать в качестве хеттского соответствия генитивную группу. Рассмотрим другие варианты.

Марк Виден предлагал интерпретировать контексты, подобные приведённым выше, как аппозитивные конструкции¹³. В аппозитивных конструкциях, также именуемых конструкциями с *падежной аттракцией*, зависимое имя в генитиве принимает падежный маркер вершинного имени¹⁴. В средне- и ново-хеттском языке конструкции с падежной аттракцией могли употребляться в значении посессивных; так, в примерах ниже, взятых из параллельных версий молитвы Муваттали, видно, что посессивная конструкция с генитивным зависимым соответствует конструкции с падежной аттракцией в дубликate:

- (63) $n=at=mu=kan$ UN-*az* KAХU-*az* $\check{s}ar\bar{a}$
 &=3PL.NOM.N=1SG.DAT=PTC человек.ABL рот.ABL ADV
uizzi=pat
 приходить.PRS.3SG=PTC

‘И они (слова) приходят ко мне из человеческих уст’ (= ‘из человека, изо рта’) (KUB 6.45 obv. i 30-31 (HX), см. Singer, 1996, с. 9.)

- (64) $n=at=mu=kan$ *antuḥšaš* KAХU-*az* $\check{s}ar\bar{a}$
 &=3PL.NOM.N=1SG.DAT=PTC человек.GEN.SG рот.ABL ADV
uizzi=pat
 приходить.PRS.3SG=PTC

‘И они (слова) приходят ко мне из человеческих уст’ (KUB 6.46 obv. i 31-32 (HX), см. там же, с. 9.)

Тем не менее, падежная аттракция в хеттском в основном была ограничена выражениями неотчуждаемой принадлежности¹⁵, как в примерах ниже:

¹³ Weeden, 2011, с. 248.

¹⁴ См., например, Yakubovich, 2006. Другие частотные названия для подобных конструкций – партитивная аппозиция или «skhema kath'holon kai meros» (см., например, Friedrich, 1940, с. 69). Некоторыми авторами, однако, данные термины не употребляются как синонимичные; так, например, в Luraghi, 1990b, с. 318 проводится различие между падежной аттракцией и партитивной аппозицией. См. также Cotticelli-Kurras, 2016.

¹⁵ См. Luraghi, 1990b, с. 318.

- (65) *n=an tuḱkuš išgahḱi*
 &=3SG.ACC.C член.АСС.PL намазывать.PRS.1SG
 ‘И я натираю его, (его) члены’ (KUB 7.1 obv. i 40 (HX))
- (66) *takku A-šà(G)-an ZAG-an kuiški paršiya*
 если поле-АСС.SG граница-АСС.SG INDEF.NOM.SG.C нарушать.PRS.3SG
 ‘Если кто-то нарушает границу поля...’ (КВо 6.26 obv. i 46 (HX), см. Hoffner, 1997, с. 135.)
- (67) *[ma]ḥhan=ma KUR.KUR.MEŠ LÚKÚR mArnuwandan šEš=YA*
 когда=PTC страна.PL враг Арнуванда.АСС.SG брат=POSS.1SG
[er]man ištamaššer
 болезнь.АСС.SG слышать.PST.3PL
 ‘Когда же вражеские страны услышали о болезни моего брата Арнуванды...’ (КВо 16.1 obv. i 8-9 (HX), см. Grélois, 1988, с. 54.)

Кроме того, падежная аттракция не засвидетельствована равным образом для всех падежных форм вершинного имени. Так, подобные конструкции достаточно частотны в аккумулятиве или аблативе, есть также некоторые сведения о падежной аттракции в дативе/локативе¹⁶. Примеры с аппозитивными конструкциями в номинативе редки, к тому же обычно они демонстрируют несколько другую семантику, а именно партитивное отношение, а не отношение неотчуждаемой принадлежности. Так, Сильвия Лураги¹⁷ утверждала, что следующий ниже контекст характеризуется другой синтаксической структурой, нежели примеры с неотчуждаемой принадлежностью выше, и предлагала разделять между примерами падежной аттракции (выше) и партитивной или дистрибутивной аппозицией, как в примере ниже:

- (68) *kūš=wa metiyaš kuiš UL iyauwaš*
 DEM.NOM.PL.C=PTC вещь.NOM.SG REL.NOM.SG.C NEG делать.NMLZ.GEN.SG
 ‘Какая вещь (из) этих не должна быть сделана...’ (КВо 5.9 rev. iii 2-3 (HX))

¹⁶ Ср. «In a sentence with two constituents in the dative/locative, one may always take the two as having two different functions», см. Luraghi, 1990b, с. 318.

¹⁷ там же, с. 318.

целиком является обозначением для острова Лесбос. Подобные аппозитивные конструкции в фонетическом написании нередки с названиями городов:

- (70) ^{URU} *Murmurigaš=šī* URU-*aš* *takšulāit*
 город Мурмурика.NOM.SG=3SG.DAT город.NOM.SG заключать мир.PST.3SG
 ‘Город Мурмурика, [один] город, заключил с ним мир.’ (КВо 5.6 obv. ii 8 (НХ), см. del Monte, 2008, с. 87)

Другим возможным объяснением падежных окончаний на составных гетерограммах с KUR и топонимами может быть гипотеза, что писцы маркировали на топониме не собственно окончания топонима, а окончания вершинного существительного (последнего существительного в именной группе). Такое объяснение, в частности, было предложено Марком Виденом (см. Weeden, 2011, с. 546) для одного из контекстов из «Деяний Суппилиумы»: KUR^{URU} *KI-IN-ZA-ya-az ku-it A-BU=IA tar-aḫ-ḫa-an ḫar-ta* ‘И когда мой отец победил страну города Кинца...’ (КВо 5.6 obv. ii 21 (НХ), см. del Monte, 2008, с. 88): фонетическую запись *-ya-az* после топонима предложено интерпретировать как относящееся ко второй словоформе в аппозитивной группе в аблативе *kinzaz udneyaz*. На наш взгляд (и на взгляд издателя текста дель Монте, см. там же, с. 108) такое объяснение оставляет больше вопросов, чем ответов, в том числе с точки зрения синтаксиса данного предложения, а фонетический компонент *-ya-az* легче объяснить как цепочку вакернагелевских клитик *=ya=z*. Большинство примеров из приведённых выше не могут быть объяснены аналогично просто потому, что существительное *udne* не имеет окончания в номинативе и аккузативе единственного числа (вариант с основой на *-nt udneyant-* предполагал бы *-az* вместо *-aš* в номинативе).

Для большинства приведённых выше контекстов с топонимами с падежными окончаниями гораздо проще предположить, что шумерограмма KUR просто не соответствовала никакой хеттской словоформе, и, таким образом, данные сочетания соответствовали в речи только топонимам в определённой падежной форме. Это означало бы, что мы имеем дело в данном случае с метонимическим переносом названия главного города на название всего относящегося к

нему региона; подобные переносы нередки в современных средствах массовой информации.

Если последнее объяснение верно, то эллипсис существительного *udne*, скорее всего, не был ограничен данными примерами с топонимами с падежными окончаниями, поскольку такие топонимы отмечены по большей части только в номинативе или аккузативе. В тех случаях, когда именная группа с топонимом принимала другие падежные формы, топоним на письме обычно не нес падежного окончания, поскольку падеж при гетерограммах в роли косвенных дополнений или обстоятельств обычно маркировался при помощи аккадских предлогов. Таким образом, в косвенных падежах у исследователя чаще всего нет способа узнать, имел ли место в устном источнике гетерографической записи эллипсис существительного *udne*-. Это говорит о том, что для таких случаев нельзя говорить об однозначном переходе от гетерографической записи к её фразе-источнику при помощи каких бы то ни было правил.

Независимым подтверждением выдвинутой выше гипотезы является то, что употребление KUR в сочетании с топонимами часто непоследовательно: ср. $\check{S}A^{URU} MIZRI=wa=\check{s}\check{s}i$ (КВо 5.6 rev. iii 44 (HX)) и $\check{S}A [K]UR^{URU} MIZRI=ya=\check{s}\check{s}i$ в дубликate (КВо 14.12 rev. iii 26 (HX)), см. del Monte, 2008, с. 118. В другом фрагменте из «Деяний Суппилулиумы» (см. там же, с. 124) наблюдаем чередование топонимов: $^{URU} Hattu\check{s}a-/KUR^{URU} HATTI$ и $^{URU} Mizra-/KUR^{URU} MIZRI$: $[k]ar\bar{u}iliya=za=wa=kan^{URU} hattu\check{s}a\check{s} [u]^{RU} mizra\check{s}=\check{s}a i\check{s}tarni\check{s}ummi \bar{a}\check{s}\check{s}iyante\check{s} [e]\check{s}ir$ (КВо 14.12 rev. iv 35-37 (HX)), и далее: $nu=wa=kan KUR^{URU} HATTI KUR^{URU} MIZR[I=ya uk]t\bar{u}ri$ (КВо 14.12 rev. iv 38-39 (HX)).

См. также аналогичные примеры, приведённые Марком Виденом (Weeden, 2011, с. 244-245).

Шумерограмма KUR в указанной аккадографической конструкции также часто опускается в сочетании с другими предшествующими гетерограммами (например, LÚ), что впервые отметил ещё Альбрехт Гётце. Он обратил внимание на сочетания гетерограмм с топонимами, оформленными лишь детермина-

тивом ^{URU}, о которых известно, что они обозначали не город, а целую область (например, LÚ.MEŠ ^{URU} MIZRI ‘египтяне’, ср. KUR ^{URU} MIZRI ‘Египет’)¹⁸.

Все представленные свидетельства, таким образом, говорят о том, что эллипсис существительного *udne-*, обозначаемого на письме при помощи шумерограммы KUR, мог быть весьма частотным в хеттской писцовой практике. Шумерограмма KUR, следовательно, функционировала в таких случаях как непроизносимый семантический маркер для следующего за ним топонима – то есть по сути выполняла функции детерминатива. Вероятно также, что сочетания с KUR соответствовали в речи именованным группам с *udne-* лишь в тех случаях, когда говорящий намеревался провести разграничение между регионом и его главным городом.

3.1.4 Другие сочетания с топонимами

Важно отметить, что использование топонимов с падежными окончаниями было возможно не только после KUR, но и после некоторых других гетерограмм. Так, например, нам известны похожие контексты с шумерограммой LÚKÚR, которая часто встречается в сочетаниях с топонимами:

- (71) *nu* LÚKÚR ^{URU} *Arauwannaš* *kuiš* KUR ^{URU} *KIŠŠIYĀ*
 & враг город Араванна.NOM.SG REL.NOM.SG.C страна город Киссия
GUL-annišket
 атаковать.PST.3SG

‘И враг из Араванны, который атаковал страну Киссию...’ (КВо 3.4 rev. iii 47’-48’ (HX), см. Grélois, 1988, с. 67.)

В этом случае также очевидно, что падежные окончания употребляются на топонимах неслучайно и служат для обозначения на письме падежей, которые другим способом, не разрушая графическую формулу, обозначить невоз-

¹⁸«Tritt ein Ländernamen dem nach allgemeinen Brauch das Wort KUR vorausgesetzt ist mit einem vorausgehenden Nomen in sehr enge Verbindung, so bleibt KUR weg», см. Götze, 1928, с. 51.

можно. Так, в случае написания *LÚ KÚR URU *Arauwanna* контекст выше становился бы слегка двусмысленным: и субъект, и объект были бы записаны при помощи гетерограмм без падежных окончаний. Скорее всего подобные примеры соответствовали аппозитивным конструкциям.

Топонимы с падежными окончаниями после LÚ практически не отмечены. Исключением являются лишь два примера из хеттских законов: LÚ URU *Lu-i-in* (КВо 6.2 obv. i 39' (ДХ)) и вариант из позднейшей копии LÚ URU *Luwiyan* (КВо 6.3 obv. i 48 (НХ)). В этом случае мы, скорее всего, имеем дело с адъективными образованиями¹⁹. Очевидно, однако, что не за всеми сочетаниями LÚ с топонимами может скрываться одно слово, как следует из следующего примера, где шумерограмма LÚ снабжена собственным фонетическим компонентом:

- (72) *mTĀŠ* LÚ-*iš* URU *KŪLUPPA*
 Тас человек.NOM.SG город Кулуппа
 ‘Тас, человек города Кулуппа.’ (КВо 22.1 obv. 7' (ДХ))

Подобные примеры указывают на то, что сочетанию LÚ с топонимами могла соответствовать генитивная или аппозитивная группа

Сочетания со значением ‘войска некоторого города’ также редко встречаются с топонимами с падежными окончаниями. Нам известно два примера на номинатив:

- (73) *nu* KUR URU *Māšaš* *kuit* ÉRIN.MEŠ KUR
 & страна город Маса.NOM.SG REL.NOM.SG.N военный отряд.PL страна
 URU *Kammalašš=a* KUR URU ÍD SÍG Û KUR URU *KAŠŠIYA*
 город Каммала.NOM.SG=& страна река Хулана & страна город Кассия
GUL-anniešket
 поражать.PST.3SG
 ‘Поскольку город Маса и войско города Камалы поражали долину реки Хулана и область города Кассии.’ (KUB 19.10 obv. i 8'-10' (НХ), см. del Monte, 2008, с. 42.)

¹⁹ См. Weeden, 2011, с. 292.

- (74) ANA ^{URU}[КАТХА]RIY[A=y]a *kuiš* ÉRIN.MEŠ
 DAT город Катхария=& REL.NOM.SG.C военный отряд.PL
^{URU} *Gašgaš* *ḫūmanza* *wa[rr]i* *panza*
 город Каска.NOM.SG весь.NOM.SG.C помощь.DAT.SG идти.ПТСР.NOM.SG.C
ēšta
 быть.PST.3SG
 ‘И каски, которые все шли на помощь Катхарии...’ (KUB 19.11 rev. iv
 36-37 (HX), см. del Monte, 2008, с. 46)

В первом случае мы явно имеем дело с метонимическим переносом, поскольку «страна город Маса» и «войско страны города Каммала» оказываются сочинены и выполняют одно и то же действие - скорее всего в речи эти написания соответствовали только самим топонимам. То же объяснение кажется наиболее вероятным и во втором случае. В обоих случаях падежные окончания также, как и в обсуждавшихся выше примерах с KUR, употреблены для уточнения синтаксической функции групп с топонимами; иными словами, для того, чтобы различать объект и субъект предложения.

Для понимания роли хеттских фонетических компонентов на топонимах в составе гетерографических сочетаний важен следующий контекст:

- (75) *kāša* L[UGAL-a]š MUNUS.LUGAL-š=a DUMU.MEŠ
 ПТС царь.GEN.SG царица.GEN.SG=& сын.PL
^{URU} *Ḫattušašš=a* [...] *paprātar=šamet*
 город Хаттуса.GEN.SG=& ... нечистота.ACC.SG=POSS.3PL.ACC.SG.N
ḫatugaus *lāluš* AN.B[AR] *išḫaškantuš*
 ужасный.ACC.PL.C язык.ACC.PL железо кровавый.ACC.PL.C
dāḫḫun
 брать.PST.1SG
 ‘Я взял нечистоту царя, царицы и сыновей города Хаттуса, ужасные железные языки, (когда они были) покрытые кровью.’ (KBo 17.4 obv. ii 5’-7’ (DX), см. Neu, 1980, с. 13.)

В данном случае полностью записанная фонетически форма топонима ^{URU} *Ḫattušaš=ša* указывает на то, что сочетанию DUMU.MEŠ ^{URU} *Ḫattušaš=ša* ‘сыновья города Хаттуса’ должна соответствовать в исходном устном высказывании генитивная группа, а не одна словоформа. Альтернативно такая генитивная группа могла бы быть записана при помощи аккадографической посессивной конструкции с топонимом в форме чистой основы: DUMU.MEŠ ^{URU} *ḪATTI* – такой способ записи являлся бы более типичным и более экономным. В данном случае, однако, писец обозначил в тексте окончание родительного падежа на топониме, хотя это и не было обязательно для выражения синтаксического отношения между вершинным и зависимым именем внутри именной группы «сыновья города Хаттуса».

Мотивацией для того вида записи, что мы наблюдаем в данном случае, должно было являться желание писца обозначить падеж всей именной группы «сыновья города Хаттуса» – данная именная группа находится в форме родительного падежа – для того, чтобы прояснить синтаксическую структуру предложения. В результате показатель родительного падежа на топониме, который в устном языке выражает синтаксическую зависимость топонима от вершинного имени DUMU.MEŠ, в письменном языке был реинтерпретирован в качестве падежного показателя всей именной группы.

Характерно, что данный пример принадлежит к составу древнехеттского корпуса: в более поздний период для выражения падежа составной именной группы, полностью или частично записанной гетерографически, с большой вероятностью был бы употреблён аккадографический предлог (в данном случае – предлог *ša*). В древнехеттский период употребление аккадографических предлогов ещё не было так широко конвенционализировано, и для того, чтобы обозначить синтаксическую функцию гетерографических именных групп чаще использовались хеттские фонетические комплементы.

Данный пример, а также другие примеры сочетаний топонимов с шумерограммой KUR показывают, что хеттские писцы использовали «избыточные» падежные окончания на топонимах в сочетаниях, где присутствие хеттского

фонетического компонента не требовалось аккадографической орфографической нормой, для указания на падеж более крупной именной группы, в которой топоним выполнял роль зависимого.

3.1.5 Заключение

Сочетания шумерограммы KUR с топонимами не поддаются однозначной интерпретации с точки зрения определения их точного хеттского соответствия. В большинстве случаев гетерографическая запись не отражала, был ли в устной речи осуществлён эллипсис хеттской словоформы, соответствующей шумерограмме KUR. Выводы, сделанные в ходе данного раздела, говорят против того, что по гетерографическим написаниям всегда можно однозначно восстановить исходную хеттскую фразу, лёгшую в основу написания.

3.2 Аккадские посессивные суффиксы в новохеттских текстах

В древне- и среднехеттский периоды посессивное отношение в хеттском языке могло выражаться, помимо других средств, сочетанием имени-обладаемого с энклитическими посессивными местоимениями, которые согласовывались с ним по числу и падежу: *kiššari=mi* ‘в моей руке’, *atti=ši* ‘его отцу’. В новохеттский период на смену конструкции с энклитическими местоимениями приходит аналитическая конструкция с зависимым личным местоимением в форме генитива: *apēl wastul* ‘его грех’, *tuel KUR-i* ‘твоя страна’²⁰.

Сочетания хеттских имён существительных с энклитическими посессивными местоимениями, помимо очевидного фонетического способа записи при помощи силлабограмм, могли также передаваться на письме при помощи гете-

²⁰ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 137.

рограмм в сочетании с аккадскими посессивными суффиксами. В большинстве случаев, однако, как пишут Хоффнер и Мелчерт, аккадские посессивные суффиксы в хеттских текстах принимали не аккадограммы, а шумерограммы²¹: DUMU=*šU* ‘его сын’.

Тем не менее, употребление аккадских посессивных суффиксов в новохеттский период не сходит на нет одновременно с окончанием употребления в устном хеттском языке энклитических местоимений, причём формы с аккадскими посессивными суффиксами встречаются как в новохеттских копиях древне- и среднехеттских сочинений, так и в оригинальных новохеттских текстах. Во втором случае, по мнению Хоффнера и Мелчерта, такие написания могли соответствовать в исходном высказывании сочетаниям существительных с формами личных местоимений в генитиве²².

В некоторых случаях, однако, нельзя предполагать, что гетерограмма с аккадским посессивным суффиксом могла соответствовать сочетанию существительного с генитивным местоимением. В первую очередь в эту категорию относятся гетерографические написания, при которых в тексте уже присутствует записанное при помощи силлабограмм генитивное местоимение:

- (76) [a]mmel=*ma* ABI ABI=*YA* *ḥattulišta*
 1SG.GEN=PTC отец отец=POSS.1SG здороветь.PST.3SG
 ‘Мой дед выздоровел.’ (KUB 19.10 obv. i 7’ (HX), см. del Monte, 2008, с. 42.)

- (77) *ammel=wa* ^{LÚ}MUTI₄=*YA* *kuiš* *ēšta*
 1SG.GEN=QUOT супруг=POSS.1SG REL.NOM.SG.C быть.PST.3SG
 ‘Кто был моим мужем...’ (КВо 5.6 rev. iv 4-5 (HX), см. там же, с. 90.)

В некоторых случаях также в пределах одной клаузы посессивность может выражаться как аккадским посессивным суффиксом, так и дативным местоиме-

²¹ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 437.

²² «In NS texts, logographically written nouns and their possessive suffixes (e.g., DUMU=*ya* ‘my son’) do not indicate the form of the Hittite possessive. If the text is an NS copy of an OH or MH original, it is possible that the Akkadian possessive suffix covers an enclitic possessive pronoun. But if the text is an NH composition, it probably covers a genitive independent pronoun.» (там же, с. 137)

нием. Насколько можно судить по другим примерам подобной конструкции в новохеттском, независимые генитивные местоимения не сочетаются с дативными²³. Таким образом, можно сделать вывод, что при наличии в клаузе дативного местоимения, совпадающего по лицу и числу с аккадским посессивным суффиксом, суффикс на гетерограмме также не соответствовал никакой хеттской словоформе или морфеме:

(78) *tuk=ma=wa* DUMU.MEŠ=KA *meggauš* *memiškanzi*
 2SG.DAT=PTC=QUOT сын.PL=POSS.2SG большой.NOM.PL.C говорить.PRS.3PL
 'Говорят, что у тебя много детей.' (КВо 5.6 rev. iii 11-12 (HX), см. del Monte, 2008, с. 89.)

(79) DUMU=YA=*wa=mu* NU.GÁL
 сын=POSS.1SG=QUOT=1SG.DAT отсутствовать
 'У меня нет детей' (КВо 5.6 rev. iv 6 (HX), см. там же, с. 90.)

Таким образом, примеры выше показывают, как одно и то же гетерографическое написание в разных контекстах могло соответствовать разным фразам на хеттском языке. В тех случаях, когда в клаузе с гетерограммой с посессивным показателем нет ни дативных сентенциальных клитик, ни записанного при помощи силлабограмм независимого генитивного местоимения, определить хеттское соответствие для такого гетерографического написания не представляется возможным.

Усложняют ситуацию с интерпретацией сочетаний гетерограмм с аккадскими посессивными суффиксами примеры, в которых для распределения подобных написаний в принципе нельзя предложить никакого соответствия на хеттском языке. Таковы, например, сочетания шумерограммы DAM 'жена' (акк. *aššatu*) с аккадскими посессивными показателями. -ZU. Так, по мнению Марка Видена, последовательное написание шумерограммы DAM с посессивным показателем третьего лица единственного числа в форме номинатива и аккумулятива единственного числа в виде DAM-ZU с аккадским фонетическим компонентом, отражающим аффрикатизацию на стыке корня и суффикса, и в косвенных па-

²³ Weeden, 2011, с. 201.

дежах в виде DAM-*šU* без аффрикатизации должно отражать произнесение писцами Хаттусы данной словоформы по-аккадски²⁴.

Тем не менее, в редких случаях написание шумерограммы DAM в сочетании с неподходящей формой аккадского посессивного показателя -*šU* может встречаться и в синтаксической функции, соответствующей хеттскому (и аккадскому) именительному падежу. В таких случаях оказывается, что составное гетерографическое написание совершенно неоднозначно по отношению к языку его соответствия в писцовом жаргоне: в пользу хеттского соответствия говорит искусственность аккадской формы, в пользу аккадского — то, что для остальных случаев употребления шумерограммы с аккадскими посессивными показателями предполагается аккадское соответствие.

3.3 Заключение

В данной главе на примерах сочетаний шумерограммы KUR с топонимами, а также на примерах гетерографических написаний с аккадскими посессивными показателями в новохеттский период было продемонстрировано, что из шумеро- и аккадографических написаний не всегда может быть однозначно восстановлен текст устного источника. Так, в частности, не всегда можно провести чёткую границу между употреблением шумерограммы в качестве детерминатива и в качестве логограммы, а также не всегда представляется возможным отделить «пустые» употребления гетерограмм от тех случаев, когда они обозначают определённые хеттские словоформы. Кроме того, в определённых случаях правдоподобнее может выглядеть предположение не о хеттском, но о аккадском соответствии гетерографического написания в писцовом жаргоне или язык устного соответствия может быть вообще неизвестен.

²⁴ Weeden, 2011, с. 186-187.

Глава 4. Функции хеттских гетерограмм

Данная глава диссертации посвящена анализу различных гипотез, связанных с функциями гетерограмм в хеттских текстах.

Начиная обсуждение функций хеттских гетерограмм, нужно заметить, что вопрос об их функциях совсем не эквивалентен вопросу о причинах их употребления. Постановка вопроса о причинах употребления в некоторой системе письма знаков для слов возможна лишь в рамках «фоноцентричного», по Дерриде¹, представления об эволюции письменных систем как пути от «неразвитого» словесного письма к «развитому» алфавитному. Именно такой взгляд преобладал в западной философской мысли практически на всём протяжении её существования² Гельб, описывавший историю письменных систем в рамках теории однонаправленного развития к алфавитному письму³, обосновывал преимущества последнего тем, что оно выстроено наиболее экономичным образом, выражая языковые формы при помощи наименьшего возможного числа знаков⁴. Использование алфавитного письма до сих пор иногда рассматривается в качестве отличительного признака развитой культуры несмотря на то, что некоторые современные восточные письменности, прежде всего китайская и японская, и в наше время в достаточно большой степени основаны на логографическом принципе⁵. Более взвешенный анализ различных систем письма показывает, однако, что преимущества алфавитного письма перед (частично) логографическим далеко не так однозначны. Так, по мнению некоторых исследователей, на ранних стадиях обучения чтению логографическое письмо позволяет делать больший прогресс, чем алфавитное⁶. Несмотря на то, что обучение логографическому письму может носить очень длительный характер по при-

¹ Derrida, 1967, с. 45.

² «La peinture des objets convient aux peuples sauvages ; les signes des mots et des propositions, aux peuples barbares, et l'alphabet, aux peuples policés», см. Rousseau, 1780-1789, с. 371.

³ Gelb, 1963, с. 200-201.

⁴ «[T]he expression of linguistic forms by the smallest possible number of signs», см. там же, с. 251.

⁵ «[A]lphabetic writing is now universally employed by civilised peoples», см. Diringер, 1968, с. 13.

⁶ Barton, 1995, с. 28.

чине обширного инвентаря символов, использование логограмм часто заметно сокращает количество знаков, необходимых для передачи на письме определённой фразы или слова, а также упрощает процесс беглого чтения текста⁷.

Таким образом, вопрос о причинах употребления гетерограмм в хеттских текстах имел бы не больше смысла, чем вопрос о причинах употребления букв в кириллическом или латинском алфавитах: гетерограммы являлись прежде всего неотъемлемой частью системы письменности. Тем не менее, с такой же «фоноцентричной» точки зрения сформулирована и основная исследовательская цель в монографии Marquardt, 2011⁸. С нашей точки зрения, единственной естественной причиной использования гетерограмм в хеттских текстах является письменная традиция, в частности наличие гетерографических написаний уже в аккадской клинописи, ставшей непосредственным источником письма на хеттском языке⁹. Как предполагают сейчас многие исследователи, первоначально заимствованная система письма использовалась хеттами для написания текстов на аккадском языке и лишь позже произошёл постепенный переход к использованию клинописи для фиксации хеттского языка¹⁰. К этому переходному периоду относится, например, появление так называемых псевдоаккадографических написаний анатолийских имён собственных¹¹.

Вероятно, переход от письма на аккадском языке к письму на хеттском языке осуществлялся через стадию аллоглоттографического письма (см. раздел 1.1.2); таким же образом ранее осуществлялась адаптация шумерской клинописи для записи аккадского языка. Многие шумеро- и аккадографические написания, использовавшиеся в аллоглоттографических текстах, затем вошли в число канонических элементов хеттской системы письма, а некоторые жанры хеттской письменности по сути так и оставались аллоглоттографическими на

⁷ Cooper, 1996, с. 53.

⁸ «[W]arum sie [=Logogramme] in den hethitischen Textzeugnissen so eigentümlich hochfrequent auftritt, obwohl den Schreibern die syllabographische Realisation möglich gewesen wäre», см. Marquardt, 2011, с. 2.

⁹ См., например, Jensen, 1969, с. 93: частые шумеро- и аккадографические написания являлись следствием «письменной традиции, находящейся под вавилонским влиянием» («... einer unter babylonischem Einfluß stehenden Schreibertradition»).

¹⁰ См., например, Popko, 2007, van den Hout, 2009.

¹¹ Yakubovich, 2012, с. 391-392.

всём протяжении использования шумеро-аккадской клинописи в царстве Хаттусы: к таким жанрам относятся, например, хозяйственные списки, за редким исключением составленные исключительно из гетерографических написаний. Гетерограммы являлись неотъемлемой частью системы клинописи, которая использовалась для записи хеттского языка¹².

Как отмечает Гонсало Рувио, традиционализм и устремлённость в прошлое характерны для всех клинописных культур¹³. Рувио цитирует ассириолога Альберта Клея, который называл подобную увлечённость прошлым, характерную для письменной культуры Междуречья, *антикварианизмом* (antiquarianism). По мнению Рувио, антикварианизм можно определить как «мировоззрение, в рамках которого прошлое рассматривается как ценность сама по себе»¹⁴. Употребление элементов языка, отличающегося от языка исходного высказывания, при создании письменных текстов, по Рувио, было обусловлено сильными традиционалистическими установками, которые были характерны для клинописных писцовых школ.

Кажется, однако, что сильное влияние традиционализма характерно не только для клинописных письменных культур, но в целом — для письменной культуры и ещё шире — для культуры в целом («habit is always dearer to men than progress»¹⁵). К явлениям подобного рода относится как крайняя инерционность орфографических систем таких европейских языков, как английский и французский, так и, например, установка на следование языковым нормам, которые часто не имеют ничего общего с реальным употреблением большинства носителей языка, но в то же время связаны в общественном сознании с образованностью и высокой культурой.

¹² «To insist that this could simply have been done by writing phonetically, as scribes were obviously capable of doing for foreign languages such as Hurrian, is to forget that logography is inherent in the process of learning the script in the first place», см. Weeden, 2011, с. 382.

¹³ Rubio, 2007, с. 49.

¹⁴ «[A]n intellectual framework within which the past is seen as a value on its own», см. там же, с. 49.

¹⁵ Gelb, 1963, с. 202.

В данной главе нас будут интересовать, таким образом, не причины употребления шумеро- и аккадографических элементов, но те цели, которые достигали писцы царства Хаттусы при их использовании в создаваемых ими текстах.

В первой части главы будут последовательно рассмотрены различные функции гетерографических написаний, которые упоминаются в хеттологической литературе; во второй части главы будут представлены результаты анализа употребления гетерограмм в клинописных текстах на лувийском и палайском языке и проведено сравнение с ситуацией в хеттских текстах.

4.1 Аббревиация

Как уже было сказано, считается, что использование логографического письма обычно позволяет сократить количество знаков, используемых для передачи некоторого слова или фразы, по сравнению с тем количеством, что необходимо при использовании фонетического письма. Поскольку шумерограммы, использовавшиеся в хеттских текстах, чаще всего состоят из одного знака, хеттские писцы могли пользоваться шумерографическими написаниями для того, чтобы ускорять процесс письма и экономить место на табличке. Ещё Лярош отмечал стремление хеттских писцов к тому, чтобы «сокращать написание частых и относительно длинных слов»¹⁶, отразившееся, по его мнению, в создании собственных шумерографических комбинаций. В качестве примера Лярош приводит, в частности, гетерографическое написание AMA.DINGIR-LIM (букв. «мать бога») ‘жрица’, встречающееся лишь в текстах из Анатолии и образованное по модели хеттского композита с тем же значением *siwanz-anna-*. Тем не менее, аккадограммы в отличие от шумерограмм почти всегда записывались при помощи нескольких силлабограмм: неясно, могло ли использование аккадограмм способствовать хоть в какой-либо степени экономии места и усилий.

¹⁶ «... abrégé la graphie de mots fréquents et relativement longs», см. Laroche, 1978, с. 743.

В монографии Хеннинга Марквардта (Marquardt, 2011), посвящённой исследованию вопроса о том, какие прагматические факторы обеспечивали столь высокую частотность употребления в хеттских текстах гетерографических элементов, фактор аббревиации был рассмотрен с точки зрения статистики. Автор приводит результаты собственного корпусного исследования, согласно которым в 92 процентах случаев гетерографическое написание оказывается немного или существенно короче своего силлабографического эквивалента. Марквардт сделал вывод, что тахиграфия играла существенную роль в мотивации писцов царства Хаттусы при употреблении гетерографических написаний¹⁷. К сожалению, исследование Марквардта было ограничено лишь изучением шумерографических написаний, поэтому более интересный вопрос о том, играла ли аббревиация существенную роль при использовании аккадограмм, остаётся открытым.

4.2 Орфографическая простота

Более неожиданный вывод, который сделал на основании своего исследования шумерограмм Марквардт, — то, что использование гетерограмм могло существенно облегчать работу писца в тех случаях, когда силлабографическая запись необходимой словоформы могла представлять сложность ввиду наличия орфографических вариантов. В обоснование этого тезиса автор приводит несколько диаграмм, показывающих процентное соотношение и общее количество шумерографических написаний, силлабографическое представление которых имеет варианты, от общего числа исследованных шумерограмм. Разные диаграммы демонстрируют интересующую автора пропорцию в зависимости от того, короче или длиннее соответствующее шумерограмме силлабографиче-

¹⁷ Marquardt, 2011, с. 116-117.

ское написание гетерографического — для того, чтобы учесть влияние фактора аббревиации¹⁸.

Приведённые цифры, однако, заставляют усомниться в корректности выводов, сделанных автором. Так, среди приведённых автором соответствий шумерографических и силлабографических написаний лишь в семи парах написание при помощи шумерограммы оказывается длиннее своего эквивалента или равно ему по длине. Среди этих семи случаев почти в половине случаев (3 из 7) силлабографическое написание не демонстрирует никакой вариативности. На основании этих данных можно заключить, что фактор орфографической вариативности не играл особой роли при выборе способа записи: в тех случаях, когда шумерограммы не являлись более коротким способом записи, никакой зависимости отметить нельзя, а в прочих случаях для объяснения выбора способа записи оказывается достаточно фактора аббревиации. Изучение факторов, связанных с орфографической нормой, принятой в среде писцов царства Хаттусы, остаётся, тем не менее, важным направлением исследований в рамках ответа на вопрос о функциях гетерографических написаний.

4.3 Стилистическое варьирование

Было бы естественно предположить, что употребление гетерограмм могло использоваться писцами царства Хаттусы в качестве способа создания определённой стилистики текста. Так же, как в современных европейских языках для придания тексту высокого, наукообразного стиля могут использоваться латинские гетерограммы, шумеро- и аккадограммы могли бы использоваться в качестве инструмента для создания «высокого стиля» в текстах на хеттском языке. Рассмотрение эмпирического материала, однако, не даёт подтверждений данной гипотезы.

¹⁸ Marquardt, 2011, с. 118-121.

В случае, если бы гетерограммы могли использоваться для придания тексту более высокого стиля, ожидалось бы обнаружить более высокую концентрацию гетерографических написаний в более формальных текстах. Тео ван ден Хаут¹⁹ показал, что тексты, дошедшие до нас из хеттских архивов, могут быть разделены на две большие группы; в первую группу попадают тексты, которые часто копировались, во вторую – те тексты, что существовали всегда в единственном экземпляре. Такие тексты, как царские хроники, тексты, посвящённые религиозным праздникам и государственные договоры относятся к первой группе, в то время как письма, списки и отчёты о гаданиях – ко второй. В связи с этим можно было бы предположить, что тексты, которые регулярно копируют, подвергаются и гораздо более тщательному редактированию, чем те, что существуют в единственном экземпляре. Таким образом, если бы гетерограммы использовались в качестве стилистического средства, ожидалось бы, что в текстах из первой группы их концентрация была бы выше.

Тем не менее, известно, что тексты, демонстрирующие наибольшую частотность гетерограмм, явно чаще относятся ко второй группе, выделенной ван ден Хаутом, чем к первой. Так, в гадательных текстах или в хозяйственных списках, гетерограммы, как известно, встречаются чаще обычного. В то же самое время в каждой из групп присутствуют тексты с умеренным числом гетерограмм (к таким жанрам относятся, например, исторические хроники и письма). Приведённые факты говорят против гипотезы о сознательном употреблении гетерограмм в качестве стилистического средства.

Другим доказательством некоторого влияния употребления гетерографических написаний на стиль текста могло бы являться отсутствие шумеро- и аккадограмм в определённых жанрах хеттских текстов. Известно, что выбор системы письма в Хаттусе до некоторой степени мог зависеть от социолингвистических факторов. Так, анатолийские писцы XIII в. до н.э., родным языком которых, вероятно, был лувийский, для записи формальных текстов прибегали к выученному ими хеттскому языку, предпочитая клинопись анатолийскому

¹⁹ van den Hout, 2007, с. 219.

иероглифическому письму²⁰. Также известно, например, что хеттские царские печати того времени содержали как иероглифические, так и клинописные надписи, в то время как прочие чиновники на своих печатях имели лишь иероглифические надписи. Очевидно, что присутствие клинописи на царских печатях означало её важность в официальной переписке высокого уровня, например, в дипломатической корреспонденции.

Утверждать, что гетерограммы могли использоваться как средство создания определённой стилистики тем более трудно, если принять во внимание, что хеттский язык, вероятно, никогда не записывался без использования шумеро- и аккадограмм. Материалы клинописных табличек из Хаттусы позволяют говорить скорее о параллельном использовании хеттского и аккадского языков, особенно в древнехеттский период. Данная практика проявлялась, например, в существовании некоторого количества двуязычных текстов, таких, как анналы Хаттусили I (СТН 4), завещание Хаттусили I (СТН 6) и текст царя Телипину (СТН 19). Некоторыми авторами высказывалось утверждение о том, что наиболее важные политические документы древнего царства, как правило, записывались не только по-хеттски, но и по-аккадски – на языке высокой культуры²¹, в то время как альтернативная гипотеза предполагает, что именно аккадские версии данных текстов являются исходными, а на хеттский язык данные документы были переведены позже, когда начала развиваться письменность именно на хеттском языке²². Как бы то ни было, очевидно, что анатолийским писцам при создании текстов нередко приходилось выбирать между хеттским и аккадским языками. В то же время, если выбор основного языка текста был сделан в пользу хеттского, то вопрос о том, использовать ли при записи гетерограммы, никогда перед ними не вставал.

В целом, можно сделать вывод, что гетерографические написания обычно не рассматривались хеттскими писцами в качестве средства создания определённой стилистики. В то же время более высокая концентрация гетерограмм

²⁰ См. Waal, 2011, с. 25-28.

²¹ См. Archi, 2010, с. 42.

²² См. Popko, 2007, van den Hout, 2009.

в менее формальных и более технических текстах подталкивает к мысли, что мотивацией к использованию гетерограмм могли служить некоторые прагматические соображения.

4.4 Семантическая и синтаксическая аннотация

Можно показать, что в некоторых случаях гетерографические написания использовались для улучшения письменной коммуникации, а именно для облегчения потенциальному читателю процесса понимания клинописного текста. В такой функции могли выступать прежде всего непроизносимые элементы: детерминативы, аккадографические предлоги, шумерографические показатели множественного числа. С их помощью писцы могли передавать дополнительную семантическую или синтаксическую информацию, которая не могла быть выражена на письме при помощи силлабографических написаний. В следующих разделах будут рассмотрены основные примеры подобной аннотации текстов при помощи гетерограмм, обнаруженные в ходе данного исследования и в хеттологической литературе.

4.4.1 Семантическая аннотация при именных группах с ЭЛЛИПСИСОМ

Ряд примеров семантической аннотации уже упоминался в хеттологической литературе. Так, Илья Якубович показал, что написание ^Ḫ*arzanaš* ‘постоялый двор, публичный дом’ в некоторых случаях могло соответствовать в устной речи самостоятельному генитиву (free standing genitive) *arzanaš*, образовавшемуся в результате эллипсиса вершинного имени в составе генитивной группы

arzanas pēr ‘постоялый двор, публичный дом (букв. «дом каши»)»²³. Если это предположение верно, то оказывается, что в написании ^É*arzanaš* шумерограмма ^É ‘дом’ должна была играть роль указателя на семантику именной группы, восстанавливая на письме её синтаксическую вершину, эллиптированную в устной речи. В отличие от прочих детерминативов, указывающих на семантический класс именной группы, который и так в большинстве случаев мог быть легко восстановлен из контекста, детерминатив при самостоятельном генитиве различал омонимичные употребления одной и той же лексемы (в данном случае со значениями ‘каша’ и ‘постоялый двор, публичный дом’) и поэтому значительно упрощал письменную коммуникацию.

Следуя той же логике, Якубович предполагает, что в случае написания *kūš* ^{LÚ.MEŠ}*kuirwanaš* ‘эти вассалы’ в KUB 6.41 rev. iii 44 (НХ) (*kūš* ^{LÚ}*kuirwanaš* в KBo 3.4 obv. ii 19 (НХ)) мы также имеем дело с подобным синтаксическим преобразованием – эллипсисом вершинного имени в составе генитивной группы. Целиком соответствующая генитивная группа выглядит как *kuirwanaš* KUR.KUR-*TI* ‘вассальные земли’ (KUB 24.4 obv. i 16 (СХ))²⁴. Другой подобный пример, который приводит Якубович, – написание ^{LÚ.GUNNI.MEŠ}*uški[ška]dalliuš* (KBo 10.45 rev. iv 16 (НХ)) ‘хранители очага’, которое представляет собой преобразование более обычного ^{LÚ.MEŠ}*uškiškatalļuš* ‘стражи»²⁵. Перечень подобных написаний может быть легко продолжен.

4.4.2 Семантическая аннотация при помощи аккадографических предлогов

Анализ употреблений некоторых аккадографических предлогов также позволяет говорить об их использовании для упрощения письменной комму-

²³ См. Yakubovich, 2006, с. 44-45.

²⁴ См. Yakubovich, 2010, с. 351.

²⁵ См. там же, с. 336.

никации. В качестве иллюстрации рассмотрим особенности употребления аккадографических предлогов *ANA* и *INA*, ещё не привлекавшие большого внимания исследователей.

Дистрибуция аккадографических предлогов в хеттских текстах традиционно описывается в хеттологической литературе через дистрибуцию хеттских косвенных падежей. Так, предлог *ša* принято рассматривать в качестве маркера хеттского родительного падежа, *ištu* и *itti* – в качестве маркеров аблатива и инструменталиса, *ana* – в качестве маркера датива и алатива, *ina* – в качестве маркера локатива и т.д.²⁶ Тем не менее, можно показать, что употребление аккадографических предлогов не отражает в полной мере употребление хеттских косвенных падежей. Мойца Цайнко пришла к выводу, что аккадографические предлоги в хеттском контексте зачастую передают более специфичные значения, чем хеттские косвенные падежи, с которыми их принято сопоставлять. Так, например, предлог *ištu*, который сопоставляется с хеттским аблативом и инструменталисом, как было показано Цайнко, никогда не использовался в хеттских текстах с темпоральным значением или для выражения причины или образа действия. В то же самое время аблатив и инструменталис могли употребляться с такими значениями в устном хеттском языке²⁷.

С другой стороны, как показано той же Цайнко, использование аккадографических предлогов в хеттских текстах не следовало во всех деталях и за нормами грамматики аккадского языка. Так, например, аккадограмма *ištu* в хеттских текстах могла использоваться в комитативном значении, в то время как это было невозможно для соответствующего ей аккадского предлога в текстах на аккадском языке²⁸.

Как и другие аккадские предлоги, *ana* и *ina* употреблялись при хеттских гетерограммах и уточняли падеж соответствующей данной гетерограмме хеттской именной группы. В аккадском языке соответствующие предлоги *ana* и *ina* управляли именными группами в генитиве. Предлог *ana* в большинстве случаев

²⁶ van den Hout, 2011, с. 29

²⁷ Цайнко, 2016, с. 223

²⁸ там же, с. 223

использовался для маркирования семантических ролей реципиента, адресата, бенефактива, конечной точки движения и цели²⁹, а *ina* чаще всего имел локативное или темпоральное значение³⁰.

В хеттских текстах древнейшего периода употребление *ANA* и *INA* в общих чертах соответствовало правилам грамматики аккадского языка: первый из двух предлогов обычно использовался для выражения конечной точки (в древнехеттском языке обозначаемой именными группами в аллативе), а второй – для маркирования локативных аргументов и при обозначениях времени. Также *ANA* дополнительно использовался при именных группах с ролью реципиента, адресата и бенефактива, которые в устном языке маркировались дательным падежом. Несмотря на то, что хеттский дательный падеж объединился с локативом ещё в дописьменную эпоху³¹, различие между *ANA* и *INA* при их употреблении в контекстах, в хеттском соответствующих дативу/локативу, хорошо прослеживается по текстам древнехеттского корпуса³².

Таким образом, в письменном древнехеттском тексте, в отличие от устного языка того же периода, при гетерографических написаниях существовал контраст между дативом и аллативом с одной стороны и локативом – с другой:

- (80) *nu=zza* DUMU.MUNUS.MEŠ=ŠA ANA DUMU.NITA.MEŠ=ŠA
 &=PTC дочь.PL=POSS.3SG.F DAT сын.PL=POSS.3SG.F
paiš
 давать.PST.3SG

‘Она выдала своих дочерей за своих сыновей (букв. «отдала своих дочерей своим сыновьям»).’ (КВо 22.2 obv. 17 (MX), Holland, Zorman, 2007, с. 31)

- (81) MUNUS.LUGAL-*aš* ANA É D¹IŠKUR *paizzi*
 царица.NOM.SG ALL дом бог грозы идти.PRS.3SG

²⁹ Говоря о наименовании и значении семантических ролей, здесь и далее мы следуем работе Кустова, 2011.

³⁰ См. von Soden, 1995, с. 204-205.

³¹ См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 74.

³² Starke, 1977, с. 109-120.

‘Царица идёт в дом бога грозы.’ (KUB 43.28 obv. ii? 6’ (ДХ), Neu, 1980, с. 154)

(82) *INA QATI DINGIR-LIM ākkiš*

LOC рука бог.GEN.SG умирать.PST.3SG

‘Он умер в руке бога.’ (КВо 6.2 rev. iv 3 (ДХ), Hoffner, 1997, с. 81)

В текстах более позднего периода, после объединения в хеттском языке аллатива с дативом/локативом, *INA*, вопреки аккадской норме, также начал использоваться для выражения цели. Однако, хотя во всех случаях сочетание *ANA* или *INA* с последующей гетерограммой должно было соответствовать в устном хеттском языке имени в форме датива/локатива, определённые различия в употреблении этих аккадографических предлогов всё ещё сохранялись. Так, например, даже в средне- и новохеттских текстах не отмечены сочетания *INA* с личными именами³³. Тем не менее, вопрос о распределении *ANA* и *INA* в позднейших текстах до сих пор не становился предметом отдельного исследования.

Как уже было сказано, в новохеттский период формы датива/локатива использовались в хеттском языке как для маркирования аргументов с семантической ролью конечной точки движения, так и для обозначения статичного нахождения объекта в пространстве (семантическая роль места). В отличие от древнехеттского периода, когда *ANA* был жёстко закреплён за употреблениями, соответствующими направительному падежу, в поздних текстах как *ANA*, так и *INA* могли использоваться в обеих функциях. Тем не менее, наш анализ материала позволил выделить некоторые закономерности в распределении аккадографических предлогов *ANA* и *INA* в новохеттских текстах. Так, *INA* имеет тенденцию употребляется в пространственном значении при топонимах, а *ANA* – в прочих случаях:

(83) *nu=za BÀD.KARASĪ INA ^{1D}AŠTARPA waḥnunun*

&=PTC лагерь LOC река Астарпа поворачивать.PST.1SG

‘Я разбил лагерь на реке Астарпа.’ (КВо 3.4 obv. ii 47–48 (НХ), см. Grélois, 1988, с. 62).

³³ См. Weeden, 2011, с. 349.

(84) *kuiēš=ma* NAM.RA.ЃI.A *parā* INA ^{URU}*PŪRANDA* *pāir*
 DEM.NOM.PL.C=PTC люди.PL вперед ALL город Пуранда идти.PST.3PL
 ‘Эти люди пошли в город Пуранда.’ (КВо 3.4 obv. ii 34–35 (HX), см.
 Grémois, 1988, с. 61).

(85) *na=ašta kēdaš* ANA KUR.KUR.MEŠ *ammuk anda*
 &=PTC DEM.DAT/LOC.PL ALL страна.PL 1SG.ACC ADV
dāliyat
 позволять.PST.3SG
 ‘[Он] послал меня в эти земли.’ (KUB 1.1 obv. ii 55 (HX), Otten, 1981,
 с. 14).

(86) *na=an=kan* ANA ^{GIŠ}GIGIR *waggariyanun*
 &=3SG.ACC=PTC LOC колесница восставить против.PST.1SG
 [na]šma=an=kan ŠÀ É-TI *waggariyanun*
 или=3SG.ACC=PTC середина дом.GEN.SG восставить против.PST.1SG
 ‘Напал(?) я на него на колеснице, или напал(?) я на него внутри дома?’
 (KUB 1.6 rev. iii 13–14 (HX), там же, с. 22)

Данное различие последовательно проводится в некоторых объёмных текстах новохеттского периода, таких, как Десятилетние анналы Мурсили (КВо 3.4 + KUB 23.125) или в Апологии Хаттусили (KUB 1.1+). Следующие примеры иллюстрируют описанную тенденцию при помощи минимальных пар: *INA* предшествует топонимам ^{HUR.SAG}*KASSŪ* и ^{URU}*APĀŠA*, а *ANA* – именам нарицательным *NAM.RA* и *URU-LIM* и личному имени ^m*PITPARA*:

(87) *ammuk=ma* INA ^{HUR.SAG}*KASSŪ* ANA ^m*PITPARA* Ū ANA *NAM.RA*
 я=PTC ALL гора Кассу ALL Питапара & ALL люди
EGIR-anda pāun
 ADV идти.PST.1SG
 ‘Я же пошёл на гору Кассу, к Питапаре и за (пленными) людьми.’ (КВо 5.8 rev. iii 40–41 (HX))

- (88) *nu INA* ^{URU} *APĀŠA ANA URU-LIM ŠA* ^m *ŪḪḪA-LÚ andan*
 & ALL город Апаса ALL город.GEN.SG GEN Уххацити ADV
pāun

идти.PST.1SG

‘Я вошёл в город Апаса, город Уххацити.’ (КВо 3.4 obv. ii 29–30 (HX), см. Grélois, 1988, с. 61)

- (89) *mān=za* MUNUS.LUGAL *INA* ^{URU} *ŠAMŪḪA É ABI ABI*
 когда=PTC царица LOC город Самуха дом отец отец
^D *UTU-Š=I šarāzziya=ššan ANA É-TI šer*
 солнце=POSS.1SG верхний.DAT/LOC.SG=PTC LOC дом.GEN.SG наверху
^D *IŠTAR* ^{URU} *TAMININQA MU-ti mēya[ni]*
 богиня Иштар город Тамининка год.DAT/LOC.SG период времени.DAT/LOC.SG
iēzzi

делать.PRS.3SG

‘Когда царица отправляет культ Иштар города Тамининка в городе Самуха в доме деда его величества наверху в верхнем доме в течение года.’ (KUB 12.5 rev. iv 17-20 (CX))³⁴

Обращает на себя внимание, что сочетания топонимов с шумерограммой KUR ‘страна’ в некоторых текстах (например, в Десятилетних анналах) следуют правилу для одиночных топонимов и всегда употребляются с аккадограммой *INA*, при этом в других текстах выбор предлога для них будет таким же, как для имён нарицательных:

- (90) *nu namta INA KUR AZZI ŪL pāun*
 & затем ALL страна Ацци NEG идти.PST.1SG

‘И затем в страну Ацци я не ходил.’ (КВо 3.4 rev. iv 23’ (HX), там же, с. 70)

- (44) *nu=šši ANA KUR* ^{URU} *KARGAMIŠ* ^{URU} *Kargamišaš=pat*
 &=3SG.DAT LOC страна город Каркамис город Каркамис.NOM.SG=PTC
1-aš URU-aš ŪL takšulait
 1.NOM.SG.C город.NOM.SG NEG заключать мир.PST.3SG

³⁴ Автор выражает благодарность Микеле Каммарозано за указание на этот пример.

‘И в стране города Каркамис только город Каркамис, один город, не заключил с ним мир.’ (КВо 5.6 obv. ii 9-10 (НХ), del Monte, 2008, с. 87)

Возможно, подобная непоследовательность свидетельствует о неоднозначности роли шумерограммы KUR в сочетаниях с топонимами, которая была показана в главе 3: в некоторых контекстах данная шумерограмма могла не иметь соответствия в устном хеттском языке, выполняя функции детерминатива. Употребление аккадограммы INA в таких случаях было бы оправдано, исходя из обозначенной выше тенденции.

Любопытно, что шумерографические комбинации É.LUGAL и É.GAL-LIM со значением ‘царский дворец’ при употреблении в новохеттских текстах во всех известных мне случаях сочетаются с аккадограммой INA, подобно топонимам:

- (91) *nu=za* ^DUTU-š=I *kuin* NAM.RA INA É LUGAL
 &=PTC солнце=POSS.1SG REL.ACC.SG.C люди DAT дом царь

uwatenun

приносить.PST.1SG

‘И я каких людей я доставил во дворец...’ (КВо 3.4 obv. ii 41 (НХ), Grélois, 1988, с. 61)

- (92) DUB.1.KAM INA É LUGAL PANI ^DZITḪARIYA GAR-ri
 1 табличка LOC дом царь перед бог Цитхария лежать.PRS.MED.3SG

‘Одна табличка лежит во дворце перед богом Цитхария.’ (Во 86/299 rev. iv 50 (НХ), Otten, 1988, с. 28)

- (93) *n=aš* INA É.GAL-LIM *anda ueriyanza*
 &=3SG.NOM.C ALL дворец.GEN.SG ADV звать.PTCP.NOM.SG.C

ēšt[a]

быть.PST.3SG

‘И его позвали во дворец.’ (KUB 22.70 obv. 10 (НХ))

Вполне вероятно, что сочетание «дом царя», указывавшее на хорошо известное место, могло восприниматься как топоним, вследствие чего и сопровождалось аккадограммой INA в контекстах, соответствующих новохеттскому дативу/локативу. В том случае, когда текст был написан от лица самого царя,

дворец мог быть обозначен сочетанием шумерограммы Ё и аккадского посессивного суффикса. Такие именные группы также могли вести себя как топонимы и сочетаться с аккадограммой *INA*:

- (94) DUB.1.KAM=*ma* ^{mD}LAMMA-*aš* LUGAL KUR ^{URU D}U-TAŠŠA *INA*
 1 табличка=PTC Курунта.NOM.SG царь страна город Тархунтасса LOC
 Ё=*šU* *harzi*
 дом=POSS.3SG.M иметь.PRS.3SG

‘Но одну табличку Курунта, царь страны Тархунтасса, имеет в своём доме.’ (Bo 86/299 rev. iv 51 (HX), Otten, 1988, с. 28)

Некоторые другие сочетания с шумерограммой Ё также использовались в качестве топонимов и, как следствие, сопровождалась аккадограммой *INA* в контекстах, соответствующих новохеттскому дативу/локативу. Следующий контекст представляет собой минимальную пару: сочетание топонима Ё^{NA4} *hekur* с аккадограммой *INA* и сочетание имени нарицательного ALAM MUNUS.LUGAL с *ANA*:

- (95) *n=at=kan* *INA* Ё ^{NA4}*hekur* ^DLAMMA *ANA* ALAM
 &=3SG.ACC.N=PTC ALL дом скала божество-покровитель ALL статуя
 MUNUS.LUGAL *anda pēter*
 царица ADV приносить.PRT.3PL

‘И они принесли это в святилище божества-покровителя к статуе царицы.’ (KUB 22.70 obv. 20-21 (HX))

В то же время, аккадограмма *ANA* встречается в сочетании с шумерографическими написаниями с компонентом Ё ‘дом’, которые не указывают на определённое место и не являются топонимами, как в примере ниже, где референтом именной группы Ё.MEŠDINGIR.MEŠ не являются определённые храмы:

- (96) *kuetaš* *ANA* Ё.MEŠ DINGIR.MEŠ LUGAL MUNUS.LUGAL
 REL.DAT/LOC.PL ALL дом.PL бог.PL царь царица
peran EGIR-*pa iyantari*
 ADV ADV идти.PRS.3PL.MED

‘В какие храмы царь (и) царица ходят...’ (KUB 6.45 rev. iii 6-7 (HX))

Итак, приведённый материал показывает, что при маркировании на письме гетерографических аргументов с семантическими ролями конечной точки движения и места в новохеттский период аккадографические предлоги *ANA* и *INA* во многих текстах были распределены особым образом, который не вытекал непосредственно ни из аккадской грамматики, ни из дистрибуции соответствующих хеттских падежных показателей (контраст между которыми при аргументах с такими семантическими ролями уже был утерян): аккадограмма *INA* использовалась в сочетании с топонимами, а аккадограмма *ANA* – в прочих случаях.

В большинстве случаев аргумент, имеющий семантическую роль бенефактива, реципиента или адресата и записанный гетерографически, на письме сопровождается аккадограммой *ANA*:

- (97) *mān=ma=ka[n DUMU=KA Š]EŠ=KA QADU*
 если=PTC=PTC сын=POSS.2SG брат=POSS.2SG с
 ÉRIN.MEŠ=KA ANŠE.KUR.RA.MEŠ=KA ANA LUGA[L]
 военный отряд.PL=POSS.2SG лошадь (колесниц).PL=POSS.2SG DAT царь
 KUR ^{URU}[HATTI] *warri parā ūL nāit[ti]*
 страна город Хаттуса помощь.DAT.SG ADV NEG посылать.PRS.2SG
 ‘Но если ты не пошлешь своего сына, своего брата, свои войска, свои колесницы на помощь царю страны города Хаттуса...’ (КВо 5.9 obv. ii 22-23 (HX))

- (98) *ANA ^mŪHHA-LÚ=ma ^{LÚ}TEMA uīyanun*
 DAT Ухха-цити=PTC вестник.ACC посылать.PST.1SG
 ‘Я же послал вестника к Ухха-цити.’ (КВо 3.4 obv. ii 9 (HX), ср. Grélois, 1988, с. 59)

В следующих двух примерах мы встречаем шумерографическое написание É.GAL-LIM ‘дворец’ в сочетании с аккадограммой *INA*. Наблюдения об общих тенденциях в постановке аккадографических предлогов *ANA* и *INA*, представленные ранее, позволяют нам определить синтаксическую роль шумерограммы É.GAL-LIM в данных контекстах: в обоих случаях «дворец» следует анализи-

- (104) *nu=wa=šmaš* ANA *m̄UḪḪA-LÚ* ARAD-*anni* *paiš[ta]*
 &=QUOT=2PL.ACC DAT Уххацити рабство.DAT давать.PST.3SG
 ‘И он отдал вас в рабство Уххацити.’ (KUB 14.16 rev. iii 27’ (HX))

Таким образом, можно сделать вывод, что определённые различия в употреблении предлогов ANA и INA сохранились и в новохеттский период, пусть и в несколько модифицированном виде. Хотя закономерности, отмеченные выше, и не объясняют расстановку данных аккадографических предлогов во всём новохеттском корпусе, важно, что в контекстах, в которых присутствуют минимальные пары, выбор между ANA и INA всегда совершался одним и тем же способом.

Конечно, вопрос о распределении предлогов ANA и INA ещё требует дополнительного отдельного изучения. Тем не менее ясно, что полная идентификация данных аккадограмм с определёнными морфемами хеттского языка не имела места ни в один из периодов развития хеттской письменности, поэтому было бы неверно описывать их как «морфограммы» или, тем более, как «логограммы». Напротив, анатолийские писцы пытались использовать данные графемы для фиксации на письме определённых не выражаемых в устной речи грамматических и лексических различий. Таким образом, ясно, что если с употреблением шумеро- и аккадограмм в хеттском действительно были ассоциированы какие-либо положительные коннотации, это было связано не с их иностранным происхождением, но, скорее, с тем, что они позволяли определённым образом улучшить письменную коммуникацию. Похожим образом французская орфография и до наших дней сохраняет различие между одинаково произносимыми формами мужского и женского рода *aimé* ‘любимый’ и *aimée* ‘любимая’; при этом морфологическая дизамбигуация, выполняемая на письме при помощи *e muet* делает чтение французского текста более гладким. Нужно признать, однако, что гетерографические написания могли иногда и затемнять значение текста: так, одно и то же сочетание знаков могло быть прочитано и как AN-*ši* ‘в небе’, и как DINGIR-LIM ‘бог’. Тем не менее, очевидно, что по крайней мере иногда мотивацией к употреблению гетерограмм могло быть стремление к выражению

на письме не существующих в устной речи семантических различий, относящихся как к области лексической семантики, так и к области грамматических значений.

4.4.3 Разрешение морфологической омонимии

Аккадографические предлоги могли использоваться не только для указания на семантическую категорию или синтаксическую роль следующего за ним слова, записанного гетерографически, но также и для дизамбигуации омонимичных падежных форм хеттских существительных, записанных при помощи силлабограмм. Подобные примеры можно найти уже в древнехеттских памятниках: так, следующий пример из ритуального текста содержит записанную фонетически форму существительного *ḫalpūti* ‘ритуальное приспособление из дерева’, сопровождающуюся аккадографическим предлогом *ANA*.

- (105) *ANA* [*ḫal*]-*pūti* *mānḫand[a]* *māldi*
 DAT ритуальное приспособление.DAT.SG как молиться.PRS.3SG
 ‘Как он молится перед(?) *ḫalputi*...’ (КВо 25.112 obv. ii 14’-15’ (ДХ), см. Neu, 1980, с. 191)

В данном случае аккадографический предлог выполняет важную функцию, указывая на то, что форма *ḫalpūti*, омонимичная форме номинатива от данного существительного, имеет значение дательного падежа.

В следующем примере аккадографический предлог помогает определить падеж и число записанного фонетически существительного:

- (106) *ANA* ^{LÚ.MEŠ} *ašušālaš*
 DAT культовый служитель.DAT.PL
 ‘... исполнителям культа’ (КВо 17.36 rev. iii 4’ (ДХ), см. там же, с. 123)

Хеттское именное окончание *-aš* обслуживало все косвенные падежи во множественном числе, а также именительный и родительный падеж в един-

ственном числе. Именно поэтому присутствие в написании аккадографического предлога особенно важно: он позволяет снять неоднозначность и определить роль именной группы в составе предложения.

В каждом из приведённых в данной секции примеров теоретически можно было бы обойтись без дополнительного маркирования семантической роли при помощи аккадограмм, поскольку словоформы, сопровождающиеся аккадографическими предлогами, записаны полностью силлабографически. Тем не менее, присутствие дополнительного показателя значительно упрощает понимание структуры предложений.

Другой пример использования гетерограмм в целях морфологической дизамбигуации касается заимствованных в хеттский контекст морфем-показателей множественного числа. Так, шумерографический показатель множественного числа ЃI.A мог использоваться для морфологической дизамбигуации при фонетической записи хеттских лексем среднего рода, формы множественного и единственного числа которых совпадали, в таких написаниях как *waštul.ЃI.A* ‘грехи’³⁵.

4.4.4 Семантическая аннотация при помощи шумерографических показателей множественного числа

Использование показателей множественного числа для упрощения письменной коммуникации, однако, не ограничивалось их применением для снятия морфологической дизамбигуации. Г. Хоффнер показал, что между шумерографическими показателями множественного числа $\text{ME}\check{\text{S}}$ и ЃI.A по крайней мере в некоторые периоды развития хеттской письменности существовало дополнительное распределение. Так, в древнехеттскую и среднехеттскую эпоху показатель $\text{ME}\check{\text{S}}$ демонстрирует устойчивую тенденцию к употреблению с существительными, обозначающими людей или божеств, в то время как во всех осталь-

³⁵ Hoffner, 2010, с. 149.

ных случаях обычно употребляется HI.A^{36} . Эта ситуация похожа на ту, что мы наблюдали при исследовании дистрибуции аккадографических предлогов AMA и INA : при наличии нескольких конкурирующих гетерографических грамматических показателей, соответствующих одним и тем же хеттским морфемам, такие показатели могут принимать на себя дополнительные значения.

4.4.5 Синтаксическая аннотация

В некоторых случаях гетерографические написания могут применяться для уточнения синтаксической структуры предложения, в запись которого они входят. Такие употребления характерны, в частности, для аккадографического предлога ŠA , чаще всего встречающегося в составе именной группы и указывающего на посессивное отношение между вершинным и зависимым именем. Сочетание предлога ŠA с гетерограммой чаще всего указывает на форму родительного падежа соответствующего хеттского имени. Альтернативным способом записи генитивной группы является запись, имитирующая аккадскую посессивную конструкцию с вершиной в сопряжённом состоянии и зависимом имени в форме родительного падежа. В этом случае использование предлога ŠA при записи не требуется:

- (107) DUMU LUGAL
сын царь
'Сын царя.'

Тем не менее, в некоторых случаях аккадографический предлог ŠA используется при записи аккадографической посессивной конструкции, хотя его использование необязательно.

³⁶ Hoffner, 2010, с. 147.

- (108) *nu ÉRIN.MEŠ ANŠE.KUR.RA.MEŠ ŠA KUR URU HURRI*
 & военный отряд.PL лошадь (колесниц).PL GEN страна город Хурри
uezzi
 идти.PRS.3SG
 ‘И войска и лошади (колесниц) страны Хурри уходят.’ (КВо 5.6 obv. ii 16 (HX))
- (109) *nu LU KUR ŠA KUR URU HURRI ŪL IKŠUD*
 & враг GEN страна Хурри NEG встречать.PST.3SG
 ‘И он не встретил врага страны Хурри.’ (КВо 5.6 obv. ii 43-44 (HX))

Использование *ŠA* в данных написаниях позволяет легче понимать смысл написанного. Так, в первом из двух примеров выше аккадограмма *ŠA* разделяет сложную именную группу на две части и отделяет вершинные именные группы от зависимых. Во втором случае *ŠA* указывает на то, что именная группа построена как генитивная конструкция, а не как аппозиция, что важно для смысла текста.

Таким образом, если в случае дополнительной дистрибуции аккадограмм *ANA* и *INA* данные предлоги фактически выполняли функции детерминативов, указывая на семантический класс гетерографически записанных существительных, к которым они относились, то *ŠA* нередко ведёт себя скорее как запятая в современных европейских письменностях, деля именную группу на смысловые части и устраняя неоднозначность в тех случаях, когда она могла бы возникнуть.

4.4.6 Заключение

В этом разделе были представлены примеры семантической и синтаксической аннотации хеттских текстов при помощи гетерографических написаний. Данная функция гетерограмм до сих пор лишь отрывочно была освещена в хеттологической литературе. Было показано, что писцы Хаттусы могли исполь-

зовать различные коннотации, связанные с грамматическим или лексическим значением шумеро- и аккадограмм для того, чтобы уточнить синтаксис или семантику записываемого текста, таким образом облегчая процесс чтения потенциальному читателю. Эта функция гетерограмм может объяснить тот факт, что инвентарь гетерограмм, несмотря на то, что он изначально был избыточен для передачи на письме хеттской грамматики (достаточно вспомнить наличие двух конкурирующих шумерографических показателей множественного числа), не сокращался со временем: каждая гетерограмма имела собственный набор коннотаций (например, показатель MEŠ ассоциировался с существительными-обозначениями людей и божеств), за счёт которых между гетерограммами, имеющими одно и то же хеттское соответствие, могла возникнуть дополнительная дистрибуция.

Семантическая и синтаксическая аннотация при помощи гетерограмм, по-видимому, не была уникальным явлением в среде использования шумеро-аккадской клинописи. Некоторой параллелью к использованию писцами царства Хаттусы гетерограмм в качестве инструмента для улучшения письменной коммуникации может быть спорадическое использование создателями аккадских текстов шумерографических показателей множественного числа, для указания на то, что предыдущие клинописные символы следует читать шумерографически³⁷.

4.5 Гетерограммы в клинописных текстах на других языках

4.5.1 Гетерограммы в палайских текстах

Палайский язык — один из анатолийских языков, все дошедшие до нас тексты на котором записаны при помощи клинописи и были найдены в архи-

³⁷ См. Worthington, 2012, с. 284-286. Ср. также аналогичное использование знака TIM: там же, с. 287.

вах Хаттусы. Вопрос о том, функционировал ли палайский в качестве живого языка на протяжении всего периода существования хеттского государства, остаётся дискуссионным³⁸. Тексты на палайском языке содержат куда меньшее количество гетерографических написаний, чем хеттские, тем не менее, иногда гетерограммы в палайских текстах всё-таки встречаются. В рамках дискуссии о функциях хеттских гетерограмм попробуем проанализировать все такие случаи на материале СТН 751-754.

В первую очередь при анализе палайских текстов обращает на себя внимание полное отсутствие аккадограмм среди гетерографических написаний: все немногочисленные гетерограммы имеют шумерское происхождение. Также заметно сокращён и инвентарь детерминативов: встречаются только детерминативы: LÚ ‘человек’ (в написании ^{LÚ}*mayanza* ‘старший’), MUNUS ‘женщина’ (при написании титула царицы ^{MUNUS}*tawananna*), URU ‘город’, D ‘божество’ (оба — при именах собственных). Обращает на себя внимание, что все употребления детерминативов были найдены либо при именах собственных, которые можно было вычлени́ть из контекста даже при слабом знании палайского языка (названия божеств и городов), либо при тех словах, точные соответствия которых есть в хеттском и которые в хеттских текстах принято писать с теми же детерминативами (^{LÚ}*mayant-* и ^{MUNUS}*tawananna*). В то же время отсутствует, например, детерминатив при лексеме, обозначающей определённый вид хлеба (*pulāšīn[a]* KUB 35.165 obv. 5 (CX): в хеттском языке нет совпадающей лексемы, хотя есть когнаты, например, ^{DUG}*pulla-* ‘контейнер для хлеба’). Эти факты говорят в пользу того, что основным препятствием для широкого использования гетерограмм в палайских текстах могло стать слабое знание этого языка писцами Хаттусы.

Использование гетерограмм собственно для передачи палайских лексем ограничено всего несколькими случаями: LUGAL-*i* для передачи формы дательного падежа единственного числа от существительного со значением ‘царь’ (палайская лексема неизвестна) KUB 35.165 obv. 21 (CX), A.A-*ntan* для передачи палайского *miwantan* ‘сильный’ (форма аккузатива единственного числа обще-

³⁸ См. Касьян, Шацков, 2013, с. 98.

го рода) KUB 35.165 obv. 23 (СХ); *ÍD-an-aš* для передачи палайского *ḥārnaš* ‘река’ (именительный падеж единственного числа) KBo 19.153 rev.? iii 7’, 18’ (НХ); *ÍD-aš* для передачи той же формы KUB 35.166 + KBo 19.154 1’, 10’; *GÍR-an* для передачи палайского *ḥaširan* ‘кинжал’ (именительный падеж единственного числа) KBo 19.153 rev.? iii 7’, 19’ (НХ).

Можно заметить, что употребление гетерограмм ограничено всего несколькими палайскими текстами. Это говорит о том, что использование гетерограмм в палайских текстах не было конвенционализировано и могло происходить в зависимости от желания конкретного писца.

В каждом из случаев употребления шумерограмм для передачи палайских слов были использованы фонетические комплементы для уточнения морфологической формы лексем. В хеттских текстах шумерограмма А.А могла использоваться для передачи существительного *muwa-* ‘сила’: А.А-*an*, А.А-*na*³⁹, а также входить в ребусные написания личных имён с тем же фонетическим значением (например, ^m*MI-ID-DA-NA-A.A* KBo 4.12 obv. 6). В написании А.А-*ntan* шумерограмма А.А также имеет фонетическое значение [muwa]. Таким образом, в случае А.А-*ntan* можно говорить о том, что к употреблению гетерограммы писца могла склонить как семантика лексемы, совпадающая с семантикой гетерограммы, так и внешняя форма лексемы, совпадающая с логографическим значением А.А.

Использование шумерограммы *ÍD* ‘река’ также могло иметь свои предпосылки как на уровне семантики, так и на уровне фонетики. В хеттских текстах *ÍD* использовалось для написания форм существительного со значением ‘река’, которое, как чаще всего предполагают, имело вид *ḥara-*. Против этого говорят фонетические комплементы в *ÍD-ni* KUB 17.8 rev. iv 23, *ÍD-an-na* KUB 53.14 rev. iii 14, а также записанные при помощи силлабограмм формы *ḥāppana* KUB 58.50 rev. iii 2, *ḥarana* Bo 6980 7⁴⁰. Таким образом, не исключено, что шумерограмма *ÍD* могла иметь в хеттских текстах два логографических значения [ḥar]

³⁹ Weeden, 2011, с. 135.

⁴⁰ Kloekhorst, 2008, с. 295

и [ḫarḫ], второе из которых и могло быть использовано при передаче палайского существительного *ḫārpa-*.

Написания, использующие шумерограмму GÍR, представляют наибольшую трудность для анализа, поскольку фонетическое соответствие этой шумерограммы в хеттском остаётся неизвестным. В целом, можно сказать, что использование шумерограмм для передачи перечисленных палайских словоформ во многом было обусловлено совпадением как семантического, так и фонетического значения данных шумерограмм с целевыми палайскими формами. Это было немаловажно для переноса данных шумерограмм из их узуса употребления в хеттских текстах в текст на палайском языке при условии вероятного недостаточного знания палайского языка писцом Хаттусы.

Интересно, что палайский текст, в котором встретилось наибольшее количество шумерограмм, — КВо 19.153 rev.? iii — имеет параллельный текст КВо 19.152 obv. i, в котором на месте шумерографических использованы силлабографические написания. При этом текст КВо 19.153 датируется как новохеттский, а КВо 19.152 — как среднехеттский⁴¹. Таким образом, исходя из датировок, можно сделать вывод, что шумерограммы были использованы при переписывании текста. Естественно предположить, что в таком случае основной функцией гетерограмм была аббревиация: писец предпочёл использовать шумерограммы потому, что они позволяли использовать меньше клинописных знаков и таким образом сократить количество работы. На использование шумерограмм писца могло натолкнуть то, что палайские словоформы, которые ему требовалось передать на письме, были похожи по значению и по произношению на хеттские, для которых существовали конвенционализированные гетерографические написания.

Обращает на себя внимание также тот факт, что среди немногих шумерограмм, использовавшихся при написании палайских текстов, присутствует шумерограмма KI.MIN ‘тоже’ (см., например, KUB 35.165 rev. 12'-13'). Использование этой шумерограммы было, очевидно, идентично использованию в совре-

⁴¹ По данным конкорданса <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/hetkonk/>

менной стенографии и типографии символов повтора. Естественной функцией этой шумерограммы могла быть только аббревиация для сокращения объёма работы писца.

Таким образом, можно сделать вывод, что аббревиация являлась основной функцией гетерограмм в палайских текстах.

4.5.2 Гетерограммы в клинописных лувийских текстах

Лувийский – анатолийский язык, широко распространённый на территории царства Хаттусы на всём протяжении его существования. С течением времени лувийский язык приобретал всё большее значение в хеттском государстве, к XIII в. до н. э. став основным разговорным языком его столицы⁴². Дошедшие до нас тексты на лувийском языке выполнены с использованием двух систем письменности: часть текстов записана при помощи анатолийского иероглифического письма, часть при помощи клинописи. К первой группе главным образом относятся монументальные надписи позднейших хеттских царей и правителей новохеттских княжеств, во второй преобладают транскрипции текстов заклинаний, сопровождающиеся комментарием на хеттском языке⁴³. Некоторые исследователи считают, что клинописные и иероглифические лувийские тексты отражают разные ареальные диалекты лувийского языка⁴⁴. Лувийский клинописный корпус значительно обширнее палайского и содержит несколько сотен фрагментов.

В клинописи на лувийском языке значительно чаще, чем в палайских текстах, о которых шла речь в предыдущем разделе, встречаются гетерографические написания, без которых не обходится практически ни один крупный клинописный фрагмент. По сравнению с палайскими текстами также значитель-

⁴² См. Якубович, 2013, с. 107

⁴³ См. там же, с. 108

⁴⁴ См. Баюн, 2011, с. 92.

но шире и инвентарь использовавшихся гетерограмм, включающий более сотни написаний, использовавшихся как для записи слов лувийского языка, так и в качестве детерминативов. Использование детерминативов в лувийских фрагментах так же частотно, как и в текстах на хеттском языке. Разительный контраст с низкой частотностью детерминативов в палайских текстах может объясняться тем, что компетенция писцов в палайском языке была значительно ниже, чем в лувийском, который мог являться родным языком писца, и они не всегда могли определить семантический класс записываемого существительного.

Как и в случае палайских текстов, при исследовании лувийских фрагментов обращает на себя внимания практически полное отсутствие аккадографических написаний в лувийском контексте. Среди немногочисленных исключений преобладают гибридные написания (DINGIR-LIM-*a[š]* KUB 35.54 obv. ii 3', UD-MI.ḪI.A-*ti* KUB 35.45 obv. ii 9). При фиксации на письме лувийского языка писцы практически никогда не пользовались аккадографическими предложениями: единственный несомненный случай использования аккадографического предложения в лувийском контексте относится к следующему фрагменту (помимо указанного случая в KUB 35.47 6' встретилось сочетание ANA EN без сохранившегося контекста):

(110) *a=ta* *ā[pp]a* DINGIR.MEŠ-*anza* ŠA EN SÍSKUR *parran*
 PTС=3SG.NOM.N снова бог.PL-DAT.PL GEN господин ритуал перед
ni[š] *auiti*
 PRON приходить.PRS.3SG

‘Пусть оно не приходит снова перед богами господина ритуала.’ (KUB 35.54 obv. ii 39'-41' (CX), см. Starke, 1985, с. 67)

В данном случае аккадограмма ŠA была использована для указания на синтаксическую связь внутри именной группы DINGIR.MEŠ-*an-za* ŠA EN SÍSKUR ‘заказчик ритуала (букв. ‘господин ритуала’)’. Данная именная группа достаточно частотна в текстах заклинаний, и в прочих случаях генитивное отношение в ней выражается либо при помощи лувийских фонетических комплексов, либо при помощи порядка слов с использованием аккадографической посессивной

конструкции. Исключительность контекста с *ŠA* может объясняться тем, что в данном случае после слова DINGIR.MEŠ-*an-za* следовал перевод строки, из-за чего писец мог почувствовать необходимость в дополнительном указании на единство именной группы.

Из-за того, что при записи лувийских текстов писцы практически не пользовались аккадографическими предлогами, подавляющее большинство гетерограмм сопровождаются фонетическими компонентами, указывающими на окончание подразумеваемого слова и, соответственно, на его грамматическую форму.

Тем не менее, в некоторых случаях фонетический компонент на существительном, записанном при помощи гетерограммы, мог опускаться. Так происходило, в частности, в тех случаях, когда рядом с таким существительным находился согласованный с ним именной модификатор, на котором уже было обозначено лувийское падежное окончание.

- (111) $a=wa=ti$ *zinza* ÍD.TUR.MEŠ=*KUNU āhha t[i- ...]*
 &=QUOT=3SG.DAT.REFL DEM.ACC.PL.C речка.PL=POSS.2PL прочь ...
 ‘И прочь (от) этих маленьких рек(?)...’ (KUB 35.89 17’ (CX), см. Starke, 1985, с. 228)

- (112) $a=ku=wa$ *apinza* LÚ.MEŠ NAGAR *uw[atandu]*
 &=PTC=QUOT DEM.ACC.PL.C плотник.PL приносить.IMP.3PL
 ‘И пусть приведут этих плотников...’ (KBo 29.25 rev. iii? 12’ (CX), см. там же, с. 226)

Избегая двойного маркирования падежа внутри именной группы, писцы организовывали запись лувийского материала наиболее экономным образом. Похожая стратегия нередко могла использоваться при гетерографических написаниях и в хеттских текстах, например, при маркировании семантической роли именной группы при помощи аккадографического предлога, где предлог чаще являлся единственным маркером, распространяя своё действие на вершину именной группы и на все её зависимые.

Можно найти и практически идентичные приведённым выше лувийским контекстам примеры опущения фонетического компонента в хеттских текстах:

(113) D UTU-*i* D IŠKUR=*ya* *mēmiški*
 бог солнца.DAT.SG бог бури=& говорить.IMP.2SG
 ‘Говори богу солнца и богу бури.’ (КВо 17.3 rev. iii 5 (ДХ), см. Neu, 1980, с. 15)

(114) *ta* LUGAL-*i* MUNUS.LUGAL=*ya* *tarueni*
 & царь.DAT.SG царица=& говорить.PRS.1PL
 ‘И мы говорим царю и царице.’ (КВо 17.1 rev. iv 9 (НХ), см. там же, с. 10)

Перечисленные примеры относятся к древнехеттскому корпусу текстов, то есть отражают эпоху, когда хеттская орфография ещё не до конца конвенционализировалась. В более поздние эпохи для маркирования роли сложной гетерографической именной группы чаще всего использовались аккадографические предлоги. Любопытно, что похожий приём был использован и при записи лувийского языка, для которого также не существовало письменной традиции и устоявшихся орфографических правил.

Фонетические компоненты на лувийских формах, записанных гетерографически, могли также опускаться при записи аккадографической посессивной конструкции. Её использование в лувийском контексте ограничено всего несколькими сочетаниями, среди которых уже упоминавшаяся именная группа EN SÍSKUR ‘заказчик ритуала’, LUGAL KUR ^{URU}HATTI ‘царь страны города Хатти’, D U AN ‘небесный бог грозы (Тархунт)’. При использовании этого способа записи фонетические компоненты отсутствовали на вершинном и на зависимом имени.

Как и в палайских фрагментах, в клинописных текстах на лувийском языке полностью отсутствуют гетерографически записанные глаголы. Основная масса гетерографических написаний кодирует имена существительные, как собственные, так и нарицательные, а также притяжательные прилагательные.

Отдельно следует сказать об использовании в лувийских клинописных текстах шумерографических показателей множественного числа. Показатель MEŠ более частотен, чем 𒆗.А (64 против 38 в исследовательском корпусе). В одном случае, очевидно, по ошибке, при шумерограмме были употреблены сразу оба показателя: DINGIR.MEŠ.𒆗.А=za (КВо 27.61 6'). При этом распределение между двумя показателями не во всех случаях выглядит случайным: так, например, шумерограмма DINGIR 'божество' во всех случаях сопровождается показателем MEŠ (кроме неоднозначного примера КВо 27.61 6').

Примечательно, что, как и в хеттских текстах, во фрагментах на лувийском языке можно отыскать написания, указывающие на использование гетерограмм для семантической дизамбигуации. Так, притяжательное прилагательное *lūlahi(ya)*- 'относящийся к жителям гор' в большинстве случаев закономерно встречается в лувийских текстах с детерминативом ^{LÚ} 'человек'. Тем не менее, в одном контексте данное прилагательное употреблено в сочетании с детерминативом ^D 'божество':

- (115) ^D *Lūlahinzaš=tar* *hūpparaza* *kuinzi*
 лулаховский.АСС.РL.С=РТС перевязь.АСС.РL REL.NOM.РL.С
hišhiyanti
 повязывать.РRS.3РL
 'Те, кто повязывает перевязи Лулахи...' (KUB 9.31 obv. ii 24 (HX), см. Starke, 1985, с. 53)

Детерминатив уточняет семантику посессора, указывая на то, что притяжательное прилагательное *lūlahinzaš* в данном случае имеет в качестве референта «богов Лулахи».

В лувийском языке клинописных текстов из Хаттусы при выражении посессивного отношения между существительными при некоторых падежах вершинного имени не было грамматической возможности отразить число посессора: притяжательные прилагательные, конструкции с которыми являлись основным способом выражения посессивности в лувийском языке, были нейтральны

по числу посессора⁴⁵. Интересно, что при этом при гетерографической записи лувийских посессивных прилагательных в некоторых случаях использовались шумерографические показатели множественного числа MEŠ и ҒI.A. Очевидно, при помощи шумерографических показателей писцы стремились уточнить число посессора, для выражения которого в устном языке не было грамматических средств.

В некоторых случаях употребление шумерографических показателей множественного числа было связано скорее с уточнением чтения гетерограмм. Так, шумерограмма IGI в значении ‘глаз’ в составе притяжательных прилагательных всегда записывается с показателем ҒI.A. Вероятно, в таких случаях показатель множественного числа должен указывать на конкретное значение, в котором употреблена шумерограмма. В хеттских текстах IGI всегда сопровождается показателем множественного числа в тех случаях, когда имеет значение ‘глаз’ (см., например, IGI.HI.A-*za* GIG-*z*[(*a*)] ‘глазная болезнь’ KUB 35.88 rev. iii 15’); в других случаях возможны альтернативные прочтения, например, IGI-*anda* соответствующее хетт. *menahhanda* ‘напротив’.

Как и в палайских текстах, в лувийских клинописных фрагментах нередко используется шумерограмма KI.MIN, при помощи которой писцы могли сократить фонетическую запись, опуская повторяющиеся фрагменты.

4.5.3 Заключение

Клинописные тексты на лувийском и палайском языках демонстрируют сильные отличия в орфографии от текстов на хеттском языке: в текстах на этих языках заметно меньше гетерографических написаний и практически полностью отсутствуют аккадограммы. Отсутствие аккадограмм в этих текстах позволяет говорить о том, что гетерограммы шумерского и аккадского происхождения по-разному воспринимались пользователями хеттской системы пись-

⁴⁵ Якубович, 2013, с. 45-53

ма. Шумерограммы должны были восприниматься в рамках инвентаря клинописных графем как более ядерные и более нейтральные по отношению к языку написания элементы, чем аккадограммы, для которых связь с аккадским языком, языком-источником гетерограмм, была ещё слишком сильна. Подтверждением этого служат результаты исследования Марка Видена, который пришёл к выводу, что большая часть аккадограмм в хеттских текстах должна была произноситься по-аккадски.

В то время как хеттская письменность являлась прямой наследницей аккадского письма, лувийский и палайский языки не были связаны в такой же мере с этой письменной традицией. Если процесс создания текста на хеттском языке, возможно, всегда в той или иной степени был связан с переключением кодов между аккадским и хеттским языками, то тексты на лувийском и палайском языках могли порождаться в совершенно другой ситуации.

Тексты на лувийском языке ожидаемо демонстрируют большее количество гетерографических сочетаний, чем палайские, потому что уровень владения лувийским языком в среде писцов Хаттусы, как предполагается, был гораздо выше, чем уровень владения палайским. Таким образом, писцы могли с лёгкостью сопоставлять лувийским лексемам соответствующие им по значению шумерские логограммы, в то время как та же операция для палайских лексем была затруднена.

Поскольку большинство лувийских текстов относились к сфере практической магии, восстановление устной формы исходного текста было обязательным условием их письменной фиксации. Именно поэтому число шумерограмм даже в лувийских текстах относительно небольшое, и практически все шумерограммы снабжены фонетическими комплементами – писцы хотели быть уверены в том, что чтение записанных ими лувийских заклинаний не будет представлять сложность для потенциальных читателей. Вероятно, при записи лувийского языка использовались только те шумерограммы, соответствия которым в лувийском должны были подбираться однозначно; в случае палайского использование шумерограмм, по-видимому, было ограничено случаями созвучий

палайских и хеттских слов, для которых существовали конвенционализированные шумерографические обозначения.

Как в случае лувийского, так и в случае палайского языков гетерограммы использовались в основном для аббревиации и, от случая к случаю, для уточнения смысла написанного.

4.6 Заключение

Данная глава диссертации была посвящена анализу функций гетерограмм в хеттских текстах. Было показано, что употребление шумеро- и аккадограмм в целом не было связано со стилистикой текста, при этом по крайней мере в некоторых случаях шумеро- и аккадограммы могли служить для передачи на письме некоторых дополнительных значений, не выражаемых в устной речи. Анализ употреблений гетерограмм в палайских и лувийских текстах подтвердил, что основной функцией гетерограмм являлась аббревиация, а также позволил понять, что статус шумерограмм и аккадограмм в системе хеттской клинописи существенно отличался: если первые воспринимались как неотъемлемая часть инвентаря клинописных знаков и могли быть легко адаптированы к записи нового языка, аккадографические написания были тесно связаны со своим языком-источником и были специфичны для текстов на хеттском языке, традиция письма на котором выросла из аккадской письменности.

Заключение

В данной работе была предпринята попытка уточнить некоторые аспекты функционирования шумеро- и аккадографических написаний в хеттских текстах.

Шумеро- и аккадограммы могли использоваться для передачи как лексических, так и грамматических значений, причём в зависимости от типа написания и его контекста они могли указывать как на некоторую хеттскую словоформу целиком, так и на её часть (как в случае аккадографических предлогов или «морфограмм»), либо вовсе не указывать ни на какой сегмент на хеттском языке (как в случае шумерограмм в роли детерминативов). В данной работе мы отказались от использования терминов «идеограмма» и «логограмма», принятых в современной хеттологической литературе по отношению к шумеро- и аккадографическим написаниям в рамках хеттской клинописи, и последовательно использовали для их обозначения термин «гетерограмма», нейтральный по отношению к типу означаемого письменных знаков.

Широкое использование написаний с использованием элементов шумерского и аккадского языков для записи хеттских текстов могло оказывать влияние на языковое поведение писцов. Данное влияние, как было показано в данной работе на примере сочетаний именных групп в гетерографическом написании с клитиками, не ограничивалось уже известными случаями произнесения отдельных гетерограмм на шумерском и аккадском языках при диктовке, но затрагивало также и синтаксическую структуру хеттского предложения. Так, в писцовом жаргоне по сравнению со стандартным хеттским синтаксисом мог подвергаться изменениям порядок слов внутри синтаксических групп по шумерским или аккадским моделям, были возможны «непрозрачные» для клитик группы.

Как было показано на примере сочетаний шумерограммы KUR с топонимами, переход от гетерографических написаний к исходному устному высказы-

ванию не всегда однозначен. Природа неоднозначности, возникающей при использовании гетерографических письменных средств, может быть различной: в некоторых случаях неоднозначность связана с тем, что по гетерографическому написанию невозможно установить исходный порядок слов (как в случае сложных именных групп не в сочетании с клитиками, которые могли бы указывать на исходный порядок слов), в других случаях с тем, что невозможно точно определить состав лексем, скрывающихся за гетерографическим написанием, и тип синтаксического отношения между ними (как в случае сочетаний шумерограммы KUR с топонимами). Другой тип неоднозначности, связанный с переключением кодов в писцовом жаргоне, заключается в том, что в некоторых случаях может быть неясен сам язык исходного устного фрагмента (как в случае сочетания шумерограммы DAM с аккадскими посессивными показателями). Исходя из этого, можно заключить, что передача точного языкового выражения не была приоритетной целью писцов Хаттусы при создании текстов на хеттском языке.

Помимо простого следования традиции, за использованием гетерографических написаний могли стоять и прагматические соображения. Так, анализ употребления гетерограмм показал, что в некоторых случаях (помимо уже известных случаев использования шумерограмм-детерминативов) шумеро- и аккадограммы могли служить для передачи на письме некоторых дополнительных значений, которые не выражались в устной речи и не могли быть выражены на письме. Таким образом, в каких-то случаях затемняя исходное языковое выражение, гетерограммы в то же время служили средством для более эффективной передачи его смысла. В тех случаях, когда был важен не столько смысл, сколько сама языковая форма, использование гетерографических написаний было более спорадическим (как, например, при записи лувийских ритуальных текстов). Очень важна была и самая очевидная функция гетерограмм – аббревиация. Примеры использования гетерографических написаний для аббревиации можно найти в текстах как на хеттском, так и на лувийском и палайском язы-

ках. В то же самое время нет оснований говорить о том, что гетерограммы могли когда-либо использоваться в качестве стилистического средства.

Список сокращений

1 - первое лицо, 2 - второе лицо, 3 - третье лицо, & - сочинительный союз, сочинительная частица, ABL - отложительный падеж, ACC - винительный падеж, ADV - наречие, C - общий род, DAT - дательный падеж, DEM - указательное местоимение, F - женский род, GEN - родительный падеж, IMP - императив, INDF - неопределённое местоимение, INST - творительный падеж, INT - вопросительное местоимение, LOC - местный падеж, MED - медиальный залог М - мужской род, N - средний род, NEG - отрицание, NOM - именительный падеж, NMLZ - отглагольное существительное, OBL - косвенный падеж, PL - множественное число, POSS - притяжательное местоимение, PROH - прохибитив, PRS - настоящее время, PST - прошедшее время, PTCP - причастие, PTC - частица, QUOT - цитативная частица, REFL - возвратная частица, REL - относительное местоимение, SG - единственное число

ДХ - древнехеттский текст, СХ - среднехеттский текст, НХ - новохеттский текст

Список литературы

- Agbayani B., Golston C.* Second-position is first-position: Wackernagel's Law and the role of clausal conjunction // *Indogermanische Forschungen*. — 2010. — No. 115. — Pp. 1–21.
- Alp S.* Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük (Texte der Hethiter 6). — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991.
- Archi A.* When did the Hittites Begin to Write in Hittite? // *Pax Hethitica: Studies on the Hittites and their Neighbours in Honour of Itamar Singer (Studien zu den Boğazköy-Texten 51)* / ed. by Y. Cohen. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2010. — Pp. 37–46.
- Barton D.* Some problems with an evolutionary view of written language // *The Biology of Language* / ed. by S. Puppel. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1995. — Pp. 19–32.
- Beckman G.* Hittite Birth Rituals. Second Revised Edition (*Studien zu den Boğazköy-Texten 29*). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1983.
- Beckman G.* The city and the country in Hatti // *Landwirtschaft im Alten Orient: Ausgewählte Vorträge der XLI. Rencontre Assyriologique Internationale Berlin 4.-8.7.1994* / ed. by H. Klengel, J. Renger. — Berlin : Dietrich Reimer, 1999. — Pp. 161–169.
- Cajnko M.* Akkadographic Analytic Case Markers in Hittite // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. — 2016. — 106(2). — Pp. 215–231.
- Cancik-Kirschbaum E.* Writing, Language and Textuality: Conditions on the transmission of knowledge and the emergence of systematic thought in the Ancient Near East // *Globalization of Knowledge and its Consequences. Based on the 97th Dahlem Workshop Berlin 2007* / ed. by J. Renn. — Berlin : Edition Open Access - Studies 1, 2012. — Pp. 125–151.

- Carruba O.* Das Palaische. Texte, Grammatik, Lexikon (Studien zu den Boğazköy-Texten 10). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1970.
- Champollion L. J.* Grammaire égyptienne, ou principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliquée à la représentation de la langue parlée. — Paris : Typographie de Firmin Didot Frères, 1836.
- Cooper J. S.* Sumerian and Akkadian // The World's Writing Systems / ed. by P. Daniels, W. Bright. — New York, Oxford : Oxford University Press, 1996. — Pp. 37–56.
- Cotticelli-Kurras P.* “Schema”, Akkusativ der Beziehung oder (sekundaere) Praedikation? // Anatolica et Indogermanica. Studia linguistica in honorem Johannis Tischler septuagenarii dedicata / ed. by H. Marquardt, S. Reichmuth, J. V. G. Trabazo. — Innsbruck : Institut für Sprachen und Literaturen, 2016. — Pp. 27–42.
- de Saussure F.* Cours de linguistique générale: publié par Charles Bally et Albert Sechehaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. — Lausanne : Libraire Payot, 1971.
- del Monte G. F.* Le gesta di Suppiluliuma. — Pisa : Edizioni Plus - Pisa University Press, 2008.
- Derrida J.* De la grammatologie. — Paris : Les éditions de Minuit, 1967.
- Diringer D.* The Alphabet. A Key to the History of Mankind. Third Edition. — London : Hutchinson, 1968.
- Eichner H.* Phonetik und Lautgesetze des Hethitischen - ein Weg zu ihrer Entschlüsselung // Lautgesetze und Etymologie, Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / ed. by M. Mayrhofer, M. Peters, O. Pfeiffer. — Wiesbaden : Reichert, 1978. — Pp. 120–165.
- Forrer E.* Die Inschriften und Sprachen des Ḫatti-Reiches // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — 1922. — 76 (n.F. 1). — Pp. 174–269.
- Friedrich J.* Hethitisches Elementarbuch. Erster Teil. Kurzgefasste Grammatik. — Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1940.

- Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste, kritische Sammlung der Deutungen Hethitischer Wörter. — Heidelberg : Carl Winter's Universitätsverlag, 1952.
- Gelb I. J.* A study of writing. — Chicago : University of Chicago Press, 1963.
- Gerçek N. I.* The Kaska and the Northern Frontier of Hatti. Diss. — University of Michigan, 2012.
- Gershevitch I.* The Alloglottography of Old Persian // Transactions of Philological Society. — 1979. — Pp. 114–190.
- Götze A.* Ḫattušiliš. Der Bericht über seine Thronbesteigung nebst den Paralleltexen. — Leipzig : J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1925.
- Götze A.* Madduwattaš. — Leipzig : J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1928.
- Grélois J.-P.* Les annales décennales de Mursili II (CTH 61.I) // Hethitica. — 1988. — No. 9. — Pp. 17–145.
- Gurney O. R.* The Annals of Hattusilis III // Anatolian Studies. — 1997. — No. 47. — Pp. 127–139.
- Güterbock H. G.* The vocative in Hittite // Journal of the American Oriental Society. — 1945. — No. 65, 4. — Pp. 248–257.
- Güterbock H. G.* The Hittite Version of the Hurrian Kumarbi Myths: Oriental Forerunners of Hesiod // American Journal of Archaeology. — 1948. — No. 52, 1. — Pp. 123–134.
- Güterbock H. G.* The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth // Journal of Cuneiform Studies. — 1951. — No. 5, 4. — Pp. 135–161.
- Güterbock H. G.* The deeds of Suppiluliuma as told by his son, Mursili II (Continued) // Journal of Cuneiform Studies. — 1956. — No. 10, 3. — Pp. 75–98.
- Güterbock H. G.* The Hittite Conquest of Cyprus Reconsidered // Journal of Near Eastern Studies. — 1967. — No. 26. — Pp. 73–81.
- Hawkins J. D.* Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Volume I. Inscriptions of the Iron Age. Part 2. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2000.

- Henkelman W. F. M.* Cyrus the Elamite and Darius the Persian: A Case of Mistaken Identity // Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire: Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“, Innsbruck, 24.–28. November 2008 (Classica et Orientalia 3) / ed. by R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler. — Wiesbaden : Oxford University Press, 2011. — Pp. 577–634.
- Hoffner H. A.* Paskuwatti's ritual against sexual impotence (CTH 406) // *Aula Orientalis*. — 1987. — No. 5. — Pp. 271–287.
- Hoffner H. A.* The Laws of the Hittites. A Critical Edition. — Leiden, New York, Köln : Brill, 1997.
- Hoffner H. A.* Letters from the Hittite Kingdom. — Atlanta : Society of Biblical Literature, 2009.
- Hoffner H. A.* Logographic Plural Markers in Hittite Cuneiform Texts // *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion of his fifty-fifth birthday* / ed. by R. Kim [et al.]. — New York : Ann Arbor, 2010. — Pp. 137–158.
- Hoffner H. A., Melchert H. C.* A grammar of the Hittite language. — Winona Lake, Ind : Eisenbrauns, 2008.
- Holland G. B., Zorman M.* The Tale of Zalpa: Myth, Morality and Coherence in a Hittite Narrative (*Studia Mediterranea. Series Hethaea* 19). — Pavia : Italian University Press, 2007.
- Houwink Ten Cate P. H. J.* Mursilis' Northwestern Campaigns—Additional Fragments of His Comprehensive Annals // *Journal of Near Eastern Studies*. — 1966. — No. 25. — Pp. 162–191.
- Houwink Ten Cate P. H. J.* Sidelights on the Ahhiyawa Question from Hittite Vassal and Royal Correspondence // *JEOL*. — 1983-1984. — No. 28. — Pp. 33–79.
- Houwink ten Cate P. H. J.* The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450-1380 BC) (*Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut*

- te Istanbul 26). — Istanbul : Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1970.
- Hrozný B.* Die Sprache der Hethiter: ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. Ein Entzifferungsversuch. — Leipzig : J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1917.
- Jensen H.* Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. — Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969.
- Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 5). — Leiden, Boston : Brill, 2008.
- Kloekhorst A.* Accent in Hittite. A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics (Studien zu den Boğazköy-Texten 56). — Wiesbaden : Harrassowitz, 2014.
- Knudtson J. A.* Die Zwei Arzawa-Briefe: Die Ältesten Urkunden in indogermanischer Sprache. — Leipzig : J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902.
- Langslow D. R.* Approaching Bilingualism in Corpus Languages // Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text / ed. by J. Adams, M. Janse, S. Swain. — Oxford; New York : Oxford University Press, 2002. — Pp. 23–51.
- Laroche E.* Noms de dignitaires // Revue hittite et asianique. — 1956. — No. 14. — Pp. 26–32.
- Laroche E.* Problèmes de l'écriture cunéiforme hittite // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia, Serie III. — 1978. — No. 8, 3. — Pp. 739–753.
- Lewy J.* Untersuchungen zur Akkadischen Grammatik. I. Das Verbum in den "Altassyrischen Gesetzen". — Berlin : Selbstverlage des Herausgebers, 1921.
- Lorenz J., Rieken E.* "Visible Language". Neue Überlegungen zu hethitischen Schreibkonventionen // Atti della giornata di studio "La ricerca nel Vicino Oriente antico: storia degli studi e nuovi orizzonti d'indagine", Toma, 22/02/2012 (SMEA Supplemento 1) / ed. by R. Francia, S. Seminara. —

- Roma : CNR - Istituto di Studi sulle Civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente, 2012. — Pp. 69–78.
- Luraghi S.* Old Hittite Sentence Structure. — London, New York : Routledge, 1990a.
- Luraghi S.* The structure and development of possessive noun phrases in Hittite // Historical Linguistics 1987. Papers from the 8th International Conference on Historical Linguistics / ed. by H. Andersen, K. Koerner. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1990b.
- Luraghi S.* Hittite. — München, Newcastle : Lincom Europa, 1997.
- Marquardt H.* Hethitische Logogramme. Funktion und Verwendung (Dresdner Beiträge zur Hethitologie 34). — Wiesbaden : Harrassowitz, 2011.
- Meacham M. D.* A Synchronic and Diachronic Functional Analysis of Hittite *-ma*. Dissertation. — Berkeley : University of California, 2000.
- Melchert H. C.* A 'new' PIE **men* suffix // Die Sprache. — 1983. — No. 29, 1. — Pp. 1–26.
- Melchert H. C.* Poetic meter and phrasal stress in Hittite // *Mír Curad*. Studies in honor of Calvert Watkins / ed. by J. H. Jasanoff, H. C. Melchert, L. Oliver. — Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft, 1998. — Pp. 483–494.
- Melchert H. C.* Discourse conditioned use of Hittite *-ma* // Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 24. bis 26. September 2007 in Marburg / ed. by E. Rieken, P. Widmer. — Wiesbaden : Reichert, 2009. — Pp. 187–195.
- Michalowski P.* Sumerian // The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages / ed. by R. D. Woodard. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — Pp. 19–59.
- Molina M. A., Sideltsev A. V.* Enclitic *-(m)a* 'but', clause architecture and the prosody of focus in Hittite // Indogermanische Forschungen. — 2015. — No. 120. — Pp. 209–254.

- Neu E.* Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten 18). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1974.
- Neu E.* Althethitische Ritualtexte in Umschrift (Studien zu den Boğazköy-Texten 25). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1980.
- Neu E.* Zu den hethitischen Ortspartikeln // *Linguistica*. — 1993. — No. 33. — Pp. 137–152.
- Otten H.* Die Apologie Hattusilis III. Das Bild der Überlieferung (Studien zu den Boğazköy-Texten 24). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1981.
- Otten H.* Die Bronzetafel aus Boğazköy. Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV (Studien zu den Boğazköy-Texten. Beiheft 1). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1988.
- Otten H., Souček V.* Das Gelübde der Königin Puduhepa an die Göttin Lelwani (Studien zu den Boğazköy-Texten 1). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1965.
- Patri S.* L'alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d'Anatolie (Studien zu den Boğazköy-Texten 49). — Wiesbaden : Harrassowitz, 2007.
- Popko M.* Althethitisch? Zu den Datierungsfragen in der Hethitologie // *Tabularia Hethaeorum: Hethitologische Beiträge Silbin Košak zum 65. Geburtstag* (Dresdner Beiträge zur Hethitologie 34) / ed. by D. Groddek, M. Zorman. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2007. — Pp. 575–581.
- Riecken E.* Sprachliche Merkmale religiöser Textsorten im Hethitischen // *Die Welt des Orients*. — 2014. — No. 44, 2. — Pp. 162–173.
- Riecken E.* Die Numeruskongruenz nach Kardinalzahlen im Hethitischen // *Indogermanische Forschungen*. — 2013. — No. 118. — Pp. 321–338.
- Rousseau J.* Collection complète des oeuvres, vol. 8, in-4. — Genève : Du Peyrou /Moulto, 1780-1789.
- Rubio G.* Writing in Another Tongue: Alloglottography in the Ancient Near East // *Margins of Writing, Origins of Cultures (OIS 2)* (2nd printing) / ed. by S. L. Sanders. — Chicago : The Oriental Institute, 2007. — Pp. 33–70.
- Rüster C., Neu E.* Hethitisches Zeichenlexikon. Inventar und Interpretation der Keilschriftzeichen aus den Boğazköy-Texten (Studien zu den Boğazköy-Texten, Beiheft 2). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1989.

- Rüster C., Neu E.* Deutsch-Sumerographisches Wörterverzeichnis (Studien zu den Boğazköy-Texten 35). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1991.
- Sideltsev A. V.* Verb Adjacent Focus in Hittite // *Rhema*. — 2014. — No. 3. — Pp. 86–97.
- Singer I.* Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods Through the Storm-God of Lightning (CTH 381). — Atlanta : Scholars Press, 1996.
- Sommer F.* Die Aḫḫijavā-Urkunden. Mit 9 Tafeln. Vorgetragen am 9. November 1930. — München : Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1932.
- Starke F.* Die Funktionen der dimensionalen Kasus und Adverbien im Althethitischen (Studien zu den Boğazköy-Texten 23). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1977.
- Starke F.* Zur Deutung der Arzawa-Briefstelle VBoT 1 // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. — 1981. — No. 71. — Pp. 25–27.
- Starke F.* Die keilschrift-Luwischen Texte in Umschrift (Studien zu den Boğazköy-Texten 30). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1985.
- Sturtevant E. H.* Hittite glossary: words of known or conjectured meaning, with Sumerian ideograms and Accadian words common in Hittite texts // *Language*. — 1931. — No. 7, 2. — Pp. 3–82.
- Torri G.* Hiding words behind the signs: The use of logograms in Hittite scribal praxis // *Orientalia N.S.* — 2012. — No. 81. — Pp. 124–132.
- Trabazo G.* Textos religiosos hititas. — Madrid : Trotta, 2012.
- Ünal A.* Ḫattušili III. Teil I. Ḫattušili bis zu seiner Thronbesteigung. Band 2: Quellen und Indices (Texte der Hethiter 4). — Heidelberg : Carl Winter - Universitätsverlag, 1974.
- Ünal A.* Ein Orakeltext über die Intrigen am hethitischen Hof (Texte der Hethiter 6). — Heidelberg : Carl Winter - Universitätsverlag, 1978.

- van den Hout T. P. J.* Der Ulmitešub-Vertrag. Eine prosopographische Untersuchung (Studien zu den Boğazköy-Texten 38). — Wiesbaden : Harrassowitz, 1995.
- van den Hout T. P. J.* Institutions, Vernaculars, Publics: The Case of Second-Millennium Anatolia // Margins of Writing, Origins of Cultures (OIS 2) (2nd printing) / ed. by S. L. Sanders. — Chicago : The Oriental Institute, 2007. — Pp. 221–262.
- van den Hout T. P. J.* Reflections on the Origin and Development of the Hittite Tablet Collections in Hattuša and Their Consequences for the Rise of Hittite Literacy // Central-North Anatolia in the Hittite Period: New Perspectives in the Light of Recent Research. Actes of the International Conference Held at the University of Florence (7–9 February 2007) (Studia Asiana 5) / ed. by F. Peccholi-Daddi, G. Torri, C. Corti. — Rome : ???, 2009. — Pp. 71–96.
- van den Hout T. P. J.* The Elements of Hittite. — Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2011.
- van Soldt W. H.* The Adaptation of the Cuneiform Script to Foreign Languages // The Idea of Writing. Play and Complexity / ed. by A. de Voogt, I. Finkel. — Leiden : Brill, 2010. — Pp. 117–127.
- von Soden W.* Grundrißder akkadischen Grammatik (3rd ed.). In collaboration with W.R. Mayer (Analecta Orientalia 33). — Rome : Edificio Pontificio Istituto Biblico, 1995.
- Waal W.* They Wrote on Wood: The Case for a Hieroglyphic Scribal Tradition on Wooden Writing Boards in Hittite Anatolia // Anatolian Studies. — 2011. — No. 61. — Pp. 21–34.
- Weeden M.* Hittite Logograms and Hittite Scholarship (Studien zu den Boğazköy-Texten 54). — Wiesbaden : Harrassowitz, 2011.
- Werner R.* Hethitische Gerichtsprotokolle (Studien zu den Boğazköy-Texten 4). — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1967.
- Worthington M.* Principles of Akkadian Textual Criticism. — Boston/Berlin : De Gruyter, 2012.

- Yakubovich I. S.* The free-standing genitive and hypostasis in Hittite // Journal of Near Eastern Studies. — 2006. — No. 65, 1. — Pp. 39–49.
- Yakubovich I. S.* Sociolinguistics of the Luvian Language. — Leiden : Brill, 2010.
- Yakubovich I. S.* Review of Patri, Silvain. L’alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d’Anatolie // Journal of Near Eastern Studies. — 2012. — No. 71, 2. — Pp. 390–392.
- Yakubovich I. S.* The degree of comparison in Luwian // Indogermanische Forschungen. — 2013. — No. 118. — Pp. 155–168.
- Yakubovich I. S.* From lower land to Cappadocia // Extraction and Control. Studies in Honor of Matthew W. Stolper / ed. by M. Kozuh [et al.]. — 2014. — Pp. 347–352.
- Yakubovich I. S.* The Luwian title of the great king // L’hittitologie aujourd’hui. Etudes sur l’Anatolie hittite et néo-hittite à l’occasion du centenaire de la naissance d’Emmanuel Laroche / ed. by A. Mouton. — Istanbul : IFEA, 2017. — Pp. 39–50.
- Yoshida D.* Die Syntax des althethitischen substantivischen Genitivs (Texte der Hethiter 13). — Heidelberg : Carl Winter - Universitätsverlag, 1987.
- Zinko M.* Der Gebrauch von Logogrammen in hethitischen Texten – ein sprachwissenschaftlicher Exkurs // ANTAHŠUM^{SAR} ”Çiğdem”. Studies in Honour of Ahmet Ünal Armağan / ed. by S. Erkut, Ö. Sir Gavaz. — İstanbul : Arkeoloji Sanat Yayınları, 2016. — Pp. 563–574.
- Аристотель* Сочинения в четырёх томах. Том 2. — Москва : Мысль, 1978.
- Баюн Л. С.* Лувийский иероглифический язык // Большая российская энциклопедия. Том 18 / под ред. С. Л. Кравца. — Москва : БРЭ, 2011. — С. 92.
- Дьяконов И. М.* Языки древней передней Азии. — Москва : Наука, 1967.
- Дьяконов И. М.* Гетерограмма // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990а. — С. 103.
- Дьяконов И. М.* Логограмма // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990b. — С. 275.

- Иванов В. В.* Хеттский язык. — Москва : Издательство восточной литературы, 1963.
- Касьян А. С., Шацков А. В.* Палайский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / под ред. Ю. Б. Корякова, А. А. Кибрика. — Москва : Academia, 2013. — С. 97—106.
- Козлова Н. В., Касьян А. С., Коряков Ю. Б.* Клинопись // Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии / под ред. Н. Н. Казанского, А. А. Кибрика, Ю. Б. Корякова. — Москва : Academia, 2010. — С. 197—222.
- Кустова Г. И.* Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — 2011.
- Лёзов С. В.* Имперский арамейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Западносемитские языки / под ред. А. Г. Беловой [и др.]. — Москва : Academia, 2009. — С. 496—530.
- Попова О. В.* Орфографические особенности документов из Алалаха (археологический слой VII) в свете происхождения хеттской клинописи: дис. . . . канд. фил. наук. — М., 2015.
- Сидельцев А. В.* Синтаксис простого предложения в хеттском языке. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017.
- Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1961.
- Якубович И. С.* Лувийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / под ред. Ю. Б. Корякова, А. А. Кибрика. — Москва : Academia, 2013. — С. 106—130.

Приложение А

Перечень хеттских текстов, вошедших в исследовательский корпус

Датировка письменных памятников, а также группировка табличек по текстам и номерам СТН приводится согласно справочнику S. Kořak, hethiter.net/: hetkonk (v. 1.98).

А.1 Древнехеттские тексты

СТН 1: КВо 3.22

СТН 2: KUB 36.99

СТН 3: КВо 12.19

СТН 8: KUB 36.104

СТН 9: KUB 36.105 (ДХ?/СХ?), КВо 8.42

СТН 14: КВо 7.14 + KUB 36.100 (ДХ?/СХ?)

СТН 27: KUB 36.106 (+) КВо 9.73 (ДХ?/СХ?)

СТН 272: КВо 22.1

СТН 291: КВо 22.61 + КВо 6.2 + КВо 19.1 + КВо 19.1a + КВо 22.62, KUB 29.16 + КВо 19.2

СТН 292: КВо 25.85 (+) KUB 29.25 (+) KUB 29.35 (+) KUB 29.38 + KUB 29.36 + KUB 29.29 + KUB 29.32 + KUB 29.30

СТН 323: КВо 25.107

СТН 336: KUB 43.25

СТН 412: КВо 17.17

СТН 414: KUB 29.3

СТН 416: KBo 30.33 + KBo 17.1 + KBo 25.3 (+) KBo 17.26 (+ дубл. KBo 17.3 + KBo 17.4 + KBo 20.15 + KUB 43.32 + KUB 43.39 + KBo 17.2 + KBo 17.7 + KBo 25.7 + IBoT 3.135, KBo 17.5 (+) KBo 17.6 (+) KBo 25.8)

СТН 470: KBo 25.102, KBo 25.150

СТН 523: KBo 16.72 + KBo 16.73

СТН 547: KUB 37.223

СТН 560: KBo 25.108

СТН 627: KUB 43.24, KBo 17.9 + KBo 17.20 + KBo 20.5 + KBo 25.12 + ABoT 1.5, KBo 25.17, KBo 25.20 (+) KBo 20.27 (+) KBo 20.26 + KBo 25.34 (+) KBo 25.35 (ДХ?), KBo 17.21 + KBo 17.46 + KBo 20.33 + KBo 25.19, KBo 30.34 + KBo 17.19 + KBo 25.52, KBo 25.61 + KUB 32.94

СТН 631: KBo 17.11 + KUB 43.26 (+) KBo 20.12 (+) KBo 25.95, KBo 20.8, KBo 25.51

СТН 635: KBo 17.14 + KBo 16.71 + KBo 20.16 + KBo 25.13 (+) KBo 20.3 + KBo 20.24 (+) KBo 25.24 + KBo 20.4 (+) KBo 20.2 (+) KBo 25.15, KBo 25.16 + KBo 20.7, KBo 20.13 + KBo 30.35, KBo 25.86 + KBo 25.87 + KBo 17.30

СТН 643: KBo 17.8

СТН 645: KBo 17.15 (ДХ?) (+ дубл. KBo 25.29), KUB 43.30

СТН 647: KBo 25.44, KUB 34.115

СТН 649: KBo 20.9, KBo 20.14 + KBo 25.33, KBo 25.31, KBo 25.36, KBo 25.39, KBo 25.40, KBo 25.45, KBo 25.37, KBo 17.18 (ДХ?/СХ?), KBo 17.43

СТН 662: KBo 17.31

СТН 665: KBo 17.36 + ABoT 1.35 + KBo 20.20 + KBo 20.17 + KBo 25.54 (+ дубл. KBo 17.33 + KBo 25.56 + KBo 20.22 + KBo 17.45), KBo 25.55, KBo 17.12, KBo 25.58

СТН 668: KBo 13.175, KBo 20.11 (+) KBo 20.25 (+) KBo 20.19 + KBo 7.41, KBo 25.22, KBo 25.23, Bo 1291, KBo 25.68 + KBo 17.13 (+) KBo 25.69

СТН 669: KBo 25.62 (+) KBo 25.63, KBo 20.10 + KBo 25.59 (ДХ?/СХ?), KBo 20.35 (ДХ?/СХ?)

СТН 670: KBo 17.16, KBo 25.28, KBo 25.65 + KBo 20.18, KBo 20.37, KBo 16.84, KBo 25.73, KBo 20.1 + KBo 17.29, KBo 17.28, KUB 43.28, KBo 25.82, KBo 25.83, KBo 25.84, KBo 25.88, KBo 25.89, KBo 25.90, KBo 25.91, KBo 25.92, KBo 25.94, KBo 25.96, KBo 25.97, KBo 25.98, KBo 25.99, KBo 25.101, KBo 25.103, Bo 4767, KBo 25.106, KBo 20.21, KBo 30.36

СТН 677: KBo 25.79 (+) KUB 35.126, Bo 3123

СТН 678: KBo 20.23

СТН 731: KBo 25.123 (+) KBo 25.122

СТН 733: KUB 28.75, KUB 8.41 (+) KBo 25.119 (+ дубл. KBo 25.132 (+) KBo 25.121), KBo 25.115 (+) KUB 31.143 (+) KUB 31.143a (+) KUB 43.27 + VBoT 124, KBo 25.112 (+) KBo 25.116 (+) KBo 25.114 (ДХ?), KBo 25.117

СТН 736: KBo 17.22, KBo 25.131

СТН 738: Bo 6594

СТН 742: KBo 25.125 + KUB 28.36

СТН 744: HT 95, KBo 25.38, KBo 25.127 + KBo 25.147 + KBo 25.129 + KBo 17.50, KBo 25.126, KBo 25.130, KBo 20.69 + KBo 25.142

СТН 745: KBo 25.128

СТН 746: KBo 25.133

СТН 752: KUB 32.117 + KUB 35.93 + KBo 19.56 + KBo 8.74 (+ дубл. KBo 17.25, KBo 25.139 + KUB 35.164)

СТН 772: KBo 25.53

СТН 820: KUB 36.110

СТН 832: KBo 17.10, KBo 17.27, KBo 25.93, KBo 25.100

А.2 Среднехеттские тексты

СТН 3: KBo 22.2

СТН 25: KUB 36.108

СТН 28: KBo 16.47

- СТН 40: IBoT 4.346 + KUB 14.23 (CX?)
- СТН 137: KBo 16.27 + KBo 40.330
- СТН 138: KUB 23.77 + KUB 13.27 + KUB 23.77a + KUB 26.40
- СТН 139: KUB 40.36 + KUB 23.78b + KUB 26.6 (+ дубл. KBo 8.35), KUB 31.104 (+) KBo 16.29
- СТН 146: KUB 23.72 + KUB 40.10
- СТН 147: KBo 19.38 + KUB 14.1
- СТН 151: VBoT 1
- СТН 186: HKM 1-45
- СТН 188: HKM 46, HKM 48-51, HKM 96
- СТН 190: HKM 52-95
- СТН 209: HKM 97 (CX?)
- СТН 233: HKM 102 (CX?)
- СТН 236: HKM 98-101, HKM 103, HKM 112
- СТН 239: HKM 109, HKM 110 (CX?), HKM 111
- СТН 242: HKM 104-106
- СТН 243: HKM 108
- СТН 244: HKM 107, HKM 113
- СТН 409: KBo 17.62 + KBo 17.63
- СТН 572: HKM 115
- СТН 581: HKM 47
- СТН 591: Bo 3752
- СТН 701: KUB 12.11 (CX?)
- СТН 713: KUB 12.5
- СТН 750: KBo 17.35 + KBo 20.39 (+) KBo 25.149
- СТН 752: KBo 19.155

А.3 Новохеттские тексты

СТН 4: КВо 10.2

СТН 12: KUB 31.64 + КВо 3.55

СТН 13: КВо 3.46

СТН 40: KUB 23.2, KUB 14.22, KUB 19.12, KUB 31.34, KUB 19.11 (+ дубл. KUB 19.10), KUB 26.84 (+ дубл. КВо 8.29, КВо 14.1), КВо 14.3 (+ дубл. KUB 19.18), КВо 14.4 (+ дубл. КВо 14.5), КВо 14.6, КВо 14.7, КВо 14.8 + КВо 38.85, KUB 34.32, KUB 34.23 (+ дубл. КВо 12.27, KUB 40.8), КВо 19.48 + KUB 19.7, КВо 12.26 (+ дубл. КВо 12.25), КВо 5.6 (+ дубл. KUB 31.7, КВо 14.10, КВо 14.11, KUB 34.25, КВо 14.12 + КВо 16.38 + КВо 39.280, КВо 14.9, KUB 31.7), KUB 21.10 (+ дубл. КВо 22.9), KUB 31.25, КВо 19.45 + KUB 19.4 + KUB 23.8, KUB 19.13 + KUB 19.14 (+ дубл. КВо 19.50), КВо 14.13, КВо 14.14, КВо 14.15, КВо 14.16, KUB 34.29, КВо 14.17, KUB 31.11, КВо 7.16, КВо 9.75, КВо 14.18, КВо 14.42 (+ дубл. KUB 19.22)

СТН 57: КВо 1.28

СТН 58: КВо 12.33

СТН 61: KUB 14.29 + KUB 19.3 (+) KUB 14.28 (+ дубл. КВо 4.4, КВо 10.17, КВо 16.6, КВо 16.7), КВо 7.17 (+) KUB 34.33 (+) КВо 14.19 (+) КВо 16.11 + КВо 14.20 (+) КВо 16.10 (+) КВо 16.15 + КВо 16.13, KUB 14.17, KUB 14.18, KUB 14.19, KUB 23.125 + КВо 3.4 (+ дубл. KUB 14.21 (+) KUB 19.38, КВо 16.1 + КВо 16.2, КВо 16.3, КВо 16.4), КВо 19.76 + KUB 14.20 (+) KUB 19.39 (+ дубл. KUB 14.24, KUB 23.81 + KUB 19.34, КВо 14.40), KUB 14.16 (+ дубл. КВо 12.37, КВо 16.5 + KUB 19.40, KUB 14.25, КВо 16.104 + KUB 14.15), КВо 5.8 (+ дубл. KUB 19.36, КВо 16.14 + КВо 34.44 + КВо 16.8 (+) КВо 16.12 (+) КВо 8.34), КВо 16.17 + КВо 2.5 + КВо 2.5а, КВо 16.18, KUB 19.29, KUB 19.30, KUB 19.37 (+ дубл. КВо 9.76, КВо 16.16 + КВо 40.7), КВо 19.77, KUB 23.36 + KUB 31.35, KUB 26.79, KUB 31.9, KUB 30.75, KUB 31.10, KUB 34.36

СТН 62: КВо 5.9 (+ дубл. KUB 3.119 (+) KUB 14.5, KUB 21.49 (+) KUB 19.48 + KUB 23.6)

СТН 63: KUB 19.31 + KUB 31.21 + KUB 23.126 + KUB 31.36 + КВо 3.3 (+ дубл. КВо 16.23, КВо 50.34, KUB 19.41 + KUB 31.12, КВо 45.270 (+) KUB 40.9 (+) KUB 19.42 (+) KUB 21.30, KUB 19.43, KUB 19.44, KUB 19.45)

СТН 67: КВо 5.4

СТН 68: КВо 50.37 (+) КВо 19.64а (+) КВо 19.64 + КВо 19.62 (+) КВо 19.63 (+) КВо 4.3 (+) КВо 40.34 (+ дубл. KUB 6.48, КВо 19.65 + КВо 50.42 + КВо 4.7 + КВо 22.38, КВо 5.13, KUB 6.44 + KUB 6.43 (+) KUB 6.42 + KUB 19.53, КВо 19.69 (+) КВо 19.66 (+) КВо 19.67 (+) KUB 6.41, KUB 19.51 (+) HFAC 1, KUB 19.54, КВо 19.68, KUB 40.53 (+) KUB 40.41 (+) KUB 19.52, KUB 40.42)

СТН 69: КВо 19.71 + КВо 19.70 + КВо 19.72 + KUB 19.49 + KUB 26.36 + KUB 23.25 + КВо 22.34 + КВо 22.41 (+ дубл. KUB 19.50 + KUB 48.74 + KUB 26.59 + KUB 40.39 + KUB 14.26, KUB 31.83, KUB 40.43)

СТН 70: KUB 14.4, КВо 4.8

СТН 72: KUB 31.121 (+) KUB 31.121а (+) Во 5728

СТН 76: КВо 19.73а + КВо 19.73 + KUB 21.1 + KUB 19.6 (+ дубл. KUB 21.5 + КВо 19.74, KUB 21.2, KUB 21.4, KUB 21.3, HT 8)

СТН 81: KUB 1.1 + KUB 19.60 + KUB 19.61 + KUB 19.62 + KUB 19.63 + KUB 19.66 + KUB 26.44 + KUB 26.46 + 1304/u + 1683/u + 1956/u (+ дубл. КВо 3.6 + АВоТ 1.62 + KUB 1.4 + KUB 1.7 + KUB 19.70 + KUB 26.45 + 674/v + 832/v + Во 68/76 + Во 68/85 + Во 69/256, KUB 1.2 + KUB 19.58 + KUB 19.59, KUB 1.5 + KUB 2.11 + KUB 19.56 + KUB 19.57 + KUB 21.28 + Во 69/240 + Во 69/363 + KUB 26.123, KUB 1.6 + KUB 19.65 + KUB 19.68 + KUB 31.13 + 922/v + 1194/v, KUB 19.67 + KUB 19.64 + 1513/u + Во 69/995 + 1102/v + KUB 1.10 + 511/v + KUB 19.72, KUB 19.69, KUB 19.71 + 1746/u, KUB 1.9, KUB 1.8, 248/w, 236/v)

СТН 82: KUB 21.6а (+) KUB 21.6

СТН 83: KUB 19.9 (+ дубл. KUB 19.8), КВо 12.44, КВо 16.36 + KUB 31.20

- СТН 84: KUB 21.16, KUB 21.24
- СТН 85: KBo 6.29 + KUB 21.12 + KUB 23.127 + Bo 2026b + 1380/u (+ дубл. KUB 21.15 + 509/u + 186/v + 715/v), KUB 21.37, KBo 14.45
- СТН 86: KUB 21.17 (+ дубл. KUB 31.27), KUB 31.26
- СТН 87: KBo 4.12
- СТН 88: KUB 26.48 + KBo 6.28
- СТН 89: KUB 21.29 (+ дубл. KUB 23.123, KUB 31.15)
- СТН 90: KUB 21.11
- СТН 101: KUB 21.8, KUB 21.9
- СТН 105: KUB 23.1 + 93/w + KUB 31.43 + KUB 23.37 + 720/v + 670/v + KUB 23.1a (+ дубл. KUB 8.82 + 1198/u + 1436/u + Bo 69/821)
- СТН 106: Bo 86/299, ABoT 1.57, KBo 4.10
- СТН 121: KBo 12.38
- СТН 122: KBo 12.41 + KBo 13.225 (+) KUB 26.33 (+ дубл. KUB 40.37), KBo 12.30 (+) KUB 26.25
- СТН 123: KBo 4.14
- СТН 124: KUB 23.44 (+) KUB 40.38 + KUB 31.106 + KUB 26.32 (+ дубл. KBo 14.113 (+) KBo 14.112)
- СТН 126: KUB 21.7, KUB 26.68
- СТН 133: KUB 23.68
- СТН 171: KUB 23.102
- СТН 176: KUB 21.38
- СТН 177: KUB 3.74, KUB 23.99, KUB 23.101
- СТН 178: KUB 23.103 (+ дубл. KUB 23.92)
- СТН 181: KUB 14.3
- СТН 182: KBo 18.117 + KUB 48.90 + KUB 19.55
- СТН 187: KBo 18.20, KBo 18.21, KUB 57.125, KUB 23.105
- СТН 191: KUB 19.5
- СТН 202: KBo 18.15
- СТН 204: Msk. 73.1097

СТН 209: KUB 21.36, KUB 21.40, KUB 26.53, KUB 26.89, KBo 18.23

СТН 211: KBo 14.43

СТН 224: KUB 26.58

СТН 225: KBo 22.56 (+) KUB 26.43 (+ дубл. KBo 22.55 (+) KBo 22.59 (+)
KBo 22.57 (+) KUB 26.50 (+) KBo 22.58 (+) KBo 22.60)

СТН 254: KUB 21.46

СТН 255: KUB 26.12 + KUB 21.42 + VBoT 82 (+ дубл. KUB 26.13 + KUB
21.43, KUB 40.24), KUB 26.1 + KUB 23.112 (+ дубл. KUB 26.8, KUB 31.97, KUB
23.67, KUB 26.1a, KBo 22.46)

СТН 256: ABoT 1.56

СТН 291: KBo 22.63 + KBo 6.3

СТН 292: KBo 6.26

СТН 295: KUB 13.33

СТН 335: HKM 116

СТН 341: KUB 8.51

СТН 345: KUB 33.96

СТН 378: KUB 14.14 + KUB 19.1 + KUB 19.2 + 1858/u (+ дубл. KUB
23.3), KUB 14.8 (+ дубл. KUB 14.10 + KUB 26.86, KUB 14.11), KUB 14.12, KUB
14.13 + KUB 23.124 (+ дубл. KBo 22.71)

СТН 380: KBo 4.6

СТН 381: KUB 6.45 + 1111/z + KUB 30.14 (+ дубл. KUB 6.46, KUB 12.35,
KBo 53.12)

СТН 382: KBo 11.1

СТН 383: KBo 52.17 + KUB 21.19 (+) KUB 14.7

СТН 384: KUB 21.27

СТН 390: KUB 7.1

СТН 398: KBo 4.2

СТН 401: KUB 30.36

СТН 406: KUB 7.8 + KUB 9.27 + KUB 7.5

СТН 422: KUB 48.84

СТН 446: КВо 10.45

СТН 470: КВо 52.72

СТН 485: ИВоТ 3.148

СТН 486: KUB 43.50 + KUB 15.36 + KUB 12.27 (+ дубл. ИВоТ 2.112 + KUB 12.31 + KUB 43.51 + KUB 48.100)

СТН 535: KUB 8.28

СТН 561: KUB 5.1

СТН 566: KUB 22.70

СТН 569: КВо 2.6 + KUB 18.51

СТН 585: KUB 15.17 + KUB 31.61 + KUB 26.61 (+) KUB 56.4 (+ дубл. KUB 15.16, KUB 31.52 + 566/v, KUB 56.8 + KUB 31.51 + KUB 26.5, КВо 3.39 + KUB 56.6, KUB 26.64, KUB 31.53 + 1320/u + АВоТ 1.51 + 585/u, KUB 31.50, KUB 31.58 (+) KUB 31.75, KUB 26.60, VВоТ 71, KUB 26.63 + KUB 31.63 + KUB 31.73 + KUB 56.9 + 486/u, KUB 31.56, KUB 31.54, KUB 4.33 + KUB 56.10, KUB 56.2 + КВо 51.123, KUB 56.3, 1421/u, 1384/u, КВо 51.122, 1409/u, 1340/u, 1407/u, 1043/u, 1638/u, 1381/u), KUB 56.7, KUB 56.1, KUB 56.5

СТН 821: ИВоТ 1.30

А.4 Тексты неопределённой датировки

СТН 250: НКМ 114

СТН 291: KUB 29.13